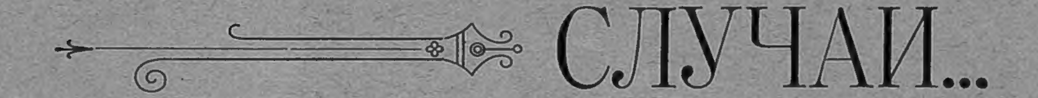
Б15 4/132

Ծ15 4/132

180

Генералъ Иззетъ-Фуадъ-Паша.
(турецкій посланникъ въ Мадридѣ).

УПУЩЕННЫЕ БЛАГОПРІЯТНЫЕ СЛУЧАИ...

СТРАТЕГИЧЕСКО-ТАКТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ КАМПАНІИ 1877—1878 ГГ.

съ 10 схемами.

ПЕРЕВОДЪ
Генеральнаго Штаба Подполковника М. А. РОССІЙСКАГО.

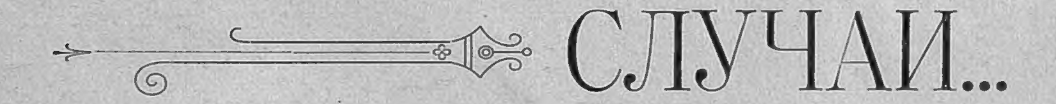
Безплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ" за 1901 г.

Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1901.

Генералъ Иззетъ-Фуадъ-Паша.
(Турецкій посланникъ въ Мадридѣ).

УПУЩЕННЫЕ БЛАГОПРІЯТНЫЕ СЛУЧАИ...

СТРАТЕГИЧЕСКО-ТАКТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ КАМПАНІИ 1877—1878 ГГ.

съ 10 схемами.

ПЕРЕВОДЪ

Генеральнаго Штаба Подполковника М. А. РОССІЙСКАГО.

Безплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ" за 1901 г.

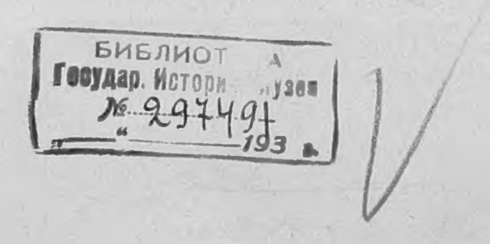

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1901.

1258.

БИБЛИОТ А
Госудаp. Истори узея
№ 297491
193 г.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 14 февраля 1901 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ люди—существуетъ между ними и раздоръ, служащій зародышемъ войны. Такой порядокъ вещей въ натурѣ человѣка и рождается вмѣстѣ съ нимъ. Прошли вѣка и вѣка, но ни воспитаніе, ни культура, въ какомъ бы видѣ они ни проявлялись, не могли помѣшать раздорамъ людей, въ частности, и націй, вообще. Напротивъ, чѣмъ старше и цивилизованнѣе становится человѣческій родъ, тѣмъ болѣе изобрѣтаетъ онъ средствъ для нанесенія зла самому себѣ.

Войны между націями подчиняются тѣмъ же правиламъ, что и ссоры между отдѣльными людьми, т. е. по большей части возникаютъ по ничтожнымъ поводамъ, рѣдко по основательнымъ, еще рѣже по законнымъ.

Итакъ, война вошла въ плоть и кровь человѣческаго общества и будетъ производить свои опустошенія понемножку вездѣ и всегда.

Впрочемъ, если бы войны не было, то народы слабѣли бы и тѣломъ, и духомъ, потому что „согласіе“ рождается изъ „боязни“. Я вѣрю поэтому, въ нравственную сторону войны и смиренно присоединяюсь къ мнѣнію фельдмаршала Мольтке, считавшаго ее необходимой, такъ сказать, *для физической и нравственной гигіены народовъ*,—мнѣніе, противъ котораго, по моему, напрасно, хотя и очень талантливо, сражался Мопассанъ.

Благородный починъ Императора Россіи стремится по-

мѣшать войнѣ сдѣлаться черезчуръ безчеловѣчной, но не уничтожить самую войну.

Русскому Государю хорошо извѣстно, что если отнять у людей усовершенствованное оружіе, то они станутъ драться чѣмъ попало... Пока что, — люди дерутся другъ съ другомъ и будутъ драться еще долго... И тотъ, кто окажется лучше приготовленнымъ къ современному бою, къ большой войнѣ, тотъ и драться будетъ лучше. Отсюда слѣдуетъ, что намъ необходимо къ ней приготовиться! Но, прежде чѣмъ столкнуться съ новымъ непріятелемъ, необходимо знать, *что дѣлалось, чего не дѣлалось и что должно было дѣлаться* при столкновеніи съ противникомъ прежнимъ. Цѣль этой книги заключается въ изученіи всего, касающагося вышепоставленныхъ задачъ, потому что тѣ условія, въ которыхъ живетъ нынѣшнее человѣчество, не позволяютъ еще предвидѣть наступленія „идеальной“ эпохи абсолютнаго мира, и мы были бы вдвойнѣ виновны, если бы въ томъ страшномъ турнирѣ, силуэтъ котораго я вижу на горизонтѣ, повторили прежнія ошибки и упустили бы такіе же благопріятные случаи.

Репутація турецкаго солдата уже сдѣлана: извѣстно, что онъ—превосходенъ и обладаетъ такими воинскими доблестями, что въ самый короткій промежутокъ времени можетъ быть подготовленъ къ войнѣ; поистинѣ чудесны та быстрота, съ какою у насъ образуется армія, и то, что она можетъ сдѣлать—въ тактическомъ отношеніи—съ вождемъ, подобнымъ знаменитому защитнику Плевны, Осману-пашѣ.

Но, да позволено мнѣ будетъ сказать, что не въ этомъ заключается суть дѣла: самые лучшіе солдаты, лишенные однако воинскаго образованія, въ томъ видѣ, какъ оно требуется теперь, представляютъ изъ себя людей, вооруженныхъ ружьями, но не армію. Военнопригодность послѣдней прямо пропорціональна стратегическимъ способностямъ командующихъ ею начальниковъ; въ тактическомъ же отношеніи почти всѣ цивилизованныя арміи болѣе или менѣе хороши.

Завтрашняя война мало чѣмъ будетъ отличаться отъ вчерашней; изучая хорошенько вчерашнюю, мы можемъ подготовиться къ завтрашней, особенно если частыя упражненія и большіе маневры смогутъ развить въ нашихъ начальникахъ глазомѣръ и привычку управлять большими массами.

Быть можетъ, меня упрекнутъ въ томъ, что я осмѣлился критиковать кое-кого изъ нашихъ старыхъ пашей, считавшихся—увы!—великими геніями... но если критика не смѣла, то она—безполезна.

Вслѣдъ за нами настала очередь для англичанъ и буровъ; но этотъ кровавый steeple-chase ни въ какомъ отношеніи не походитъ на то, что представятъ собою будущія европейскія войны. Глубоко преклоняясь предъ чрезвычайною храбростью англичанъ и буровъ, я нахожу, что не у нихъ мы можемъ почерпнуть уроки военнаго искусства.

Генералъ Иззетъ-Фуадъ.

Командиръ императорской оттоманской кавалеріи въ Алеппо [1]).

Алеппо,
декабрь 1899.

---

[1]) Нынѣ турецкій посланникъ въ Мадридѣ.

ГЛАВА I.

Сердарь.

Много писали о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., но, по моему мнѣнію, никто до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается до насъ, не пытался извлечь изъ столь любопытныхъ перипетій этой великой борьбы военнаго этюда, польза котораго была бы очень велика. Разсказы о прошломъ не всегда достаточны для возстановленія истины о данной кампаніи, и я никогда не осмѣлился бы предпринять этого изслѣдованія, если бы судьба не доставила мнѣ случая принимать въ ней гораздо болѣе близкое участіе, чѣмъ это позволяли и мой чинъ, и мой возрастъ, и если бы послѣ нея, предавшись неустанному и страстному изученію нашего искусства, я не производилъ сопоставленій между тѣмъ, что дѣлалось въ теченіе ея и что должно было дѣлаться. Отсюда и родился этотъ трудъ, который я имѣю честь представить очамъ моихъ товарищей; они увидятъ, что я вношу въ него столько же откровенности въ указаніи на наши недостатки, какъ и желанія поставить на истинную высоту наши многочисленныя военныя достоинства.

Цѣль моя заключается не въ писаніи исторіи этой войны, день за днемъ, часъ за часомъ; я хочу въ живомъ стратегическомъ этюдѣ нарисовать крупными штрихами ея различныя комбинаціи, великіе примѣры мужества, совершенныя

ошибки и, особенно, упущенные благопріятные случаи, для того, чтобы извлечь изъ нихъ заключенія, которыя пригодились бы на будущее время. Итакъ, мое изслѣдованіе будетъ критикой, а критика—это свѣтъ!

Всякій критикующій хочетъ научиться. Поэтому нельзя вывести никакого поученія изъ данныхъ событій, не подвергнувъ ихъ критикѣ [1]).

А чтобы лучше исполнить эту работу, необходимо дозволить „времени“—этому возстановителю утраченныхъ равновѣсій—успокоить затронутыя самолюбія, опровергнуть предвзятыя рѣшенія, уничтожить заднія мысли. Какъ только возстановится спокойствіе—появятся здравыя и безпристрастныя оцѣнки... сужденіе сдѣлается правильнымъ и разумъ вступитъ въ свои права.

Двадцать три года, протекшіе со времени послѣдней русско-турецкой войны, могутъ быть разсматриваемы какъ достаточный промежутокъ времени для того, чтобы позволить критику говорить откровенно, не имѣя другой отправной точки, кромѣ истины, и стремясь въ концѣ концовъ къ достиженію... той же истины.

Въ критику такого рода нельзя вводить ни горечь раненаго патріотическаго чувства, ни крайняго шовинизма оскорбленнаго національнаго самолюбія: все это имѣетъ свою собственную исторію; каждая великая и древняя нація, какъ мы, напримѣръ, имѣетъ въ ней и прекрасныя, радостныя страницы, и печальныя. Что есть, то есть — и его нельзя измѣнить ни хвастовствомъ дурного вкуса, ни неумѣстнымъ замалчиваніемъ. Наоборотъ, необходимо заставить блистать солнце истинныхъ принциповъ военнаго искусства, для того, чтобы оно могло освѣтить темные уголки, задрапированные мракомъ временъ. „Теперь, когда мы изучили факты, для

---

[1]) Принцъ Гогенлоэ, *Письма о стратегіи.*

насъ легче раскрыть то стеченіе обстоятельствъ, слѣдствіемъ которыхъ были сдѣланныя ошибки“ [1]).

Если вы, дорогіе товарищи, малые и великіе, молодые и старые, не хотите впасть въ прежнія ошибки и заблужденія, то постарайтесь получше ознакомиться и съ ними, и съ причинами ихъ возникновенія, ибо не слѣдуетъ забывать, что только уроки прошлаго могутъ освѣтить грядущее! Если вы хотите побѣждать, если вы желаете, чтобы эхо вашихъ командъ, гремя, передавалось изъ долины въ долину, изъ страны въ страну и заставляло дрожать вашихъ будущихъ противниковъ, какъ дрожали ваши прежніе враги, то работайте безъ отдыха, работайте день и ночь. Знайте, что если вы не научитесь искусству исправлять свои собственныя ошибки, то никогда не выучитесь и искусству помѣряться съ тѣми, которые, прикрываясь обманчивымъ пологомъ настоящаго мирнаго періода, стремятся лишь къ усовершенствованію, готовясь къ тому дню, когда настанетъ время дѣлать великое дѣло.

Въ наши дни, арміи, имѣвшія счастье побѣдить своихъ противниковъ, болѣе всѣхъ другихъ занимаются самоорганизаціей, потому что онѣ нисколько не сомнѣваются въ стремленіи побѣжденнаго противника сдѣлать все, чтобы обезпечить себѣ реваншъ. Если Франція, напримѣръ, реорганизовалась и выполнила настоящія чудеса въ смыслѣ военныхъ реформъ, то потому, что сумѣла найти и причины своихъ пораженій, и средства къ ихъ устраненію; французы не заснули на поляхъ, взрастившихъ ихъ ошибки... они разработали другія пажити, на которыхъ расцвѣли цвѣты реванша. И эти пажити называются: *изслѣдованіемъ совершенныхъ ошибокъ!*

Но недостаточно знать только свои собственныя ошибки:

---

[1]) Принцъ Гогенлоэ, *Письма о стратегіи.*

надо настойчиво стремиться къ познанію и тѣхъ, которыя сдѣланы противникомъ; въ нихъ заключается великій урокъ. Въ ожиданіи грядущей войны, подавляющихъ войсковыхъ массъ (*Zerschmettferungmasse*), дѣйствія новыхъ пороховъ, магазинныхъ ружей, скорострѣльныхъ пушекъ, сильныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и т. д. и т. д.; въ ожиданіи всѣхъ этихъ новостей, которыя не въ состояніи, однако, будутъ очень измѣнить того великаго дѣла, которое называется *войной*; въ ожиданіи всего того, чему можетъ научить его будущее, каждый современный военный долженъ обладать основательнымъ и разумнымъ знакомствомъ съ кампаніей 1870 г.; и это тѣмъ болѣе справедливо, что будущая война, даже если французская армія приметъ наступательный образъ дѣйствій, разыграется почти въ тѣхъ же раіонахъ, на томъ же театрѣ, что и предыдущая.

1870 годъ представляетъ намъ живой прообразъ войнъ Имперіи, и всѣ остальныя кампаніи, отъ Бонапарта до нашихъ дней, по сравненію съ этой, занимаютъ безусловно второстепенное мѣсто.

Франція была разбита, ибо позабыла, что если Бонапартъ отмстилъ за Росбахъ, то пруссаки не позабудутъ Іены...; можно смѣло сказать, что, со времени Іены и до 1870 г., германскій милитаризмъ сумѣлъ воспользоваться стратегіей Наполеона настолько же, насколько воспользовался Наполеонъ методами великаго Фридриха. Но, слава тѣмъ, побѣдителямъ или побѣжденнымъ, которые умѣютъ подавать столь великіе примѣры! Слава тѣмъ, которые пролили свою кровь въ этихъ грандіозныхъ битвахъ: мертвые не знаютъ пораженія; они отдали Богу и отечеству свою душу, за то, чтобъ побѣдить; вотъ все, что могли сдѣлать эти славные храбрецы!

Когда какая-либо нація вполнѣ возмужала, когда ея офицеры и солдаты не отступаютъ передъ картечью и умѣютъ

презирать всякія орудія, изобрѣтенныя человѣческимъ умомъ для человѣкоистребленія, когда все возрастающее желаніе и пылъ устремляютъ ихъ впередъ, то нѣтъ стыда въ томъ, чтобы быть разбитыми, благодаря ошибкамъ тѣхъ или другихъ генераловъ и несовершенству организаціи; позоръ падаетъ лишь на тѣхъ, кто берется не за свое дѣло, не будучи ни достойнымъ его, ни готовымъ къ нему; вотъ грань, за которой исчезаетъ стыдъ и начинается преступленіе.

Признаемъ же, господа, признаемъ, дорогіе товарищи, что это преступленіе, рождающее угрызенія совѣсти, начинается не на войнѣ, не на боевомъ полѣ, когда мы видимъ свои атаки—отбитыми, свои колонны—отступающими, свои орудія—потерянными, свою землю—завоеванною; нѣтъ, господа, оно начинается теперь, во время мира!

Мы, турки, представляемъ изъ себя перворазрядную по воинственности націю; у насъ были дни славы и, какъ я твердо надѣюсь, будутъ еще; наши предки были храбрыми воинами, завѣщавшими намъ преданность оттоманской династіи—виновницѣ столькихъ побѣдъ и завоеваній—и оставившими намъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, свои великія воинскія доблести. Если загорится война, въ Европѣ или въ Азіи, и если намъ придется вступить въ страшный бой съ тѣми или съ другими, противъ того или другого, съ нашими старыми врагами противъ нашихъ новыхъ враговъ, или вмѣстѣ съ нынѣшними друзьями противъ друзей прежнихъ, что бы ни произошло, мы съ гордостью можемъ занести на страницы нашей блестящей военной исторіи битвы въ родѣ Коссова поля, Никополя, Могача и много другихъ... Если вы, дорогіе товарищи, захотите бросить взглядъ на планы [1]) этихъ сраженій, то увидите, что ихъ можно сравнить съ самыми замѣчательными изъ новѣйшихъ: Никополь представ-

[1]) I. I. Hellert, *Atlas de l'empire Ottoman.* — Paris, Bellizard, Dufour et C°, 1844.

ляетъ изъ себя образецъ искуснаго охвата, а Могачъ можетъ служить типомъ для обходящаго движенія кавалерійскихъ массъ въ рѣшительную минуту боя. Это — Аустерлицъ отдаленной эпохи: та же стратегическая идея, почти та же мѣстность. Венгерскія войска, подъ начальствомъ короля Людовика, покидаютъ отличныя позиціи, желаютъ отрѣзать султана Сулеймана I отъ его базы и гибнутъ въ прудахъ, почти такъ же, какъ австро-руссы въ образцовомъ сраженіи 2 декабря (20 ноября) 1805 года.

Но, не сердитесь, — я касаюсь главнаго пункта! Дѣло въ томъ, что... что мы немного лѣнивы, дорогіе товарищи... лѣнивы и тѣломъ, и разумомъ. Я осмѣливаюсь это сказать тѣмъ съ большими откровенностью и правомъ, что я, самъ лично, чрезвычайно лѣнивъ. Да, надо сознаться, лѣнь — нашъ главный недостатокъ. Ну, чтожъ, Боже мой! если надо избавиться только отъ него, чтобы стать почти совершенными, — почему не постараться? А не постараться — будетъ уже не ошибкой, а, какъ я имѣлъ уже честь сказать это раньше, — преступленіемъ, которое можетъ имѣть самыя роковыя послѣдствія. И если даже, господа, никому изъ насъ никогда не достанется великаго счастья участвовать въ кампаніи, то и это не можетъ служить резономъ для того, чтобы не пріобрѣтать необходимыхъ тактическихъ и стратегическихъ познаній: свое ремесло — надо знать. Вообразите себѣ провинціальнаго актера на лучшей столичной сценѣ... онъ будетъ посмѣшищемъ и прочіе актеры не смогутъ продолжать игру піесы. Какъ вездѣ въ природѣ, такъ и въ человѣческихъ комбинаціяхъ вся суть заключается въ гармоніи и согласной взаимной работѣ. Даже одежда, которую мы носимъ, называется форменной и какъ бы указываетъ на то, что дѣйствія наши должны быть согласованы другъ съ другомъ. Это однообразіе должно существовать и въ разумахъ нашихъ: каждый изъ насъ

долженъ болѣе или менѣе быть тѣмъ же, что и другіе. Если среди насъ найдутся геніи—тѣмъ лучше, но я полагаю, что и безъ генія можно дѣлать великія дѣла. Мольтке, который не былъ геніемъ, съ Верди дю Вернуа, Бронзаромъ, Брондештейномъ, Блюме (все единообразное воспитаніе), сдѣлалъ столько же, какъ будто былъ геніемъ, и, несмотря на мое смиренное преклоненіе передъ величайшимъ Наполеономъ, я предпочитаю короля Вильгельма, спокойно созидающаго мощную имперію, великому генію, банально гибнущему на какомъ-то островѣ!

Предположимъ на минуту, что генералъ Штейнметцъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ и наслѣдный принцъ, а также ихъ начальники штабовъ въ I, II и III прусскихъ арміяхъ, не находились въ полной гармоніи со штабомъ короля и Мольтке; положимъ, что одни не понимали—чего хотятъ другіе; никогда бы не явилось между ними *стратегическаго единства* и произошло бы одно изъ двухъ: или нѣмцы избрали бы пассивно-оборонительный образъ дѣйствій и, безъ сомнѣнія, были бы разбиты, или бы ихъ постоянно колеблющійся, слѣпой и глухой наступательный образъ дѣйствій окончился бы погромомъ въ Палатинатѣ. Краткость приказаній, исходящихъ отъ главнаго штаба короля, точность въ исполненіи приказанныхъ движеній, все, наконецъ, показываетъ намъ, что всѣ рѣшительно, большіе и малые, имѣли единообразное военное воспитаніе. Я говорю „и малые“... да, разумѣется, потому что „малые“ дѣлаются современемъ большими; самый младшій подпоручикъ носитъ въ себѣ зародышъ того, отъ кого въ одинъ прекрасный день будетъ зависѣть, быть можетъ, судьба всей страны, спасеніе всего національнаго зданія.

Въ войнѣ 1870 года принялъ участіе цѣлый „вооруженный народъ“—и онъ былъ способенъ къ тому. Министры, будущій канцлеръ, судьи, адвокаты, доктора—всѣ они были

когда-то военными, или уже находились на военной службѣ, или должны были попасть на нее современемъ; вслѣдствіе этого, когда Бисмарку говорили о планѣ кампаніи, то онъ могъ понимать его; онъ никогда не подавалъ нелѣпаго и противорѣчащаго военному искусству мнѣнія. Онъ зналъ Фридриха и Наполеона чуть не наизусть. Онъ зналъ—какъ и почему былъ разбитъ Бенедекъ. А зная все это, онъ понималъ, что должно сообразоваться съ мнѣніемъ военныхъ людей, — и вотъ почему всѣ, начиная отъ короля, слѣпо вѣрили главному штабу, а этотъ штабъ уже изготовился и съ 1868 г., черезъ два года послѣ войны, пораженіе Наполеона III лежало въ его портфелѣ [1]).

Нельзя отрицать, что „случай“ является крупнымъ факторомъ на войнѣ; но его слѣдуетъ имѣть (или стараться имѣть, по крайней мѣрѣ) на своей сторонѣ, а не противъ себя. Но что такое случай? Ошибочно полагать, что это счастье, приходящее тогда, когда ему угодно. Это вѣрно только до нѣкоторой степени; но въ сущности, можно восемьдесятъ разъ изъ ста обезпечить его за собой, будучи только логичнымъ, послѣдовательнымъ и методичнымъ въ томъ, что собираешься предпринять. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить то, что если бы передъ началомъ кампаній 1806 и 1870 годовъ сказать десятилѣтнимъ дѣтямъ: „вотъ организація, подготовка и командованіе у пруссаковъ, а вотъ у французовъ. Кто побѣдитъ?“ то и дѣти, и вы, и я, и даже случай (если бы можно было дать ему тѣло, голову и ротъ), — всѣ мы сказали бы и подписались въ томъ, что первые побѣдятъ въ 1870 году, также какъ послѣдніе побѣдили въ 1806.

Не то было для русскихъ и для насъ въ 1878 г.; здѣсь случай могъ играть роль очень таинственную, потому что

[1]) Пруссаки начали войну, имѣя на своей сторонѣ 80 шансовъ изъ 100, чтобы побѣдить, а французы—100 изъ 100, чтобы быть побѣжденными.

организація русскихъ императорскихъ войскъ не была таковой, какъ теперь; они дѣйствовали числомъ и массою.

Въ эпоху этой войны весь нашъ народъ не былъ вооруженъ по той простой причинѣ, что не могъ быть вооруженъ, не было ни подготовки, ни организаціи кадровъ, ни обученія массъ. Кромѣ того, существовала рѣзкая разница между военными и невоенными. Говорились, что первые рождены для того, чтобы умирать за отечество, а вторые для того, чтобы спокойно смотрѣть на это. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало невоеннымъ вмѣшиваться въ операціи.

Я припоминаю, что мы, въ арміи, жаловались на такой порядокъ вещей, не будучи, однако, въ состояніи улучшить его, и не переставали приписывать все дурное невѣжественному вмѣшательству тогдашнихъ министровъ. Правду говоря, ихъ высокопревосходительства не имѣли ни достаточно знанія, ни достаточно авторитета для того, чтобы засѣдать въ придворномъ совѣтѣ и вмѣшиваться въ военныя операціи. Но вѣдь нельзя же утверждать, что все зло заключалось только въ этомъ. Нѣтъ, господа, потому что мы-то, мы сами, не были достаточно подготовлены къ той работѣ, которая выпала на нашу долю; а между тѣмъ эту работу слѣдовало, съ того момента, какъ началась война, предоставить намъ, такъ какъ нельзя же было искать въ другомъ мѣстѣ офицеровъ, которые могли бы ее выполнить. Существуетъ еще одинъ особенно важный пунктъ, на который слѣдовало бы обратить большое вниманіе: разъ все ввѣрено въ руки главнокомандующаго, то ужъ мѣшаться въ его дѣйствія нельзя, „потому что тогда бѣдный генералъ будетъ навѣрное разбитъ, а вся отвѣтственность за неудачи падетъ на тѣхъ, кто за 200 лье отъ непріятеля претендуетъ управлять арміей, *которой такъ трудно управлять и тогда, когда находишься на мѣстѣ дѣйствій* [1])“.

[1]) Jomini, *Précis de l'art de la guerre*, ч. I, стр. 151.

Пора, однако, дорогіе товарищи, представить васъ сердарю, имя котораго стоитъ въ началѣ этой главы. Абдулъ-Керимъ, передъ тѣмъ какъ принять въ Шумлѣ главное командованіе надъ императорской арміей, уже исполнялъ, годъ тому назадъ тѣ же обязанности въ Сербіи. Онъ былъ человѣкомъ очень почтеннаго возраста и страдалъ недугомъ большихъ людей: болѣзнью мочевого пузыря. Онъ былъ очень храбръ и, какъ говорили, получилъ весьма солидное образованіе въ Вѣнской военной академіи.

Однако, съ чисто-военной точки зрѣнія, онъ далъ намъ не очень лестное доказательство своихъ способностей своими дѣйствіями въ Сербіи. Уже здѣсь мы находимъ прообразъ той разброски силъ, которая, въ большемъ масштабѣ, повторилась, къ несчастью, черезъ годъ на Дунаѣ. Онъ атаковалъ сербовъ почти по всѣмъ ихъ границамъ, отъ запада до востока, занявъ огромный фронтъ въ 300 километровъ.

Сидя въ своей палаткѣ, въ Нишскомъ лагерѣ, изъ котораго не вылѣзалъ вплоть до конца кампаніи, онъ бросилъ на пять, очень удаленныхъ другъ отъ друга, пунктовъ пять корпусовъ (см. схему 1).

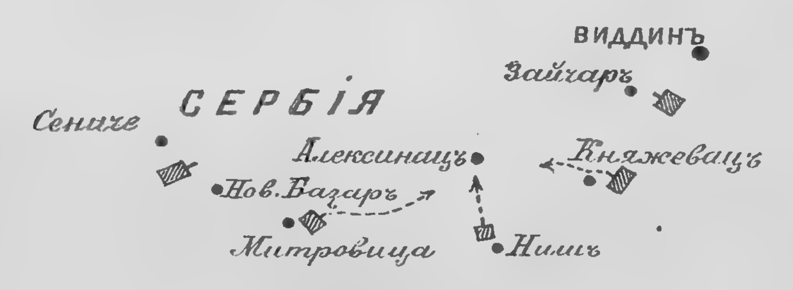

Схема 1.

При изученіи главнаго плана сердаря, мы увидимъ каковы были послѣдствія этого рокового и прискорбнаго раздѣленія силъ въ Болгаріи; а пока можно спросить —

отчего Абдулъ-Керимъ-паша былъ отрѣшенъ отъ должности почти тотчасъ послѣ начала войны?

Безусловно справедливо, что нельзя смѣнять главнокомандующаго изъ-за первой его ошибки, но зато русскіе перешли черезъ Дунай — столь великое препятствіе — съ такою легкостью, которая, естественно, должна была произвести самый печальный эффектъ въ Константинополѣ, и, желая сдѣлать лучше, смѣнили сердаря, назначеннаго, впрочемъ, полководцемъ скорѣе благодаря народному голосу, чѣмъ за дѣйствительныя заслуги.

У насъ, восточныхъ людей, существуетъ прескверная привычка создавать легенды объ извѣстныхъ личностяхъ и привязываться къ нимъ.

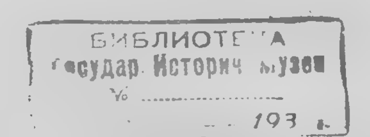
Когда мы начинаемъ восхвалять какого-нибудь генерала, то говоримъ:

„Какой прекрасный человѣкъ! Образцовый отецъ семейства. Онъ очень храбръ. Онъ молится по пяти разъ въ сутки. Онъ разбиваетъ пулею яйцо, положенное на голову собственнаго сына, и на полномъ карьерѣ поднимаетъ камни съ земли! И какой писатель: „кіатилъ [1])“ перваго разряда.“

А слѣдовало бы говорить:

„Онъ вполнѣ знакомъ со всѣми своими обязанностями; онъ работаетъ и день, и ночь, чтобы подготовить себя къ командованію и дать своимъ подчиненнымъ то воспитаніе и закалъ, въ которомъ они безусловно нуждаются. Онъ достоинъ командовать и по своимъ познаніямъ, и по своему такту, и по тому довѣрію, какое внушаетъ къ себѣ, какъ тѣмъ, которые работаютъ такъ же, какъ и онъ, такъ и солдатамъ, которые находятся подъ его командой,“ — и все прочее, заключающее въ себѣ необходимыя условія для того, чтобы быть хорошимъ начальникомъ.

[1]) Человѣкъ, который хорошо пишетъ, литераторъ.

БИБЛИОТЕКА Государ. Историч. музея № ... 193 г.

Полководецъ не нуждается ни въ томъ, чтобы быть писателемъ, ни въ томъ, чтобъ умѣть разбивать яйца пулей: пусть въ послѣднемъ упражненіи будутъ сильны его солдаты, этого достаточно.

Люди тихіе и молчаливые часто сходятъ у насъ за геніевъ. По этому поводу я разскажу анекдотъ, который, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, подобными же, долго заставлялъ вѣрить въ глубокомысліе Абдулъ-Керима. Дѣло происходило въ Сербіи; однажды, въ праздничный день, въ большомъ и роскошномъ шатрѣ мушира собралось многочисленное общество офицеровъ; папиросы и чашки съ кофе слѣдуютъ однѣ за другими, но царитъ самая мертвая тишина: слышно, какъ пролетитъ муха!... Проходитъ часъ... другой... третій! Всѣ поднимаются, чтобы откланяться знаменитому молчальнику, но сердарь, глубоко затянувшись въ послѣдній разъ изъ своего безконечнаго чибука [1]), дымъ котораго таинственными спиралями возносился къ небесамъ, обратился, наконецъ, къ своимъ гостямъ: „А! куда же вы, дѣти мои? Мы такъ было славно разговорились!..“ Но, никто не произнесъ ни слова... ни единаго слова!

Надо, впрочемъ, сказать, что если Абдулъ-Керимъ, вслѣдствіе своего возраста и недуговъ, и не былъ тѣмъ человѣкомъ, который могъ бы исполнить столь трудную задачу, то все-таки не слѣдуетъ возводить въ принципъ смѣну главнокомандующаго, вслѣдствіе первой же его неудачи. Не можетъ же генералъ, считавшійся еще сегодня очень хорошимъ, вдругъ завтра стать совсѣмъ плохимъ; гораздо вѣроятнѣе, что онъ попытается исправить свои ошибки—и сдѣлаетъ это, конечно, лучше, чѣмъ его замѣститель, такъ какъ кому же, какъ не совершившему ошибки, извѣстна ихъ главная причина! Къ сожалѣнію, ошибки, сдѣланныя въ

---

[1]) Длинная трубка; теперь уже не употребляющаяся.

началѣ кампаніи, трудно исправляются впослѣдствіи! Каковъ-то будетъ сердарь, генералиссимусъ, главнокомандующій, который сможетъ объединить въ своей персонѣ командованіе арміями будущаго? Кто будетъ тѣмъ Фридрихомъ или Бонапартомъ, который сможетъ, въ день рѣшительнаго сраженія, управлять 500,000 человѣкъ?

Продолжите, мысленно, вправо и особенно влѣво фронтъ сраженія 18 (6) августа 1870 года; прибавьте сюда еще 300,000 бойцовъ — и посмотрите: что могъ бы сдѣлать фельдмаршалъ Мольтке или принцъ Фридрихъ-Карлъ, разъ эти 500,000 человѣкъ, со своей артиллеріей, завязали бы бой?

Главное значеніе роли генералиссимуса заключается въ возможности слѣдить за согласованіемъ дѣйствій командующихъ группами арміи и за достиженіемъ стратегически важныхъ предметовъ дѣйствій.

Итакъ, генералиссимусъ будетъ давать *общія директивы* передъ сраженіями и *его дѣятельность остановится съ началомъ рѣшительнаго боя.* Если его кавалерія хороша и многочисленна, то онъ получитъ хорошіе результаты въ высшемъ управленіи массами — *и тогда маневръ будетъ легкимъ.* Если онъ дурно освѣдомленъ и плохо прикрытъ, то потеряетъ свою свободу дѣйствій, не будетъ маневрировать и, вслѣдствіе этого, его дѣятельность приметъ такой характеръ, что многочисленность скорѣе стѣснитъ его, чѣмъ поможетъ ему. Наполеонъ сказалъ: „... невозможно командовать, безъ помощниковъ, одному семью дивизіями разомъ.“

Нынѣ онъ сказалъ бы: „Нельзя командовать одному группою армій! Группа армій можетъ состоять иногда болѣе чѣмъ изъ тридцати дивизій!“

Группа изъ трехъ нѣмецкихъ армій, не считая кавалеріи, какъ разъ состояла изъ этого числа дивизій; но зато и король, и Мольтке не давали ничего кромѣ краткихъ ди-

рективъ; для общаго оріентированія они пользовались буссолью. Въ настоящее время обученіе сдѣлалось глубже и основательнѣе; знанія — больше и доступнѣе; военные примѣры — новѣе и многочисленнѣе; маневры — чаще и методичнѣе; появились спорты, дающіе несравненно болѣе ловкости, смѣлости и мускульной силы; безсчетные милліарды, доставляющіе неограниченныя средства; — все это соединилось для того, чтобы направить всѣ частныя усилія для достиженія общей цѣли. Каждый будетъ исполнять свою работу, понимая ее, и самые трудные маневры пройдутъ какъ по маслу, потому что они будутъ *понятны* участникамъ. То, что нѣкогда было загадкою, тайной,—теперь не составляетъ секрета ни для кого. Жомини, Клаузевицы, Бронзары и Верди дю Вернуа, Гогенлоэ и фонъ-деръ-Гольцы, Левали, Пьерроны и Деррекагэ, Мекели, Драгомировы, Грипенкерли и Вартенбурги, тѣ, наконецъ, имена которыхъ не приходятъ мнѣ на память въ эту минуту, — всѣ они сняли покровъ, скрывавшій эти великія тайны; всѣ, любящіе свое военное ремесло, могутъ черпать прямо изъ источника: онъ прозраченъ, обиленъ и неизсякаемъ. Но миновало время людей необычайныхъ, т. е. безконечно превышающихъ остальныхъ. Не будетъ уже тѣхъ таинственныхъ и загадочныхъ существъ, которыя, сидя верхомъ на легендѣ, парили надъ цѣлымъ міромъ. Пророки уступили мѣсто полупророкамъ, махди, а эти послѣдніе — новѣйшему человѣку съ его изощреннымъ наукою умомъ. Не то, чтобы человѣкъ сталъ нынѣ разумнѣе: его интеллектуальная культура сдѣлалась практичнѣе, методичнѣе и обработаннѣе. Онъ не грезитъ уже, какъ грезилъ въ рыцарскія и поэтическія времена, и мысль его не гоняется за пустыми бреднями. Онъ пересталъ быть небеснымъ и остается на землѣ, а къ небесамъ поднимаются теперь его машины.

Его быстрая мысль бѣжитъ по проволокамъ, переносится

машинами и ноги педалируютъ вслѣдъ за его идеями. Автомобиль, пробѣгающій километръ въ 38 секундъ, скоро покажется ему недостаточно быстрымъ.

Появились банкиры, разсуждающіе о политикѣ лучше, чѣмъ министры иностранныхъ дѣлъ, и принцы, могущіе въ финансовыхъ вопросахъ заткнуть за поясъ банкировъ.

Въ Америкѣ есть маленькіе молодые люди—пятнадцатилѣтнія дѣти—стоящіе во главѣ большихъ промышленныхъ предпріятій, управляющіе дѣлами и людьми съ точностью машины; машина, уже начинающая говорить, становится чуть не человѣкомъ, а человѣкъ—машиной!

Въ военныхъ журналахъ появились поручики и капитаны, разсуждающіе о войнѣ какъ Тюреннь, и разбирающіе по косточкамъ теоріи исчезнувшихъ великихъ людей.

Тѣмъ не менѣе, если орудія и прогрессъ всякаго рода и измѣнили кое въ чемъ тактику, то суть войны, т. е. стратегія, не измѣнилась; она осталась въ прежней связи съ человѣческой мыслью, потому что стратегія вся состоитъ изъ расчета и разума. Но... война похожа на хорошенькую женщину, съ которой всѣ расчеты часто оказываются ложными; и чтобы побѣдить ее—надо ея хитростямъ противопоставить, если возможно, еще большую хитрость, а въ особенности упорство.

Мы, турки, очень упрямы; наше упорство сдѣлалось легендарнымъ. Крошечная армія, на такой посредственной позиціи, какова была плевненская, но въ рукахъ такого человѣка, какъ Османъ-паша, защищала эту позицію съ упорствомъ, которому отдали должную хвалу даже наши противники.

Но и Плевна доказываетъ, что безъ хитрости, т. е. безъ метода, упорство не даетъ никакихъ практическихъ результатовъ... Хитрость на войнѣ заключается въ примѣненіи своихъ познаній къ мѣстности и обстановкѣ, то стратегически, то так-

тически; безъ разумнаго комбинированія этихъ двухъ условій *война* обращается въ *утопію* и лучше ее совсѣмъ не начинать, потому что всякій пассивно-оборонительный образъ дѣйствій (проявляется ли онъ въ крѣпостяхъ или на границѣ) роковымъ образомъ осужденъ заранѣе на гибель; всякая Плевна, какъ бы ни была она великолѣпна, въ концѣ концовъ принуждается капитулировать.

Въ другихъ главахъ этого изслѣдованія мы увидимъ, что одного упорства на войнѣ недостаточно и надо, чтобы главные начальники обладали *стратегической иниціативой*; составлявшей, въ концѣ концовъ, суть тайны наполеоновскаго періода, съ тою разницею, что въ наши дни эта иниціатива болѣе упорядочена; вотъ почему всякій главнокомандующій, который будетъ дѣйствовать вопреки правиламъ, нынѣ принятымъ въ методахъ войны, совершитъ преступленіе. Никто не имѣетъ права вмѣшивать въ принципы свои личные взгляды и примѣнять ихъ тамъ, гдѣ установленныя великими полководцами правила показываютъ истинный путь въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Вотъ здѣсь-то мы и касаемся пальцемъ до главнѣйшаго недостатка метода сердаря, метода, который не былъ ни фридриховскимъ, ни наполеоновскимъ.

И откуда явились къ намъ всѣ эти системы, всѣ эти заблужденія? Мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что способъ дѣйствій нашихъ предковъ, давшихъ такіе блистательные образцы искусства, совсѣмъ не таковъ.

Во время нашей послѣдней кампаніи 1897 г. въ Ѳессаліи, легко разбивъ грековъ, мы еще разъ показали, что наши солдаты такъ хороши, какъ только можно этого желать. Но ни въ одномъ дѣлѣ мы не достигли рѣшительнаго результата, результата стратегическаго. Переходя отъ одной цѣпи возвышенностей къ другой, мы только толкали передъ собой противника... И если бы не было дипломатическаго

вмѣшательства, а Аѳины помѣщались на томъ краю Средиземнаго моря, то мы дошли бы и туда, и даже еще дальше, не подумавъ ни разу о маневрированіи, позволяя разбитому непріятелю оправляться послѣ каждаго пораженія, окапываться и каждый разъ противупоставлять намъ новыя силы и новую позицію. А вмѣстѣ съ этимъ существовали и медленность въ нашихъ движеніяхъ и самыя прискорбныя потери времени, такъ что различныя части войскъ, прибывая слишкомъ поздно на поле сраженія, не могли принять участія въ дѣйствіяхъ; вслѣдствіе этого не произошло ни одного *цѣльнаго боя*. Если бы, напримѣръ, при Фарсалѣ, хорошо разсчитавъ время, мы маневрировали правымъ флангомъ впередъ, по-эшелонно дивизіями, противъ лѣваго крыла непріятеля, то на другой день греческой арміи не существовало бы...; тогда какъ, продолжая дѣйствовать попрежнему и облегчая продолженіе войны, можно было съ лучше подготовленнымъ и болѣе солиднымъ противникомъ— напороться на полное пораженіе въ ужасныхъ горахъ Офриса. Кавалерія шла по пятамъ пѣхотныхъ дивизій. Ни службы развѣдыванія, ни службы охраненія не существовало. Одинъ изъ генераловъ, Хифги-паша, былъ возмущенъ тѣмъ, что его очень скромныя развѣдывательныя къ сторонѣ Эпира силы донесли ему о движеніи на Янину 8000 греческой кавалеріи, тогда какъ бравые греки никогда, даже въ самыя легендарныя и миѳологическія времена, не имѣли такой многочисленной и храброй конницы!...

Когда есть успѣхъ, какъ въ эту войну 1897 г., *то преслѣдуетъ вся армія, вся развернутая...*

Но моя задача сложнѣе; я хочу предпринять изслѣдованіе большой войны, интересъ которой, несмотря на ея отдаленность, не уменьшился; напротивъ, я думаю, что онъ возросъ, и надѣюсь, что извлеченные изъ этой кампаніи уроки окажутся болѣе благотворными.

ГЛАВА II.

Способы дѣйствій. — Начальное положеніе.

Всѣмъ извѣстно, что существуетъ обширная Оттоманская имперія, и, быть можетъ, всѣ полагаютъ, что военные ессурсы Турціи, эксплоатируемые по настоящее время, находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ ея географическими размѣрами. Это—заблужденіе, которое слѣдуетъ непремѣнно уничтожить, чтобы можно было отдать себѣ отчетъ въ усиліяхъ, употребленныхъ на эту войну, ибо не слѣдуетъ забывать, что силы и усилія данной арміи подчиняются механическимъ законамъ. Эти законы учатъ насъ, что импульсъ силы есть произведеніе изъ силы на продолжительность ея дѣйствія. Къ этому прибавимъ, что проявленіе механической силы является двигателемъ въ теченіе всей войны; посмотримъ, что было у насъ.

Всѣ элементы, составляющіе нашу обширную имперію, называются оттоманами; но на дѣлѣ только часть мусульманскаго элемента отдаетъ своихъ дѣтей арміи и — я едва осмѣливаюсь сказать это — вслѣдствіе того, что только эта часть въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ проливала и проливаетъ кровь за отечество, она уменьшилась въ своей численности до того, что когда намъ пришлось встрѣтиться съ русскими (черпающими пополненіе свой арміи изъ 110 милліоновъ жителей), на двухъ обширныхъ театрахъ войны—въ Азіи и въ Европѣ—то мы могли брать свои контингенты всего изъ нѣсколькихъ милліоновъ.

Это соотношеніе настолько краснорѣчиво, что не нуждается въ комментаріяхъ; тѣмъ не менѣе было бы несправедливо не показать, до какой степени напряженія достигло сдѣланное нами усиліе, приведя списокъ тѣхъ изъ нашихъ провинцій и народностей, которыя не тянутъ жребій. Вотъ онъ:

1) Большая часть верхней Албаніи.

2) Пограничные курды.

3) Многочисленныя арабскія племена.

4) Огромная страна, заключающая въ себѣ Іеменъ и побережье Краснаго моря: Геджасъ и проч. и проч.

5) Ливонская провинція.

6) Провинція Бассорахъ.

7) Триполи.

8) Критъ и Архипелагъ.

Всѣ эти страны, освобожденныя отъ воинской повинности, занимаютъ территорію равную Германіи, Франціи и Австріи, вмѣстѣ взятымъ!.. И эта имперія, ограниченная большею частью Средиземнаго моря, Мраморнымъ моремъ, Балканскими государствами, Чернымъ моремъ, частью Азіи, Персидскимъ заливомъ, морями Оманскимъ и Краснымъ,— да, эта огромная имперія охраняется и защищается только четвертью того населенія, которое на ней обитаетъ.

Допуская (что, какъ увидимъ, далеко отъ дѣйствительности), что, при такомъ численномъ отношеніи, можно было возстановить равновѣсіе между обѣими арміями, противопоставляя завоевателю рядъ послѣдовательныхъ преградъ, очутимся передъ другими элементами, увеличивавшими силу русской динамо-машины и ослаблявшими турецкій моторъ. Дѣйствительно, мы имѣли противъ себя не только грозную армію Царя, но еще должны были наблюдать за сербами, греками, черногорцами и остерегаться болгаръ, которые— съ этимъ легко согласится всякій—дали значительную помощь русскому вторженію. И вотъ, несмотря на всѣ эти невыгоды, мы были на вершокъ отъ побѣды — и Великій Князь Николай долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи румынской арміи для того, чтобы взять верхъ надъ удивительными защитниками Плевны!

Россія, могущественная уже сама по себѣ, могла въ

каждый данный моментъ увеличить свою двигательную силу присоединеніемъ къ ней вассаловъ Оттоманской же имперіи; страна наша была въ это время лишена своихъ прежнихъ союзниковъ, что значительно уменьшало наши шансы на успѣхъ, если только можно было надѣяться на окончательный успѣхъ при такой неравномѣрности силъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что наши силы и средства, при нормальномъ пользованіи ими, должны бы были намъ дать одну изъ прекраснѣйшихъ армій въ мірѣ.

ГЛАВА III.

Планъ сердаря.

Съ самаго начала мы должны признать крупную ошибку: раздробленіе по-дивизіонно! Армейскаго корпуса, ставшаго въ наши дни „большой тактической" и даже „стратегической" единицей, — не существовало. Армія походила на огромный эскадренный броненосецъ перваго класса, неспособный двигаться въ бурю и мечущій изъ своихъ нѣдръ дивизіи, которыя, подобно торпедамъ, однѣ за другими исчезали въ океанѣ русскихъ императорскихъ войскъ, оставляя послѣ себя быстро затыкавшіяся дыры.

Нѣкоторые авторы утверждаютъ, что сердарь предчувствовалъ наступленіе русскихъ черезъ Систово на Тырново и расположилъ свои войска такъ, чтобы они могли тревожить оба непріятельскихъ фланга; изученіе фактовъ показываетъ намъ, однако, что подобная мысль никогда не приходила въ голову стараго главнокомандующаго. Впрочемъ, кромѣ Османа-паши, явившагося изъ Виддина съ 15,000 человѣкъ, къ западу отъ Янтры и Осмы почти не было войскъ.

Приписываемая сердарю идея расположенія армій такимъ образомъ, чтобы угрожать обоимъ флангамъ против-

ника совершенно противорѣчитъ его намѣреніямъ завлечь русскую армію въ четырехугольникъ Силистрія—Рущукъ—Шумла—Варна, не сосредоточиваясь нигдѣ, за исключеніемъ корпуса, собраннаго въ Шумлѣ. Все остальное—было совершенно разбросано. Впрочемъ, Шумла не представляетъ изъ себя выжидательной позиціи; этотъ укрѣпленный лагерь не есть главный стратегическій пунктъ—да и нельзя подразумѣвать подъ „стратегическимъ пунктомъ" — географическій.

Раздробленіе войскъ, разбросанность ихъ являлись настоящей бациллой будущаго пораженія, и эта система раздѣленія силъ продолжалась до конца. Вотъ почему мы были разбиты по частямъ и по кусочкамъ!

Въ эту войну, какъ и всегда, впрочемъ, мы были заражены неисправимою маніей раздѣленія на отряды. Напримѣръ, какъ увидимъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ, Шипкинская армія, отдѣленная противъ частнаго предмета дѣйствій, Разградская армія, разметавшая свои дивизіи по огромному фронту, — только и дѣлали, что выдѣляли изъ себя отряды. Даже въ Плевнѣ былъ только отрядъ. Когда разразилась война, войска, ближе всего стоявшія къ Дунаю, состояли изъ слабаго корпуса Османа-паши въ Виддинѣ, нѣсколькихъ баталіоновъ между этимъ городомъ и Никополемъ, защищеннымъ, въ свою очередь, бригадою пѣхоты; Рущукской дивизіи, отдѣлившей отъ себя одну бригаду въ Систово и нѣсколько баталіоновъ въ промежутокъ между Систовымъ и Силистріей; между этими отрядами не существовало ни связи, ни спайки. Въ Шумлѣ, гдѣ находилась главная квартира сердаря, сосредоточены были двѣ пѣхотныя дивизіи и формировалась дивизія кавалерійская—единственная, которой мы могли располагать въ Румеліи противъ грозной русской конницы.

О чемъ же думалъ и чего хотѣлъ сердарь?

Рапортъ, представленный имъ позднѣе для своего оправданія, можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ. Вотъ, что онъ говоритъ: „такъ какъ русскія арміи, рано или поздно, но должны были найти пунктъ, удобный для переправы, и переправились бы, чего бы имъ это ни стоило, то лучше было позволить имъ переправиться, привлечь ихъ въ четырехугольникъ Силистрія—Рущукъ—Шумла—Варна, а затѣмъ—истощить ихъ и разбить ихъ по частямъ!“

Этотъ планъ ошибоченъ въ самомъ своемъ основаніи. Съ какой стати можно было разсчитывать, что русскіе совершатъ столь крупныя ошибки? Почему бы не предположить, что они изберутъ болѣе естественный и болѣе прямой путь къ главному предмету дѣйствій? Какъ можно было думать, что они сами парализуютъ свой маршъ безконечными операціями противъ второстепенныхъ цѣлей?

Укрѣпленные лагери четырехугольника образовывали совершенно независимый, особый раіонъ, почти не угрожавшій сообщеніямъ противника, и помѣщались совсѣмъ въ сторонѣ отъ главнаго стратегическаго направленія, ведущаго по прямой линіи къ столицѣ (см. схему 2).

Другое дѣло, если бы крѣпости или хоть форты располагались вдоль этого направленія: Систово—Тырново—Шипка—Загра—Сейменлы—Адріанополь,—и вдоль боковой линіи: Никополь—Орханіэ—Камарлы—Вакарель—Ихтиманъ—Татаръ-Базарджикъ—Филиппополь—Адріанополь.

Внезапное возникновеніе Плевны, остановившей на время русское наступленіе къ Константинополю, придаетъ большой вѣсъ этимъ соображеніямъ.

Но русская армія должна была остановиться не потому, что въ плевненскомъ раіонѣ имѣлись крѣпости; вовсе нѣтъ, тѣмъ болѣе, что когда здѣсь встрѣтились обѣ арміи, въ немъ не имѣлось не только укрѣпленія, но даже ни единаго стрѣлковаго окопа. Укрѣпленія возникли въ продолженіе

одной ночи, совершенно внезапно и силою самихъ вещей. Одинъ и тотъ же ударъ остановилъ и дѣйствія Шильдеръ-Шульднера съ Криденеромъ и порывъ Гурко. Начался переходъ отъ дѣйствій наудалую къ дѣйствіямъ систематическимъ; но стратегическое развертываніе русскихъ было сильно скомпрометировано. Тѣмъ не менѣе, мы утверждаемъ,

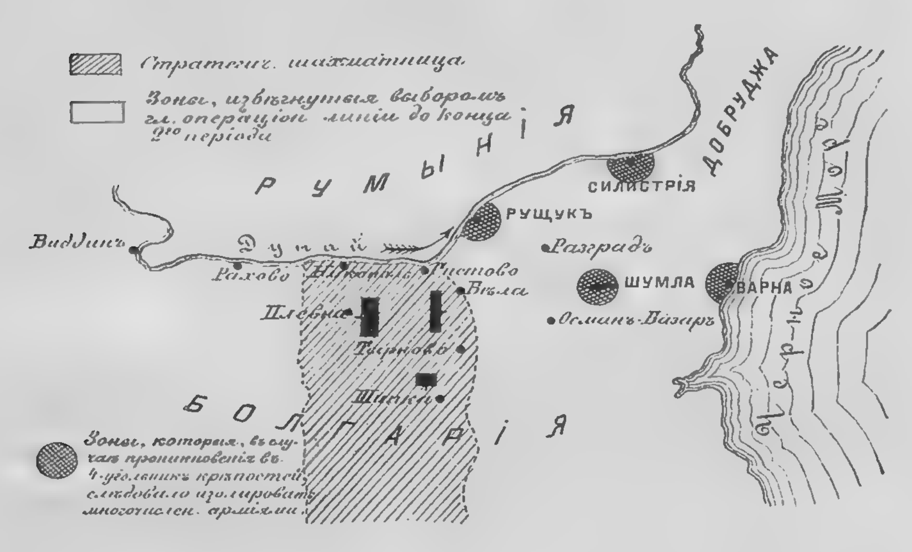

Схема II.

что не четырехугольникъ остановилъ это развертываніе, тѣмъ болѣе, что позднѣе, когда сама Плевна очутилась изолированной, то ни восточная, ни западная арміи турокъ не помѣшали движенію на Константинополь, по двумъ, указаннымъ выше, главнымъ стратегическимъ направленіямъ. Если сердарь ожидалъ, что Плевна возникнетъ и въ его четырехугольникѣ, то долго же пришлось бы ему ожидать. Разъ только Рущукская армія упустила случай двинуться на Систово, русская армія (если бы и не удержала Плевна, возникшая на ея правомъ флангѣ), сильно сосредоточившись, явилась бы, обойдя Шипку, подъ Адріанополемъ, а генералиссимусъ напрасно бы поджидалъ визита своихъ противниковъ.

Нѣкоторые изъ защитниковъ плановъ сердаря находятъ, не указывая, однако, источника, цѣлую теорію въ той инертности, которая была высказана нами съ самаго начала кампаніи. Я лично здѣсь не вижу никакой теоріи и думаю, что многіе согласятся со мной. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что замѣстители Абдулъ-Керима-паши дѣйствовали не лучше его: это—внѣ всякаго сомнѣнія. Скажу даже болѣе: старый сердарь со своимъ помощникомъ, Ахмедъ-Эюбомъ, дѣйствовали бы лучше тѣхъ, которые ихъ смѣнили. Но развѣ это доказательство? Развѣ можно основываться на этомъ для созданія какой-либо теоріи, кромѣ развѣ „теоріи плохого?"

Могъ ли Абдулъ-Керимъ-паша, оставаясь въ четырехугольникѣ, думать о занятіи фланговой позиціи, какъ предполагаютъ нѣкоторые? И тутъ — крупное заблужденіе, потому что укрѣпленные географическіе пункты не составляютъ стратегической позиціи. Для того, чтобы фланговая позиція выполнила ожидаемое отъ нея, необходимо, чтобы она удовлетворяла тремъ существеннымъ условіямъ:

1) Чтобы на ней можно было сосредоточиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

2) Чтобы она была удалена отъ операціонной линіи противника не болѣе какъ на одинъ или, максимумъ, на два перехода.

3) Чтобы имѣлись налицо удобные пути отъ зоны нашего сосредоточенія къ противнику и чтобы отъ приготовленій къ дѣйствіямъ можно было перейти безъ помѣхи.

Однако, мы знаемъ, что отъ Шумлы до линіи Систово—Балканы около 150 километровъ и ни единаго удобнаго пути. Необходимо было подняться къ Рущуку, а затѣмъ уже думать о движеніи на флангъ или тылъ противника, что увеличивало длину пути еще на 100 километровъ... Что касается до маневра, связаннаго съ переходомъ отъ

приготовленій къ дѣйствіямъ, то онъ всецѣло уничтожился невозможностью быстраго сосредоточенія, потому что не только войска, которыя можно было предназначить для его выполненія, были разбросаны на безконечно большомъ числѣ пунктовъ, но еще надо было съ остервенѣніемъ бороться за то, чтобы вырвать эти войска изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились при объявленіи войны; едва только ихъ хотѣли взять изъ пунктовъ размѣщенія, какъ тотчасъ же начинались самые раздирательные вопли перепуганнаго населенія; вопли эти поднимались къ небу и падали на землю тысячами петицій, слезно умолявшихъ не обнажать отъ войскъ того или другого пункта; „мутесарифы[1])", „каймакамы[2])" и, въ особенности „мудиры[3])" были тактиками этихъ частныхъ раіоновъ... И эти мутесарифы, каймакамы и мудиры, мѣшаясь въ планы военныхъ операцій, въ большинствѣ случаевъ достигали того, что такой-то отрядъ оставался прикованнымъ къ данной мѣстности, такой-то баталіонъ оставался пришитымъ къ пункту своего расположенія,—и у главнокомандующаго отнималось все то, что онъ могъ бы употребить съ большой пользой, при сосредоточеніи. А между тѣмъ уже было выяснено, что безъ быстраго сосредоточенія, крѣпости четырехугольника, какъ бы онѣ ни были хорошо вооружены, вовсе не составляли фланговой позиціи.

Скорѣе слѣдовало ожидать, какъ оно на самомъ дѣлѣ и случилось, что на армію Цесаревича возложена будетъ задача, совершенно частная, только маскировать съ востока движенія арміи вторженія и совершенно изолировать пресловутый четырехугольникъ, отъ котораго ожидали чудесъ. Великій Князь Наслѣдникъ, отлично понимая свою роль

---

[1]) Начальники уѣздовъ.

[2]) Городскіе головы

[3]) Начальники почтово-телеграфныхъ отдѣленій.

прикрытія другихъ армій, дѣйствовавшихъ по главной операціонной линіи, остерегся отъ атаки этихъ сильныхъ позицій. Роль его была чисто классической и необыкновенно деликатной! Дѣйствуя между двумя параллельными линіями Лома и Янтры [1]), русская армія проявила чрезвычайную *стратегическую упругость*... Смотря по обстоятельствамъ, она продвигалась впередъ или отступала, но ничего не позволяла видѣть... Сердарь забылъ, что для того, *чтобы видѣть*, часто приходится давать сраженія, а чтобы дать эти сраженія, было по-дѣтски безтолково ожидать, что русскіе покинутъ свои хорошія позиціи для атаки насъ въ нашихъ превосходныхъ, укрѣпленныхъ лагеряхъ.

„Надо принудить къ бою, а не быть къ нему вынужденнымъ", говорилъ великій Фридрихъ; но этой цѣли нельзя достигнуть бездѣйствіемъ и раскрываніемъ своихъ картъ. Генералиссимусъ позабылъ то важное обстоятельство, что на войнѣ слѣдуетъ всегда разсуждать такъ, какъ будто находишься tête-à-tête со своимъ противникомъ. А потому, для того, чтобы видѣть самому и помѣшать видѣть противнику, слѣдовало дать сраженія, *стараясь отыскать главныя силы противника,* — абсолютная необходимость, которую сердарь не предвидѣлъ при составленіи своего, исключительно оборонительнаго, плана. Хорошо было говорить о томъ, чтобы завлечь русскихъ, разбить ихъ, а потомъ преслѣдовать; но, потерявъ *стратегическій перевѣсъ,* нельзя затѣвать ничего подобнаго, потому что, какъ сказалъ Наполеонъ, „тайна успѣха заключается въ томъ, чтобы быть во-время смѣлымъ и во-время осторожнымъ," тогда какъ въ комбинаціяхъ Абдулъ-Керима играла роль только одна осторожность: вотъ что пагубно!

Еще разъ повторяю: ожидать, что русскіе атакуютъ

---

[1]) Притоки Дуная.

насъ въ знаменитомъ четырехугольникѣ, было чистымъ ребячествомъ.

Но что же могъ сдѣлать Абдулъ-Керимъ, еслибы ему позволили дѣйствовать? Намъ кажется, что въ *первый періодъ* кампаніи, т. е. до перехода черезъ Дунай, тѣ распоряженія, которыя онъ долженъ бы былъ сдѣлать, чрезвычайно ясно опредѣляются стратегической конфигураціею мѣстности. Объ этомъ мы поговоримъ въ особой главѣ, а пока, взглянувъ на карту глазами противника, легко увидимъ, что всякій пунктъ, избранный на Дунаѣ для переправы въ раіонѣ Добруджи или на участкѣ Черновода—Рущукъ, неизбѣжно велъ въ четырехугольникъ.

Ясно, слѣдовательно, что если-бъ даже нѣсколько корпусовъ произвели диверсію въ упомянутыхъ зонахъ, то главная армія, армія вторженія, не сунулась бы въ эту мышеловку. Это доказывается и тѣмъ, что, направленный въ Добруджу генералъ Циммерманъ не сдѣлалъ ни шагу за Трояновъ валъ. Сердарь думалъ, что цѣлью этого русскаго отряда служили Варна и линія желѣзной дороги, забывая, что для подобной операціи слѣдовало проникнуть въ раіонъ нашихъ укрѣпленныхъ лагерей и, для удовольствія имѣть Варну, иммобилизировать цѣлыя арміи. И къ чему бы привело русскихъ обладаніе Варною, которая не была главною цѣлью дѣйствій; и чего бы лишились мы, разъ намъ было нужно, во что бы то ни стало, обратить войну въ рядъ послѣдовательныхъ осадъ? При взглядѣ на карту, нетрудно убѣдиться, что нашей ахиллесовой пятой былъ раіонъ между Рущукомъ и Раховымъ; о Виддинѣ мы не говоримъ, потому что, направляясь на него, русскіе должны были исполнить одинъ изъ самыхъ опасныхъ фланговыхъ маршей, значительно удаляясь отъ своей базы и позволяя смѣлому и предпріимчивому противнику дѣйствовать на ихъ коммуникаціонную линію.

Та же опасность и тѣ же разсужденія должны были показать сердарю, что истинная переправа состоится между Раховымъ и Рущукомъ, а еще вѣроятнѣе и по тѣмъ же причинамъ—между Рущукомъ и Никополемъ. Такимъ образомъ, громадная оборонительная линія рѣки сокращалась до участка, протяженіемъ около 150 километровъ, что уже было очень недурно и что, тѣмъ не менѣе, заставляло думать, что даже при такихъ размѣрахъ оборонительной линіи нельзя помѣшать противнику переправиться. Вотъ къ чему сводилась стратегическая задача переправы.

Слѣдуя извѣстнымъ принципамъ, русскіе, съ самаго вступленія своего на непріятельскую территорію, имѣли въ виду *главную цѣль;* Абдулъ-Керимъ-паша, напротивъ, утѣшался преслѣдованіемъ лишь второстепенныхъ цѣлей, за которыя онъ цѣплялся и руками и ногами. Идея маневра отнюдь не входила въ его комбинаціи. Онъ былъ гипнотизированъ чисто тактическими соображеніями и, что еще курьезнѣе, не хотѣлъ предполагать идеи маневрированія и у противника. Сердарь считалъ своихъ противниковъ неспособными думать иначе, чѣмъ онъ самъ. На основаніи своей фантастической стратегіи, онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что импонируетъ противнику, разбросавъ свои силы и разсовавъ людей повсюду.

Пагубныя фантазіи! Преступныя идеи! Возмутительное невѣжество!

Другимъ мотивомъ, служившимъ сердарю Абдулъ-Кериму для избранія четырехугольника центромъ обороны, была забота о своей продовольственной базѣ, которою поневолѣ была сдѣлана Варна, какъ отстоящая отъ столицы всего на одинъ день плаванія. Но эта особенность никоимъ образомъ не должна была влiять на идею запереться въ Шумлѣ, въ то время какъ пушечные выстрѣлы гремѣли у Систова; вѣдь нельзя же было допустить, какъ уже упо-

миналось выше, что русскіе изберутъ для переправы пунктъ, прилегающій къ четырехугольнику! Вотъ что поистинѣ можно назвать полнымъ отсутствіемъ военнаго генія и инициативы.

Послѣднее возраженіе, которое дѣлалъ сердарь противъ идеи маневра, касалось вопроса о продовольствіи. Принимая во вниманіе наши плачевныя продовольственныя средства, онъ былъ бы, пожалуй, правъ... если бы дѣло шло о длинныхъ маршахъ, многочисленныхъ переходахъ, наконецъ о продолжительномъ наступленіи... Но вѣдь не собирались же мы идти на Москву! Самый длинный маршъ, который намъ предстояло сдѣлать, не превосходилъ 150 километровъ, притомъ, въ началѣ кампаніи, всегда имѣлась возможность жить средствами страны, тѣмъ болѣе, что этотъ „маршъ-маневръ“—удачный или неудачный—продолжался бы очень недолго.

А какъ же устраивались наши предки, когда имъ приходилось отправляться изъ Константинополя для осады Вѣны и притомъ въ ту эпоху, когда не было ни шоссе, ни желѣзныхъ дорогъ и когда каждое пушечное ядро вѣсило столько, сколько вѣситъ теперь зарядный ящикъ?

Мы видѣли планъ; посмотримъ теперь, *какъ* главнокомандующій подготовлялъ свои войска къ великой борьбѣ.

Война была объявлена 10 апрѣля (29 марта), а враждебныя дѣйствія начались лишь въ концѣ іюня. Итакъ, имѣлось около трехъ мѣсяцевъ свободнаго времени, т. е. гораздо болѣе того, что нужно было для подготовки войскъ, состоявшихъ изъ естественно-воинственныхъ элементовъ. Энергически воспользовавшись этимъ временемъ, можно было подготовить кадры, что и слѣдовало сдѣлать и было вполнѣ возможно.

Могъ ли ожидать сердарь, что русскіе такъ сильно запоздаютъ своимъ появленіемъ на Дунаѣ?

Очевидно, да! Арміи Царя, двигаясь въ дождливое время года, по затопленнымъ водою дорогамъ, должны были испытать для своего „Aufmarsch'а“ и сосредоточенія въ Румыніи многочисленныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что русскія желѣзныя дороги имѣютъ колею шире румынскихъ, а это требовало пересадки войскъ, прибывавшихъ по рельсовому пути, что для 500,000 арміи сопряжено было съ очень серьезной потерей времени.

Нетрудно было предвидѣть все это и дѣятельно подготовиться къ отраженію удара.

Что же дѣлалось въ Шумлѣ въ теченіе этихъ многихъ и столь драгоцѣнныхъ недѣль?

Абдулъ-Керимъ и его помощникъ, маршалъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, производили ученья двумъ отличнымъ пѣхотнымъ дивизіямъ и кавалерійской дивизіи, состоявшей изъ шести полковъ и многочисленной черкесской конницы.

Но, чего совсѣмъ не было, такъ это организаціи штаба арміи.

Въ это время штабу необходимо было исполнять слѣдующія работы:

1) Службу развѣдыванія.

2) Этапную службу.

3) Вѣдѣніе операціями императорской арміи и дежурство по ней.

4) То же — для русскихъ армій.

5) То же — для румынской арміи.

6) Завѣдыванія коммуникаціями и тыловой службой.

Кромѣ того, сердарь долженъ бы былъ, въ теченіе этого прогульнаго періода, заставить многочисленныхъ офицеровъ своей арміи заняться полевой службой.

Полевая служба! Вѣдь это — воспитаніе наступательной способности арміи! И въ эти нѣсколько недѣль можно было бы подготовить къ ней всѣхъ.

Разъ только, единственный разъ, кавалерію, стоявшую въ Шумлѣ, заставили заняться развѣдываніемъ: я помню, какъ для этого мы отошли километровъ на двѣнадцать отъ своихъ биваковъ...

Развѣдывательная служба является стратегическимъ воспитаніемъ для молодыхъ офицеровъ. И о немъ никогда не поднималось вопроса.

Такимъ образомъ, мы не умѣли ни войти въ соприкосновеніе съ противникомъ, ни сохранить этого соприкосновенія (еслибы, случайно, и удалось его установить), ни скрывать себя, ни узнавать что бы то ни было о непріятелѣ.

И въ то же время, какъ для Шумлинскихъ дивизій, такъ и для другихъ войскъ имперіи, это былъ подготовительный періодъ. Всѣ были за работой—и... топтались на мѣстѣ...

Что же дѣлали?

Ничего или почти ничего.

Почему?

Потому что не знали, что нужно дѣлать для того, чтобы воспользоваться тѣмъ досугомъ, который предоставили намъ русскія арміи, — а вѣдь этотъ досугъ былъ дороже золота!

При началѣ кампаніи всегда имѣются новыя войска, въ особенности новая кавалерія, не считая массы офицеровъ-новичковъ, недостаточно знакомыхъ съ развѣдывательной службой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда противникъ даетъ вамъ одинъ или два мѣсяца отсрочки между объявленіемъ войны и началомъ военныхъ дѣйствій, эта отсрочка можетъ многое поправить, тѣмъ болѣе, что въ это время работается съ большимъ пыломъ, чѣмъ когда бы то ни было.

То, что у насъ, въ Шумлѣ, называлось маневрами — было простыми ученьями и безъ того достаточно знакомыми всѣмъ; а слѣдовало учить тому, чего мы не знали, и тѣмъ болѣе, что никто и не заботился объ этихъ познаніяхъ. Куда! Каждый изъ насъ считалъ себя великолѣпнымъ и

никто не чувствовалъ никакой потребности выучиться тому, чего навѣрное не зналъ... а наши начальники не чувствовали никакой потребности дать намъ то, чего и сами не имѣли. Золотыхъ галуновъ и титула „паши“ было достаточно для того, чтобы имѣвшій ихъ чувствовалъ себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Изъ всѣхъ офицеровъ, находившихся тамъ, только огромное меньшинство правильно получили свои чины; большинство же было обязано ими „протекціи“. Фаворитизмъ, капризъ замѣняли „выборъ“ и „старшинство“.

На каждомъ шагу, куда ни взглянешь, во главѣ полковъ, бригадъ, дивизій, можно было увидѣть штабъ-офицеровъ и генераловъ, получившихъ чины благодаря службѣ въ канцеляріяхъ или на государственныхъ заводахъ или потому, что они были... „друзьями ихъ друзей!“

Но, неужели же не имѣлось образованныхъ офицеровъ?

Были! и много... были офицеры, знавшіе космографію, химію, физику, небесную механику, геодезію, диференціальное и интегральное исчисленія. Къ несчастью, они прескверно чувствовали себя каждый разъ, какъ имъ приходилось поставить главный караулъ или вести колонну.

Такъ какъ на нашемъ языкѣ почти не существуетъ ни книгъ о стратегіи, пи трудовъ по исторіи великихъ войнъ, то теоретически мы знали очень мало, а практически — совсѣмъ ничего, потому что за все царствованіе Абдулъ-Азиса можно припомнить только одни маневры, да и тѣ продолжались всего... одинъ день!

Предки наши уже потому знали нѣкоторыя стратегическія правила, что имъ постоянно приходилось воевать и вѣчно быть на конѣ; Оттоманская имперія была вооруженнымъ народомъ. Самый младшій офицеръ, самый маленькій чиновникъ имѣли по нѣскольку лошадей, да и лошадей было много. Невѣжество — главная причина всѣхъ нашихъ

неудачъ и пораженій—ухитрилось уничтожить великолѣпную породу арабскихъ лошадей, не существующую теперь.

Прежде, офицеры, для того, чтобы пройти отъ моста черезъ Золотой-Рогъ къ военному министерству, не надѣвали на пальто каучуковыхъ плащей и не закутывали голову въ кашне.

Обитатели столицы имперіи не пользовались той невѣроятной привилегіей, которая освобождаетъ ихъ нынѣ отъ военной службы.

Физическая и нравственная энергія ихъ поддерживалась спортомъ всякаго рода, какъ, напримѣръ, „джеридъ“ [1]) стрѣльба изъ лука, борьба пѣшкомъ и верхомъ, массовые рейды,—и, какъ люди съ правильно циркулирующею кровью, они здраво мыслили и умѣли дѣйствовать.

Эта дѣятельность, эта крѣпость и энергія стамбульцевъ, эти прежнія упражненія—исчезли и были замѣщены тѣми спортами, которые нынѣ поддерживаютъ силу и мужество у великихъ европейскихъ націй; нѣтъ ихъ теперь у насъ даже среди молодежи, которая даетъ очень мало физически крѣпкихъ офицеровъ, способныхъ проѣхать рысью или галопомъ много часовъ подъ рядъ.

Рысить! Галопировать! О, Господи! Какъ далеки мы отъ временъ нашихъ „спаги“ и „акинджи!“ [2]).

Рысить! Галопировать! Да если бы увидѣли господина быстро ѣдущаго верхомъ, то на него пальцами бы стали показывать! У меня сохранилось отъ того времени письмо одного очень большого и очень толстаго паши, въ которомъ онъ совѣтуетъ мнѣ не ѣздить слишкомъ скоро на моей лошади, *потому что это производитъ очень дурное впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ!*

. . . .

[1]) Дротикъ.

[2]) Спаги—кавалеристъ; акинджи—участникъ набѣга, рейда.

Единственнымъ оправданіемъ сердаря Абдулъ-Керима служитъ вся цѣпь вышеприведенныхъ фактовъ, которые не могли, соглашаюсь съ этимъ, ободрить главнокомандующаго для наступательнаго образа дѣйствій; тѣмъ не менѣе, онъ обязанъ былъ — со дня объявленія войны по день вступленія русскихъ на нашу территорію — дать офицерамъ и войскамъ, надъ которыми онъ принялъ командованіе, тотъ закалъ, въ которомъ они нуждались. Въ восемьдесятъ дней много можно сдѣлать!

ГЛАВА IV.

Раздѣленіе на періоды и начало дѣйствій.

Эта кампанія можетъ быть раздѣлена на три главныхъ періода:

1) отъ объявленія войны до перехода черезъ Дунай;

2) отъ перехода до паденія Плевны;

3) отъ паденія Плевны до заключенія перемирія.

Мы видѣли первый періодъ и что дѣлалось въ теченіе его; но, прежде чѣмъ перейти ко второму, намъ придется еще немного побыть въ Шумлѣ со старымъ сердаремъ Абдулъ-Керимомъ.

Мы уже упоминали, что въ Шумлѣ имѣлось двѣ пѣхотныхъ и одна кавалерійская дивизіи. Шумла была планетой, къ которой тяготѣли всѣ надежды съ начала войны. Здѣсь были наши самыя лучшія войска. Но что за досадное зрѣлище: имъ приходилось безъ конца кружиться вокругъ палатки маршала, какъ тѣмъ оловяннымъ солдатикамъ, что ходятъ взадъ и впередъ въ нѣкоторыхъ часахъ старой работы. Сердарь боялся ихъ выпустить, подобно тому, какъ многіе люди боятся слишкомъ скоро износить новую пару

красивыхъ сапогъ. Мы чувствовали себя какъ бы осажденными еще до осады!

Мы чувствовали, что намъ не дадутъ выйти изъ этой большой клѣтки и, дѣйствительно, остались бы въ ней надолго, если бы, при вѣсти о Систовской переправѣ, султанъ не приказалъ наступать.

Замѣтимъ еще одно: даже согласившись съ устарѣвшими идеями престарѣлаго генералиссимуса, надо признать, что двѣ дивизіи никогда бы не смогли защитить огромный периметръ укрѣпленнаго лагеря, обнесеннаго только одною линіею укрѣпленій. Если даже предположить возможность сопротивленія въ Шумлѣ, то мы имѣли бы дѣло съ осадой, а слѣдовательно, и съ совершеннымъ изолированіемъ нашей главной операціонной арміи.

Главнокомандующій помѣстилъ часть баталіоновъ въ Рущукѣ (около двухъ дивизій, изъ которыхъ одна бригада находилась въ моментъ переправы въ Систовѣ), часть въ Никополѣ, Варнѣ, Силистріи, Тотраканѣ; словомъ, повсюду, гдѣ ожидалось появленіе русскихъ, и повсюду, куда они и не могли явиться. Онъ раздѣлилъ свои силы для удовольствія быть слабымъ на всѣхъ пунктахъ; а между тѣмъ, если бы сосредоточить всѣ эти силы на тѣхъ стратегическихъ пунктахъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, то можно было бы опрокинуть въ рѣку первые же изъ непріятельскихъ корпусовъ, которые захотѣли бы продвинуться впередъ. Вотъ къ этимъ то боямъ намъ и слѣдовало приготовиться! Но, по принятой нами системѣ, малые отряды разбросаны были по всему Дунаю, въ Раховѣ, Никополѣ, Систовѣ и по всѣмъ крѣпостямъ древней рѣки, въ той несчастной увѣренности, что они окажутся способными помѣшать (а на дѣлѣ оказалось совсѣмъ противоположное) серьезно предпринятой операціи переправы.

Слѣдовало размѣстить соотвѣтствующіе отряды не для *противодѣйствія*, а для *наблюденія* и своевременнаго *пред-*

упрежденія своихъ... въ послѣднемъ случаѣ торопиться было нечего; напротивъ, можно было даже позволить переправиться извѣстной части непріятельскихъ войскъ, но *для того, чтобы, короткимъ* и *быстрымъ маршемъ, явиться въ подавляющихъ силахъ къ пункту переправы.* При первомъ же взглядѣ на карту, станетъ ясно насколько проста была подобная операція.

Вся суть заключалась въ томъ, чтобы выбрать себѣ какую-нибудь угрожающую позицію (Бѣлу, напримѣръ) и ждать; но скрыть отъ противника насколько возможно свои силы и расположеніе, чтобы не позволить ему своевременно разгадать нашъ планъ, а затѣмъ, какъ только истинныя намѣренія непріятеля стали бы ясны, тотчасъ же сосредоточить къ этой позиціи войска со всѣхъ пунктовъ ихъ размѣщенія.

Эти пункты, образующіе рядъ близкихъ другъ къ другу выжидательныхъ позицій, вовсе не должны были находиться ни на линіи рѣки, ни въ раіонѣ крѣпостей, но они должны были имѣть стратегическое значеніе. А на случай опасенія, что русскіе примутъ противъ этихъ распоряженій соотвѣтствующія мѣры, слѣдовало имѣть въ Разградѣ всю операціонную армію, съ Рущукскимъ отрядомъ въ видѣ стратегическаго авангарда. Пока авангардъ противился бы непріятелю въ первый періодъ переправы, операціонная армія явилась бы на мѣсто дѣйствій днемъ позже, чего было бы вполнѣ достаточно.

Вмѣсто этого, мы вертѣли за рукоятку, приводившую въ движеніе оловянныхъ солдатиковъ и, пока столица потѣла кровавымъ потомъ, мобилизируя все, что можно было мобилизировать, сердарь иммобилизировалъ въ Восточной арміи все, что могъ иммобилизировать.

На западѣ вовсе не было арміи, за исключеніемъ слабаго корпуса Османа-паши, отошедшаго, послѣ своихъ успѣ-

ховъ въ Сербіи, къ Виддину, гдѣ и расположился на зимнихъ квартирахъ.

Кто бы ни затѣялъ этотъ маршъ отъ Виддина къ Плевнѣ,— столичный ли стратегическій кабинетъ, сердарь ли, самъ ли Османъ-паша (на этотъ счетъ существуютъ различныя версіи) несомнѣнно одно, что онъ, угрожая операціонной линіи русскихъ и принуждая ихъ къ бою въ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, былъ единственнымъ стратегическимъ маневромъ, единственною счастливою идеею за всю румелійскую кампанію.

На югѣ, т. е. въ раіонѣ Балканскихъ горъ и за ними, дѣятельно приготовляли другіе отряды, которые, совокупно съ войсками, прибывавшими отъ черногорской границы, должны были образовать особую армію подъ начальствомъ Сулеймана-паши.

Таковы были главныя распоряженія, принятыя до переправы русскихъ, если только это можно назвать распоряженіями.

Дунай, образуя преграду-завѣсу, мѣшалъ видѣть, что дѣлалось на той сторонѣ его, въ Румыніи; но сами русскіе, при помощи болгаръ, переправлявшихся на лодкахъ черезъ рѣку, имѣли о насъ постоянныя свѣдѣнія. Благодаря этому, они отлично знали, что сердарь не имѣетъ желанія покинуть свое орлиное гнѣздо, и дѣятельно готовились къ тому, чтобы перебросить генерала Гурко за Балканы и посѣять смущеніе и страхъ въ Нижней Румеліи.

Турецкій главный штабъ не желалъ прибѣгнуть ни къ одному изъ средствъ для сбора свѣдѣній о непріятелѣ, тогда какъ непріятель ежедневно развѣдывалъ о насъ. А между тѣмъ у насъ было кое-что получше болгарскихъ лодокъ— у насъ имѣлась цѣлая флотилія мониторовъ, при помощи которыхъ мы могли бы не только рекогносцировать на противоположномъ берегу, но и помѣшать переправляться болгарамъ. Но этотъ могущественный союзникъ не сдѣлалъ ни-

чего путнаго, и наши мониторы спокойно ожидали, пока русскіе смѣльчаки-офицеры, сидя въ несчастныхъ лодчонкахъ, появятся для того, чтобы взорвать ихъ!

Эти броненосцы могли бы играть троякую роль:

1) ту, о которой мы уже упоминали, до переправы русскихъ;

2) они могли быть использованы во время самой переправы;

3) послѣ переправы ихъ можно было расположить въ удобномъ мѣстѣ выше Систова, для того, чтобы направить ихъ на русскій мостъ, напримѣръ, въ моментъ паники послѣ второго плевненскаго сраженія.

Сколько упущенныхъ и счастливыхъ случаевъ!..

Итакъ, первоначальныя свои распоряженія мы отдавали съ завязанными глазами и заткнутыми ушами, всецѣло довѣрясь старому сердарю, преклонный возрастъ котораго уже не соотвѣтствовалъ дѣйствительной потребности современнаго командованія; сосредоточеніе русскихъ силъ въ Румыніи производилось такъ, что мы не имѣли о немъ ни малѣйшихъ извѣстій, не давая себѣ даже труда слѣдить за европейскими газетами. Впрочемъ, по моему мнѣнію, всѣ эти свѣдѣнія ничуть не могли бы повліять на операціи, которыя заранѣе и самымъ безусловнымъ образомъ предрѣшались военнымъ искусствомъ.

Только во второй половинѣ іюня мѣсяца мы начали чувствовать приближеніе противника, но мы совершенно не знали ни фронта его движенія, ни пунктовъ его сосредоточенія.

Въ одинъ прекрасный день—если не ошибаюсь это было 25 (13) іюня—я долженъ былъ со своимъ эскадрономъ провожать принца Гассана, возвращавшагося въ Варну къ своей египетской дивизіи, оставленной имъ для того, чтобы представиться въ Шумлѣ главнокомандующему. Командиръ на-

шей дивизіи, Фуадъ-паша [1]), возвращаясь со станціи Каспичанъ, гдѣ мы оставили принца, взялъ меня въ свою карету и, склонясь къ моему уху, сказалъ мнѣ: „русскіе вступили въ Добруджу!“ Признаюсь, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ я былъ тогда, слова эти произвели на меня глубочайшее впечатлѣніе. Я почувствовалъ что-то въ родѣ мороза, пробѣжавшаго по мнѣ отъ головы до ногъ. Мнѣ ужъ почудилось, что непріятель находится въ виду нашего укрѣпленнаго лагеря и что мы не можемъ изъ него выбраться. Я еще не могъ тогда сообразить, что противникъ ни за что на свѣтѣ не будетъ наступать съ этой стороны. Припоминаю также, что въ тотъ же самый вечеръ, парадируя передъ сердаремъ, я повсюду встрѣчалъ радостныя лица. Очевидно, эта новость должна была доказать, что русскіе совершили, наконецъ, пресловутую и долго жданную ошибку и что отъ Добруджи они, сломя голову, глупо бросятся въ страшный четырехугольникъ.

Къ сожалѣнію, эта иллюзія продолжалась недолго: 27-го іюня русскій авангардъ перешелъ черезъ Дунай у Систова, и эта новость пришла въ нашу главную квартиру, но не возбудила ни малѣйшей попытки къ выступленію, не вызвала ни малѣйшаго проявленія инициіативы со стороны начальниковъ. А малые міра сего печально переглядывались; хотѣлось плакать, но приходилось сдерживаться... и никто не могъ объяснить, какимъ образомъ операція, которая должна была стоить противнику такъ дорого, совершилась такъ благополучно для него, а въ особенности—почему не пробовали исправить энергическимъ наступленіемъ сдѣланную ошибку?

Если только противникомъ не начальствуетъ полководецъ, подобный Бонапарту, которому все удавалось, то на поло-

[1]) Хотя мы и носили съ нимъ одно имя, но родственниками не были.

женіе непріятеля, переправившагося черезъ рѣку и собирающагося атаковать, имѣя эту рѣку въ тылу за собой, слѣдуетъ смотрѣть какъ на очень выгодное для насъ, *если, опредѣливъ пунктъ переправы, вы можете своевременно явиться къ нему—въ раіонѣ, благопріятномъ для вашихъ дѣйствій, со всѣми своими сосредоточенными силами, для того, чтобы атаковать непріятеля въ моментъ его тактическаго развертыванія и прежде чѣмъ онъ успѣетъ устроить тетъ-де-поны.*

Къ сожалѣнію, не таково было положеніе 27 (15) іюня 1877 г., когда русскіе встрѣтили въ Систовѣ и его окрестностяхъ только слабыя, отвратительно командуемыя, силы,— *и переправа состоялась самымъ спокойнымъ образомъ.*

26 (14) іюня, у Систова, подъ начальствомъ Ахмеда-паши, имѣлись ровно одна бригада пѣхоты (бригада Измида, шесть баталіоновъ) и одна конная батарея.

Изъ этихъ войскъ одинъ баталіонъ и одно орудіе стояли въ самомъ Систовѣ, а пять баталіоновъ и пять орудій расположены были въ 3-хъ километрахъ отъ него, въ мѣстечкѣ по имени Дегирмендере.

Первый русскій эшелонъ—быть можетъ одинъ баталіонъ— высадился на правый берегъ ночью (ночь была очень темная) прямо противъ главныхъ силъ бригады Ахмедъ-паши, стоявшаго лагеремъ въ разстояніи около 2½ километровъ отъ берега Дуная.

Утромъ 27 (15), люди бригады, отправившись за водой, были встрѣчены ружейными выстрѣлами. Они отступили и доложили о происшедшемъ по начальству; тотчасъ же Ахмедъ-паша отправилъ туда два баталіона, *вмѣсто того, чтобы направить къ опасному пункту всѣ свои силы и артиллерію...* Въ этихъ случаяхъ нечего думать о резервѣ...

Русскіе, выгадавшіе часть ночи для того, чтобы насколько можно укрѣпиться, обратили своимъ огнемъ эти два бата-

ліона, двигавшихся въ баталіонныхъ колоннахъ, въ бѣгство; паника сообщилась, немного погодя, и остальнымъ войскамъ, находившимся въ тылу, и систовскому баталіону, тѣмъ болѣе, что за первымъ русскимъ эшелономъ вскорѣ послѣдовала большая часть дивизіи Драгомирова.

Какъ только первые ружейные выстрѣлы возвѣстили о завязавшемся на правомъ берегу Дуная дѣлѣ, какъ многочисленныя русскія батареи открыли огонь по противоположному берегу, для того, чтобы поддержать фланги своей пѣхоты, дѣйствовавшей въ первое время послѣ начала переправы.

Первый русскій эшелонъ, а затѣмъ второй, искусно пользуясь выгодами, представляемыми мѣстностью, и несмотря на то, что опомнившіеся турки перешли въ наступленіе, выбивали наши войска, благодаря все прибывавшимъ подкрѣпленіямъ, изъ одной позиціи на другую. Такимъ образомъ, они дошли до ручья Текиръ-Дере и окончательно разорвали турецкій полумѣсяцъ.

Правый отрѣзокъ бѣжалъ къ Рущуку, лѣвый—сначала къ Систову, гдѣ пытался оказать энергичное, но безуспѣшное сопротивленіе; угрожаемый обходомъ, онъ, вмѣстѣ съ остатками маленькаго гарнизона, отступилъ къ Бѣлѣ.

Нельзя не сказать, что переправа состоялась съ такимъ минимумомъ усилій и потерь, о которомъ русскіе не осмѣливались ни думать, ни гадать.

24 (12) іюня, сердарь, въ приказаніи по телеграфу, переданномъ командиру войскъ, расположенныхъ у Зимницы, говорилъ: „я узналъ, что русскіе сосредоточиваются противъ васъ; несомнѣнно, что они попытаются переправиться у Систова; помѣшайте переправѣ, во что бы то ни стало!“ Такъ значитъ онъ зналъ, что русскіе будутъ здѣсь переправляться? Что же онъ дѣлалъ тогда въ Шумлѣ?

Съ самаго начала, какъ видно, не было никакого со-

гласія между начальниками и ихъ подчиненными; самые сильные изъ послѣднихъ были безсильны принудить себя повиноваться: рѣшеніе главнокомандующаго, вмѣсто того, чтобы всколебать воздухъ, подобно удару грому, промчаться, подобно молніи, ковыляло на повозкѣ, запряженной быками! Одинъ говорилъ бѣлое, другой — красное и ничто лучше этой безурядицы не могло служить русскимъ интересамъ!

Съ 30 (18) іюня уже болѣе 30,000 русскихъ было на нашей территоріи и для войскъ первой линіи становилось труднымъ идти на противника; но 29 (17) и, особенно. 28 (16) едва половина вышеуказаннаго числа была на правомъ берегу, т. е. всего одна дивизія, да еще имѣвшая у себя въ тылу широкую рѣку! Но отъ Рущука до Систова не болѣе 50 километровъ по прекрасной и удобной мѣстности. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что переправа началась въ ночь съ 26 (14) на 27 (15), если бы 27 (15) утромъ, на основаніи извѣстій отъ систовскихъ головы и коменданта, Эшрефъ-паша двинулся впередъ, съ сильной дивизіей и многочисленными полевыми батареями, запертыми въ Рущукѣ, и присоединилъ бы къ себѣ остатки бригады, захваченной врасплохъ въ Систовѣ, то явился бы къ мѣсту дѣйствій между 28 (16) и 29 (17) числами и могъ бы дать сраженіе, въ которомъ, принимая во вниманіе силы и положеніе обоихъ противниковъ, на его сторонѣ были всѣ шансы опрокинуть въ рѣку все, что онъ имѣлъ бы противъ себя. Въ случаѣ же неудачи, онъ всегда бы могъ своевременно отступить и—если это его такъ ужъ прельщало—запереться въ крѣпости.

Когда потомъ спрашивали сердаря — почему онъ не приказалъ этой дивизіи идти къ Систову, то онъ отвѣчалъ, что происходившее въ этой сторонѣ могло быть лишь демонстраціей и слѣдовало думать, что истиннымъ пунктомъ,

избраннымъ для переправы, будетъ Рущукъ или его окрестности... передъ такимъ отвѣтомъ всякое возраженіе становится безполезнымъ; нельзя же допустить, чтобы, въ военномъ смыслѣ, можно было хоть одну минуту думать о подобной комбинаціи и вообразить себѣ армію, пробующую переправиться черезъ рѣку, подъ огнемъ крѣпости, вооруженной многочисленной артиллеріей! [1])

Уваженіе къ покойному старому сердарю не позволитъ высказать болѣе строгаго сужденія. Читатель, при взглядѣ на карту можетъ самъ отдать себѣ отчетъ о важности разсказаннаго событія, которое имѣло еще и ту прискорбную особенность, что позволяло генералиссимусу, въ извѣстной мѣрѣ, исправить свои прежнія ошибки.

ГЛАВА V.

Второй періодъ: послѣ переправы; наступленіе Ахмедъ-Эюба; дѣло при Гюль-Чешме; отступленіе; дислокація; паденіе сердаря.

Главная квартира, имѣвшая обыкновенно довольно вялый видъ, приняла 3 іюля (21 іюня) непривычно дѣловую физіономію, по которой можно было догадываться, что что-то произошло... Это „что-то" заключалось въ полученномъ сердаремъ приказаніи плестись... виноватъ, идти навстрѣчу русскимъ. Благодаря иниціативѣ Е. В. Султана, даже

[1]) Говорятъ, что сердарь высказалъ подобное мнѣніе потому, что вычиталъ его будто бы у Мольтке; но Мольтке писалъ это еще въ ту эпоху, когда его компатріотъ Круппъ не познакомилъ еще насъ со своими великолѣпными осадными орудіями. Впрочемъ, великій фельдмаршалъ не былъ непогрѣшимъ; только одна логика не ошибается никогда и ее-то и слѣдуетъ всегда вводить въ свои дѣйствія. Въ военномъ искусствѣ, какъ и въ медицинѣ, нельзя употреблять одинъ и тотъ же рецептъ для двухъ различныхъ случаевъ.

главнокомандующій надѣлъ на себя дѣловитую личину; можно сказать даже, что онъ широко шагнулъ въ область стратегіи... потому что передъ палаткой мушира поставлено было величественное кресло, обитое красной кожей. Сердарь, покинувшій свою палатку!.. это было важно... но кресло выглядывало раздосадованнымъ отъ своего неожиданнаго перемѣщенія, также какъ и владѣлецъ его, повидимому, съ большой неохотой собиравшійся вытащить насъ изъ ящичковъ, въ которые мы были набиты, какъ хорошо просоленныя селедки.

Въ тотъ же день, вечеромъ, наша кавалерійская дивизія получила приказаніе выступать. Никто не заснулъ въ эту ночь, и лагерь нашъ имѣлъ самый праздничный видъ!

„Заря“, „сѣдлай!“—эти сигналы были проиграны лишь для формы: мы слишкомъ были довольны походомъ, чтобы имѣть нужду въ приказаніи готовиться; кажется, мы умерли бы отъ отчаянія, если бы Е. И. В. Султанъ не принудилъ сердаря принять это, столь желанное и столь запоздавшее, рѣшеніе.

Передъ тѣмъ какъ вытянуться по большаку Разградъ—Рущукъ, наша прекрасная кавалерійская дивизія продефилировала передъ его превосходительствомъ сердаремъ Абдулъ-Керимъ-пашой. Мой эскадронъ былъ въ головномъ отрядѣ. Я и теперь еще вспоминаю тотъ скучающій видъ, съ которымъ смотрѣлъ на насъ главнокомандующій.

Трудно выбить изъ восьмидесятилѣтней головы поселившіеся въ ней съ теченіемъ времени доктрины, принципы и заблужденія, и эта трудность увеличивается вмѣстѣ съ чиномъ и властью.

Въ чемъ заключается секретъ, гдѣ средство создавать молодыхъ генераловъ и имѣть начальниковъ и главнокомандующихъ, соотвѣтствующихъ своему назначенію? Всѣ бы генералы имѣли и желательный возрастъ, и характеръ, если

бы за долгій промежутокъ времени, предшествующій своему чину, они не дѣлались брюзгами, ворчунами, раздражительными! Молодые полковники, молодые генералы...

Нужно также, при выборѣ человѣка, становящагося во главѣ арміи, избѣгать офицеровъ, страдающихъ хроническими болѣзнями, ревматизмами, подагрой, грыжею,—болѣзненныхъ и безсильныхъ.

Если генералъ,—будь онъ тамъ хоть Фридрихъ или Наполеонъ,—не пользуется превосходнымъ здоровьемъ, не закаленъ, не обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ, отличнымъ желудкомъ и способностью спать когда угодно; если онъ не можетъ, чтобы голова его всегда была занята дѣлами, а не своими немощами, то онъ способенъ лишь на пустяки. Слѣдовательно, не возрастъ долженъ служить предѣломъ для боевого работника, а недуги и ослабленіе способностей.

Есть люди, которые могутъ быть командирами въ 70 и даже болѣе лѣтъ, и есть пятидесятилѣтніе офицеры, не годные уже ни на что. Пусть первые продолжаютъ свою службу, а вторые—удаляются! Короче, здоровье, силы, недуги командующихъ крупными частями должны входить въ расчеты при составленіи плана кампаніи.

Всѣ офицеры, отъ верхней до нижней ступени іерархической лѣстницы, должны имѣть необходимый физическій и нравственный закалъ для выполненія своей обязанности. А это достигается лишь тѣлесной и умственной гимнастикой.

Въ нашей главной квартирѣ этотъ двойной закалъ былъ до того ничтоженъ, что цѣлые дни проходили въ полнѣйшемъ незнаніи того, что дѣлалъ нашъ могучій противникъ. какъ ни легко было бы слѣдить за нимъ.

Послѣ разбитія нашихъ Систовскихъ войскъ, мы совсѣмъ потеряли соприкосновеніе съ непріятелемъ. А между тѣмъ ничего не было проще какъ сохранить его, для чего довольно было слѣдовать параллельно движенію генерала

Гурко. Объ этомъ маршѣ мы узнали какъ объ удивительной новости.

Абсолютно невѣжественные въ томъ, что касается до совмѣстной работы развѣдыванія о противникѣ, тѣ, которые командовали въ Балканахъ, ни разу не потрудились намъ ни о чемъ протелеграфировать; впрочемъ, мы платили имъ той же монетой.

И что еще курьезнѣе, въ то время какъ русскіе шли къ Балканамъ, мы двигались къ Дунаю, и такъ какъ силы наши были значительнѣе и могли бы быть еще больше, если бы мы захотѣли сосредоточить все, что можно было,— то мы могли бы двинуться на сообщенія генерала Гурко и отрѣзать его отъ главныхъ силъ, которыя въ это время еще были очень слабы на правомъ берегу Дуная.

Схема 3.

Судите сами, какой бы эффектъ произвели эти дѣйствія въ самомъ началѣ кампаніи. А вѣдь мы были на вершокъ отъ нихъ. Въ концѣ концовъ, благодаря отсутствію развѣ-

дыванія, этотъ первый благопріятный случай, какъ и множество другихъ впослѣдствіи, былъ потерянъ.

Во время этого марша наудалую мы потеряли драгоцѣнное время въ остановкахъ въ Пизанціи, въ Констанцѣ, производя запоздавшія рекогносцировки на короткое разстояніе, а потому безполезныя (см. схему 3). Въ случаяхъ, не терпящихъ, подобно этому, отлагательства, развѣдуетъ сама кавалерія: она посылаетъ впередъ офицерскіе разъѣзды, но не выжидаетъ ихъ возвращенія для выполненія своей стра-

Схема 4.

тегической роли. Двигаясь, прикрывая и прикрываясь, главныя силы кавалеріи въ то же время развѣдываютъ и устанавливаютъ соприкосновеніе съ главными силами противника (см. схему 4). Маршъ конницы былъ подчиненъ движенію пѣхоты; но въ такомъ случаѣ можно было оставить одну бригаду пѣхотной колоннѣ; полуполка кавалеріи довольно было для службы охраненія. Съ остальнымъ надо было броситься въ направленіи къ противнику и установить сопри-

косновеніе. Вмѣсто этого мы шли пѣхотными ногами. Пока мы разыскивали русскихъ на фронтѣ, равномъ ширинѣ дороги, они установили соприкосновеніе съ нашимъ лѣвымъ флангомъ и знали, что мы дѣлали.

Кавалеріи слѣдовало быть не передъ колонной, но на лѣвомъ флангѣ и на подобающемъ разстояніи отъ него. Чтобы развѣдывать о противникѣ, — а это было безусловно необходимо — нечего было останавливаться на пути: слѣдовало, начиная отъ Шумлы и до послѣдняго этапа, двигаться, высылая разъѣзды въ облическомъ направленіи отъ колонны, въ заранѣе обдуманномъ и даже извѣстномъ направленіи къ противнику. Къ несчастью, молодые офицеры были такъ же неспособны къ выполненію столь важныхъ порученій, какъ высшее командованіе и главный штабъ къ должной оцѣнкѣ преимуществъ послѣднихъ (см. схему 4).

Итакъ, мы можемъ утверждать, что успѣхъ столь важнаго порученія, выпавшаго на долю Шумлинской арміи, всецѣло зависѣлъ отъ развѣдочной службы; если бы, подходя къ главному пункту, т. е. близъ Бѣлы, главнокомандующій получилъ необходимыя свѣдѣнія о противникѣ, то онъ, не колеблясь, пошелъ бы на Бѣлу и одновременно на Систово: первая стратегическая цѣль была бы достигнута. О, какъ хорошъ былъ этотъ новый случай поправиться!... Можно даже утверждать больше: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что надлежащимъ образомъ организованныя рекогносцировки выяснили бы слабость противника въ этотъ періодъ; вся армія прибыла бы въ Гюль-Чешме дня на два, на три раньше, и досадное приказаніе, предписывавшее намъ отступать, застало бы насъ въ Систовѣ въ самый разгаръ работы, тогда какъ оно парализовало нашъ порывъ какъ разъ въ то время, какъ мы только что успѣли установить на высотахъ Бѣлы соприкосновеніе съ противникомъ. Это была одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ всей кампаніи и, безъ сомнѣнія,

имѣй мы лучшее понятіе о наступательныхъ дѣйствіяхъ, то не совершили бы этой ошибки.

Чтобы не впадать въ прежнія заблужденія, не будемъ забывать, что на войнѣ приходится примѣнять всѣ познанія, пріобрѣтенныя въ мирное время.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, какъ понимали войну наши тогдашніе вожди, попросимъ читателя взглянуть еще разъ на схемы 3 и 4. Первая изъ нихъ показываетъ, какъ мы исполнили знаменитый маршъ изъ Шумлы къ Дунаю, а вторая—какъ бы его слѣдовало исполнить.

Я никогда не забуду того, что сказалъ мнѣ тогда мой уважаемый другъ, капитанъ де-Торси [1]), присоединившійся къ намъ на Ломѣ. Онъ, какъ хорошій военный и нашъ гость, чуть не въ отчаяніе приходилъ отъ всѣхъ этихъ промедленій и проволочекъ. Могу сказать, что де-Торси видѣлъ и предвидѣлъ всѣ ошибки, совершенныя Восточной арміей. Все это онъ говорилъ мнѣ, но для меня его слова были китайщиной, и я подумывалъ, что французскій офицеръ, какъ онъ ни милъ, былъ одержимъ страстью противорѣчія. Сильно измѣнился съ тѣхъ поръ мой образъ мыслей.

Какая роковая ошибка думать, что имѣешь врожденныя способности къ оборонѣ и что этого совершенно достаточно. Конечно, для того, чтобы защищать опредѣленную позицію, для мѣстной обороны, всѣ солдаты на свѣтѣ хороши. За траншеями и прикрытіями можно драться какъ львы, до послѣдняго патрона.

Но потомъ?

Нѣтъ, нѣтъ, теперь, когда я пишу эти строки, никто, ни мы, ни другіе, не можетъ защищать чисто оборонительный способъ дѣйствій. Есть только стратегическая оборона:

---

[1]) Г. де-Торси состоялъ при главной турецкой квартирѣ какъ военный агентъ. Я былъ чрезвычайно счастливъ, когда узналъ о его недавнемъ производствѣ въ генералы.

оборона тактическая подобна рукѣ; оборона стратегическая—это голова, душа! Сраженіе есть рѣшеніе стратегической задачи и не должно быть ничѣмъ инымъ. Плевна, хотя и являлась оборонительнымъ боемъ, но была слѣдствіемъ стратегической идеи; съ отсутствіемъ преслѣдованія послѣ побѣды и съ обложеніемъ — стратегическая идея испарилась; вслѣдствіе этого тактическія дѣйствія сдѣлались безполезными, да, къ тому же, и ничтожными. Что я говорю—ничтожными! вредными, пагубными, ибо съ той минуты, какъ они не были связаны съ твердымъ намѣреніемъ маневрировать, они должны были только указывать противнику на то, что ему слѣдуетъ дѣлать.

Если какая-нибудь армія одержитъ въ раіонѣ своихъ дѣйствій успѣхъ, который не будетъ довершенъ ею или дружественными арміями, дѣйствующими на другихъ клѣткахъ стратегической шахматной доски, то на эту армію можно смотрѣть какъ на мертвую въ стратегическомъ смыслѣ. Ковыляя и ощупывая, какъ слѣпой, потерявъ драгоцѣнное время, мы, послѣ безполезныхъ и постыдныхъ проволочекъ, прибыли 9 іюля (27 іюня) въ Гюль-Чешме, гдѣ и соединились съ Рущукской дивизіей, командуемой поэтомъ Эшрефъ-пашой.

Мы разсмотримъ нѣсколько подробнѣе это сосредоточеніе къ Дунаю, потому что оно, во многихъ отношеніяхъ, послужитъ намъ урокомъ для будущаго, показавъ намъ, какъ мы вели войну.

Обѣ пѣхотныя дивизіи — прибывшая изъ Рущука и та, которую мы прикрывали и для которой развѣдывали, т. е. Шумлинская, остановились вмѣстѣ съ своей многочисленной артиллеріею по сторонамъ большака Рущукъ—Бѣла. Кавалерійская дивизія получила приказаніе двинуться къ Янтрѣ.

Но всѣ эти приказанія были сбивчивы и неопредѣленны. Я очень хорошо помню, что въ то время какъ двигалась

наша дивизія, я остановился у фонтана „Гюль-Чешме“ и болталъ съ давно невиданными товарищами, когда прибылъ муширъ Ахмедъ-Эюбъ и сказалъ мнѣ: „что вы тутъ дѣлаете? Поѣзжайте скорѣй къ начальнику кавалеріи и скажите ему, чтобы онъ двигался къ... гмъ, гмъ... „къ высотамъ у Бѣлы, черезъ... гмъ, гмъ... и чтобы увѣдомилъ меня, если увидитъ... гмъ, гмъ... и чтобы не переходилъ... гмъ, гмъ... ни въ какомъ случаѣ“.

Это должно было обозначать слѣдующее: „скажите ему, чтобы онъ двинулся къ возвышенностямъ Бѣлы черезъ Обертеникъ, увѣдомилъ меня, когда увидитъ русскихъ и ни въ какомъ случаѣ не переходилъ за Бѣлу“.

Маршалъ, славившійся своей лаконичностью, никогда не говорилъ иначе и, какъ всѣ люди въ чинахъ, требовалъ, чтобы его понимали. Никогда онъ не удостоивалъ отдавать приказанія тому, чьи способности не казались ему достойными этой чести. Что касается до штаба, то онъ никогда не разсылалъ письменныхъ приказаній о движеніи,—никогда!

Еще въ 20 километрахъ отъ противника мы построили линію, состоявшую изъ центра и крыльевъ. Было уже не рано. Бригада центра съ тремя конными батареями двинулась по дорогѣ. Одна бригада была выслана вправо и шла вдоль Дуная, гдѣ ей нечего было дѣлать и гдѣ достаточно было бы нѣсколькихъ развѣдчиковъ. Влѣво, на большой дистанціи, прямикомъ, двигалась сирійская бригада. Одинъ изъ полковъ центральной бригады былъ посланъ по шоссе, на рекогносцировку къ Бѣлѣ. Все разбросалось, не имѣя между собою связи, тогда какъ слѣдовало имѣть всю дивизію въ кулакѣ или уже дѣлать развѣдку по всѣмъ правиламъ искусства.

Я сопровождалъ начальника дивизіи и мы ѣхали по большой дорогѣ, за артиллеріей. На высотѣ деревни Терстеникъ

къ намъ присоединился маршалъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, ѣхавшій въ каретѣ съ поэтомъ Эшрефъ-пашой.

Оба маршала съѣхали съ дороги, усѣлись на мягкомъ коврѣ, развернутомъ подъ деревомъ, и пригласили моего начальника сдѣлать то же. Въ ожиданіи извѣстій отъ Музафферъ-бея, нашего начальника штаба, отправившагося на рекогносцировку съ полкомъ центра, войскамъ, двигавшимся вмѣстѣ съ нами и влѣво отъ насъ, приказано было остановиться. Мы уже потеряли изъ вида правую бригаду, которая ушла, не установивъ никакой связи съ прочими.

Близъ ковра поставили огромную флягу и большую красивую чашку, сдѣланную изъ вызолоченнаго серебра; на бокахъ чашки были артистически выгравированы разные персидскіе стихи; стихи эти сочинилъ самъ Эшрефъ-паша, который, при каждомъ глоткѣ свѣжей воды, читалъ свои великолѣпныя поэтическія произведенія, сопровождая ихъ многочисленными комментаріями, своему сотоварищу Ахмедъ-Эюбу; но маршалъ Ахмедъ-Эюбъ, суровый вояка, не имѣвшій въ себѣ ничего поэтическаго, относился повидимому съ очень слабымъ интересомъ къ энтузіазму маршала-поэта. Что касается до меня, который, сознаюсь къ стыду своему, никогда не могъ должнымъ образомъ оцѣнить и прочувствовать дивной персидской версификаціи, то я завладѣлъ зрительной трубой, помѣщенной тутъ же, и принялся за наблюденіе горизонта, стараясь разыскать полки центра и праваго крыла. Во время этого занятія я вдругъ увидѣлъ на дальнихъ холмахъ конныхъ людей и занимавшія позицію батареи. Тотчасъ же я донесъ ихъ превосходительствамъ о сдѣланномъ мною наблюденіи, но Эшрефъ-паша, не давъ мнѣ даже докончить, сказалъ мнѣ, что въ мои лѣта легко принимаютъ крестцы сѣна за пушки, а крестьянскихъ лошадей за кавалерійскихъ развѣдчиковъ, и принялся вновь за выразительную декламацію балладъ, красота которыхъ должно

быть была очень велика, потому что авторъ ихъ забылъ даже, повидимому, что въ эту самую минуту было кое-что поважнѣе изящной литературы.

Я продолжалъ наблюдать за движеніями противника, развертывавшагося вправо и влѣво отъ первой усмотрѣнной мною группы, и, несмотря на отповѣдь высоко-поэтичнаго и интереснаго маршала, рискнулъ сдѣлать еще замѣчаніе. На этотъ разъ, прежде чѣмъ персидскія пословицы, направленныя противъ молодыхъ болтуновъ, успѣли заткнуть мнѣ ротъ, показался дымъ и русскія пушки заговорили языкомъ, болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ вся поэзія Саади... и рущукскій комендантъ, уже столь виновный въ систовскомъ пораженіи, принужденъ былъ перестать и декламировать... и даже говорить прозой.

По комъ же стрѣляли русскія орудія? Нашихъ вовсе не было видно.

Мы съ генераломъ двинулись къ нашему правому крылу, потому что, повидимому, дѣло разыгрывалось въ этомъ направленіи. Проскакавъ нѣкоторое время, мы въѣхали на небольшой холмъ и могли убѣдиться, что русскіе, занявъ позицію близъ деревни Обертеникъ, стрѣляли по нашей правофланговой бригадѣ. Въ то же время мы услышали выстрѣлы и въ центрѣ, у Домогилы. Въ эту минуту ко мнѣ подъѣхалъ офицеръ и передалъ коротенькую записку отъ Музаффера; полякъ по происхожденію, Музафферъ не умѣлъ писать по-турецки и, въ поспѣшно набросанной на французскомъ языкѣ записочкѣ, сообщалъ, что онъ вступилъ въ бой съ превосходными силами противника и просилъ подкрѣпленій. Маршалъ приказалъ намъ, со всѣми имѣвшимися подъ рукой полками и тремя батареями, скакать на помощь. Когда мы прибыли къ мѣсту дѣйствій, солнце уже начинало заходить.

Были сдѣланы тактическія ошибки, очень поучительныя

для будущаго, и, несмотря на то, что это заставитъ меня нѣсколько распространиться, я не могу обойти ихъ молчаніемъ.

Во-первыхъ, къ чему было посылать на рекогносцировку цѣлый полкъ? Если это было простое развѣдываніе, то довольно было офицера и нѣсколькихъ рядовыхъ или небольшого отряда. Если же хотѣли произвести стратегическое развѣдываніе, для того, чтобы установить соприкосновеніе съ противникомъ, то слѣдовало послать всю дивизію. Быть можетъ, желали сдѣлать усиленную рекогносцировку? Но, во-первыхъ, это было несвоевременно, а во-вторыхъ, слѣдовало, во всякомъ случаѣ, къ рекогносцерамъ придать хоть одну батарею.

Затѣмъ, къ чему было разбрасывать дивизію, когда дѣйствіе всей ея массою могло быть особенно цѣннымъ, и, въ особенности, зачѣмъ было останавливать главныя силы у Терстеника, удаленнаго отъ непріятеля на 18 — 20 километровъ?

А что же дѣлала пѣхота? Почему не двигался впередъ весь прекрасный армейскій корпусъ? Безъ этихъ проволочекъ мы могли бы на слѣдующій же день завладѣть линіей Янтры и обезпечить себѣ стратегическій перевѣсъ надъ противникомъ, потому что мы заняли бы позицію на его лѣвомъ флангѣ, не говоря уже о томъ, что, съ помощью оставленныхъ въ тылу дивизій, мы могли бы атаковать его тетъ-де-понъ.

Да! Представьте себѣ, что было бы, если-бъ мы явились къ Систову съ двумя армейскими корпусами (а сосредоточить ихъ было весьма легко) для нападенія на сорокъ восемь баталіоновъ, изъ которыхъ состояла въ это время русская Восточная армія?!.. И эта опасность для послѣдней продолжала существовать въ теченіе многихъ дней и даже

мѣсяцевъ!.. И въ теченіе всего этого времени мы сидѣли, сложа руки, пока не наступилъ печальный конецъ.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, замѣтимъ, что все это происходило 9 іюля (27 іюня) и что уже прошло четырнадцать дней отъ начала русской переправы черезъ Дунай! Иными словами, шансы на успѣхъ уменьшались съ каждымъ днемъ, пропорціонально числу непріятельскихъ войскъ, переходившихъ черезъ рѣку. Намъ слѣдовало прибыть въ этотъ раіонъ еще до 7 іюля (25 іюня), потому что послѣ этого числа уже почти вся русская армія была въ Болгаріи. Слѣдовательно, для выполненія указанныхъ операцій мы имѣли въ своемъ распоряженіи дней 8—10. Другими словами, армія, наступательнымъ образованіемъ которой такъ пренебрегали, должна была пройти эти 160 километровъ въ 6 дней или около того, и мы были бы на Янтрѣ 2 или 3 іюля (20 и 21 іюня), вмѣсто того, чтобы 9 (27 іюня) трусливо безпокоить уже сильный непріятельскій авангардъ, находившійся на этой рѣкѣ.

Допустимъ справедливость предположенія, что истинная переправа состоится въ другомъ мѣстѣ и что поэтому не хотѣли направить сейчасъ же туда пѣхотныя дивизіи. Но, во всякомъ случаѣ, должно было 27 (15) и даже *ранѣе 27* (15) поспѣшно оставить Шумлу и двинуться къ Дунаю.

Кавалерія, направляемая такъ, какъ мы указывали выше, одна могла разузнать, отступила ли турецкая бригада, бывшая въ Систовѣ, передъ русскими солдатами, за которыми во множествѣ слѣдовали другіе русскіе солдаты, или же передъ китайскими тѣнями!

Тогда, вмѣсто того, чтобы получить извѣстія въ Шумлѣ, т. е. въ 160 километрахъ отъ Дуная, можно бы получить ихъ на маршѣ и, допустивъ, что истинная переправа состоялась бы въ иномъ мѣстѣ, что противникъ нашелъ для нея болѣе выгодный пунктъ, допустивъ, наконецъ, все, что угодно,

и все-таки расположившись на любой позиціи между Рущукомъ и Шумлой, мы были бы ближе къ какому угодно изъ пунктовъ, избранныхъ для переправы. Или ужъ слѣдовало предполагать, что этотъ пунктъ избранъ вправо отъ Силистріи или влѣво отъ Никополя, что, все-таки, приводило дѣйствія арміи, расположенной въ Шумлѣ, къ нулю!

Все это—дѣло компаса.... еслибъ только захотѣли на него взглянуть.

И даже, принявъ во вниманіе всѣ ошибки, сдѣланныя съ самаго начала, слѣдовало стараться, во что бы то ни стало, прійти къ Систову самое позднее на шестой день.

Оставимъ, однако, эти грустныя размышленія и вернемся къ нашему разсказу о Гюль-Чешме.

Полки паши обмѣнялись сабельными ударами съ русскими полками; были атаки, была и рукопашная. Обѣ артиллеріи стрѣляли одна въ другую, не причиняя, однако, большого вреда, потому что уже стемнѣло и ничего нельзя было разглядѣть. Тѣмъ не менѣе, поле битвы осталось, повидимому, за нами и, конечно, мы бы сохранили его за собой, если бы вдругъ на наше правое крыло не посыпались пули,—непріятельскіе стрѣлки анфилировали нашу позицію и удерживать ее стало невозможнымъ.

Эти выстрѣлы посылала намъ пѣхота, вѣрнѣе, спѣшившіеся русскіе драгуны, укрывшіеся въ высокой кукурузѣ и другихъ хлѣбахъ. Но тогда — гдѣ же была наша правая бригада? Гдѣ была она? Что она дѣлала?

Что дѣлала?

А вотъ что. Въ то время, какъ маршалъ-поэтъ цитировалъ свои персидскіе стихи, русскіе пушки у Обертеника открыли огонь, полковникъ, командовавшій правой бригадой, преспокойно отступилъ, не давъ себѣ даже труда увѣдомить насъ объ этомъ (см. схему 5). Какъ видите, положеніе было не изъ пріятныхъ. Фуадъ-паша послалъ меня

доложить о всемъ маршалу Ахмедъ-Эюбу, который и приказалъ намъ немедленно отойти къ Гюль-Чешме. Отступленіе всей дивизіи совершилось ночью, при чемъ русскіе, безъ сомнѣнія восхищенные тѣмъ, что мы отказались отъ единственной вещи, которая могла бы досадить имъ, не безпокоили насъ. А черезъ два дня послѣ этого, къ великому отчаянію всѣхъ, мы уже двигались къ своимъ укрѣпленнымъ лагерямъ такими же олухами, какъ и прежде.

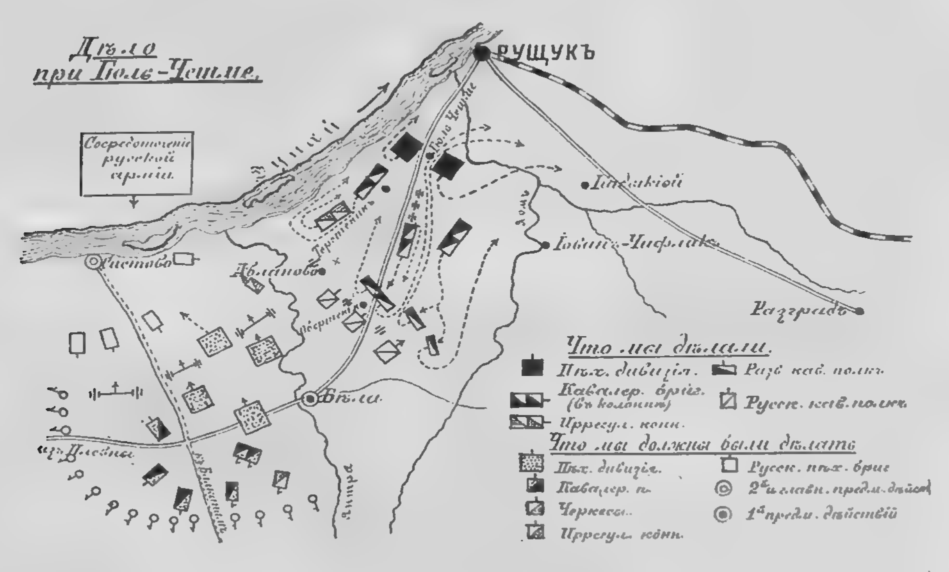

Схема 5.

Кавалерійская дивизія была окончательно раздроблена и израсходована на конвои пашамъ и на содержаніе летучей почты; рущукскія войска вернулись въ Рущукъ, а шумлинскія получили приказаніе идти въ Шумлу.

Когда, позднѣе, я спрашивалъ у маршала Ахмедъ-Эюба о необъяснимой причинѣ этого отступленія, то получилъ въ отвѣтъ, что изъ Константинополя пришло приказаніе отступить, вслѣдствіе телеграммы, полученной отъ Алеко-паши, нашего австрійскаго посланника; Алеко-паша, бывшій

потомъ, вслѣдствіе своихъ славянскихъ связей, губернаторомъ восточной Румеліи, телеграфировалъ, что въ вѣнскихъ военныхъ кружкахъ считали маршъ Ахмедъ-Эюба, принимая во вниманіе значительныя силы, которыя онъ могъ встрѣтить на Янтрѣ, за очень опасный... Пока разыгрывались эти печальныя событія между Рущукомъ и Янтрой, старый сердарь былъ отозванъ въ Константинополь, а его полномочія переданы были временному командованію, составленному изъ двухъ лицъ—извѣстнаго Редифа-паши и стараго маршала Намика, котораго маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, отмѣтилъ во время своего путешествія въ Константинополь, какъ единственнаго, въ ту эпоху, турецкаго офицера, носившаго военный воротникъ и шпоры.

Какъ видите, одинъ изъ новыхъ маршаловъ не уступалъ ни въ чемъ — и менѣе всего въ возрастѣ — своему предшественнику...

Это междуцарствіе долго не продолжалось: 19 (7) іюля главное командованіе надъ императорскими войсками въ Шумлѣ принялъ маршалъ Мехмедъ-Али. Первая же телеграмма призвала меня къ нему. Это Богъ сжалился надо мною, потому что я уже собирался слѣдовать за своимъ прежнимъ начальникомъ, Фуадомъ-пашой, у котораго отняли его прекрасную кавалерійскую дивизію и котораго послали съ дивизіею пѣхоты и нѣсколькими эскадронами въ Рущукъ! Запертые въ этой крѣпости, мы были бы принуждены просидѣть въ ней цѣлые мѣсяцы. Прибывъ въ Шумлу, новый сердарь засталъ Намика-пашу очень серьезно занятымъ распоряженіями. „Но,—какъ мнѣ замѣтилъ однажды мой новый начальникъ,—въ сущности насъ интересуютъ не повелѣнія стараго маршала, а повелѣнія Неба!

Дѣло въ томъ, что налицо имѣлся цѣлый штабъ шарлатановъ, который ничего не дѣлалъ, кромѣ вознесеній къ небу молитвъ о ниспосланіи побѣды, тогда какъ лучше

было бы молить Бога о томъ, чтобы Онъ ввелъ хоть немножечко военнаго искусства въ наши комбинаціи и хоть крошечку логики въ наши головы! Надо полагать, что наши восточныя дѣла не высоко котировались Небомъ, такъ какъ продолжалъ царствовать прежній сумбуръ.

ГЛАВА VI.

Два маршала; сосредоточеніе къ Разграду; Плевнинскія новости; наступленіе; соперничества; возвращеніе въ Шумлу.

Мехмеду-Али не пришлось командовать одному; отозвавъ Абдулъ-Керима, въ Разградѣ оставили Ахмедъ-Эюба, и этотъ тетъ-а-тетъ долженъ былъ продолжаться до окончанія дѣлъ на Ломѣ; чтобы лучше понять дальнѣйшее, я считаю необходимымъ набросать портреты обоихъ маршаловъ.

Мы уже видѣли маршала Ахмедъ-Эюбъ-пашу вмѣстѣ съ сердаремъ въ Шумлѣ и при командованіи имъ операціонной арміей, направленной къ Янтрѣ, но не познакомили его, какъ слѣдуетъ, съ читателемъ.

Съ внѣшняго вида Ахмедъ-Эюбъ представлялъ особенность, которую невозможно обойти молчаніемъ: онъ поразительно былъ похожъ лицомъ на тигра!

Мы никогда не видѣли его смѣющимся, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ особенно въ духѣ—и притомъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ! Однако, онъ вовсе не былъ свирѣпымъ человѣкомъ, совсѣмъ напротивъ: образованный, мягкій, очень цивилизованный — онъ чувствовалъ себя счастливымъ только на войнѣ... и былъ рожденъ для нея.

Годъ тому назадъ онъ командовалъ императорской арміей въ Сербіи, противъ генерала Черняева. Его стратегическое движеніе отъ Княжеваца къ Моравѣ; его переправа черезъ

эту рѣку подъ пушками Алексинаца и подъ носомъ Черняева, при чемъ послѣдній, подъ угрозой быть отрѣзаннымъ отъ своей базы, долженъ былъ принять бой на невыгодной позиціи; его блестящая побѣда надъ сербами — все это крупные историческіе факты, къ сожалѣнію, мало извѣстные, потому что въ то время исторія и историки были предубѣждены противъ всего турецкаго. Впрочемъ, общее вниманіе привлекалось болѣе военными событіями и некогда было входить въ подробности войны, уже никого не интересовавшей [1]).

Ахмедъ-Эюбъ держался нѣсколько въ сторонѣ и почти не участвовалъ въ комбинаціяхъ сердаря. Оно и понятно, потому что весьма естественное уваженіе къ генералиссимусу, слывшему за военнаго генія, не позволяло ему оспаривать планы стараго сердаря. Впрочемъ, если бы Ахмедъ-Эюбъ былъ человѣкомъ краснорѣчивымъ, если бы онъ былъ одаренъ даромъ слова и убѣжденія, то весьма вѣроятно, что онъ настаивалъ бы если не на наступательномъ образѣ дѣйствій, къ которому онъ, повидимому, не считалъ нашу армію подготовленной, то, по крайней мѣрѣ, на дѣятельности. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, да и то не каждую недѣлю! Общество бывшаго сердаря могло только увеличить этотъ лаконизмъ своимъ примѣромъ. А впрочемъ, онъ былъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя могутъ успѣшно работать только въ одиночествѣ, какъ бываютъ лошади, не идущія въ упряжкѣ съ другими лошадьми и отлично бѣгущія въ одиночку.

Рабъ долга и дисциплины, Ахмедъ-Эюбъ совсѣмъ стушевался съ прибытіемъ Мехмедъ-Али. Продолжая однако быть помощникомъ главнокомандующаго, онъ отлично зналъ, что

---

[1]) Корреспондентъ Gaulois, г. Карлъ де Перрьеръ, находившійся тогда при штабѣ сербской арміи, могъ бы разсказать, какъ была разбита армія Черняева.

въ Константинополѣ очень разсчитываютъ на его мудрые совѣты, съ которыми онъ и не упускалъ обращаться къ новому муширу, репутація и способности котораго еще не достаточно установились.

Для насъ несомнѣнно, что если бы Ахмедъ-Эюбъ не находился съ самаго начала кампаніи при Абдулъ-Керимѣ; если бы онъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, не раздѣлялъ если не ошибки, то, по крайней мѣрѣ, медлительность стараго сердаря; если бы даже солдаты не видѣли въ немъ сотрудника генералиссимуса, позволившаго русскимъ переправиться черезъ Дунай безъ крупныхъ кровавыхъ жертвъ, то императорское правительство, не колеблясь, назначило бы его главнокомандующимъ армій, дѣйствовавшихъ въ Румеліи.

Однако Ахмедъ-Эюбъ, хотя и лучшій изъ наличныхъ маршаловъ, не могъ быть избранъ въ эту минуту, изъ опасенія совершенно деморализовать войска. Мехмедъ-Али, замѣстителю стараго сердаря, слѣдовало бы понять своего товарища, воспользоваться его присутствіемъ и, при нуждѣ, обращаться къ его мудрымъ совѣтамъ, а не къ чьимъ-либо другимъ.

Но человѣкъ не безъ способностей и лично чрезвычайно мужественный, Мехмедъ-Али имѣлъ какую-то страсть откровенничать съ кѣмъ-попало и желаніе привести въ исполненіе разомъ всѣ планы, которые кишѣли въ его головѣ. Окружающіе заставляли его трижды мѣнять планъ въ теченіе 24 часовъ, такъ что въ Константинополѣ, гдѣ на мушира возлагались всѣ надежды, скоро поняли, что въ комбинаціяхъ новаго генералиссимуса нѣтъ никакой послѣдовательности. Это было тѣмъ досаднѣе, что, высадившись въ Варнѣ, Мехмедъ-Али-паша показалъ себя человѣкомъ дѣятельнымъ и систематичнымъ, телеграфировавъ всѣмъ комендантамъ дунайскихъ гарнизоновъ прислать въ Разградъ

всѣ свободныя войска. Эти приказанія о сосредоточеніи, отданныя очень энергично, преисполнили радостью всѣхъ здравомыслящихъ людей—и черезъ нѣсколько дней у Разграда собралась недурная армія.

Въ то время, какъ новый муширъ въѣзжалъ въ Шумлу, русскіе, предупрежденные болгарами о приготовленіяхъ у Разграда и желая убѣдиться въ нихъ, произвели усиленную рекогносцировку этой позиціи. Это произошло какъ разъ за два дня до перваго плевнинскаго боя. Мы приняли русскую рекогносцировку за серьезную атаку. Во время нея мы потеряли одного изъ лучшихъ нашихъ генераловъ [1]).

На слѣдующій день новый генералиссимусъ прибылъ вмѣстѣ со мною въ Разградъ, а черезъ два дня послѣ этого сосредоточеніе всего, что оказалось возможнымъ сосредоточить, было закончено.

А потомъ?

Потомъ? Ничего! Или почти ничего. Въ теченіе многихъ дней обмѣнъ многихъ телеграммъ!... И только!

Одни убѣждали генералиссимуса наступать сызнова на Бѣлу и Систово; другіе заклинали его не трогаться съ мѣста, въ надеждѣ, что русскіе атакуютъ Разградъ подобно тому, какъ они атаковали Плевну; но надо признаться, что, среди этого сумбура, мысль генералиссимуса идти черезъ Османъ-Базаръ на Тырново была самой лучшей.

Послѣ того, какъ мы упустили столь благопріятный случай поспѣшить къ Систову, пока развертываніе русской арміи еще не закончилось, не представляло никакой выгоды производить это движеніе теперь. Наоборотъ, маневръ на Тырново долженъ принудить очень слабый русскій центръ очистить Шипку и этимъ обезпечить соединеніе трехъ нашихъ армій какъ разъ въ то время, когда Плевна понизила духъ противника; но эта операція не могла понра-

---

[1]) Азизъ-пашу.

виться Сулейману-пашѣ, который не хотѣлъ и слушать о совмѣстной работѣ и ежедневное удовольствіе котораго состояло въ созерцаніи того, какъ наши герои-солдаты тысячами гибнутъ при атакѣ неприступной позиціи — позиціи, которую, какъ позднѣе показали намъ русскіе, такъ легко было взять небольшимъ обходнымъ движеніемъ.

Съ самаго прибытія своего въ Разградъ новый сердарь носился съ мыслью создать у него крупный тактическій центръ, въ надеждѣ, что русскіе доставятъ ему случай выиграть тутъ оборонительное сраженіе. Но и намѣреніе принять наступательный образъ дѣйствій не было чуждо мыслямъ мушира, но всѣ мѣры, принятыя для послѣдней цѣли въ главной квартирѣ его, просто невѣроятны, неслыханны!

Приказанія летятъ по всѣмъ направленіямъ! Наступленіе! Наступленіе!.. Впередъ!!! — И вотъ рущукскія дивизіи развертываются вправо, противъ Кацелева; Неджибъ-паша двигается къ Карагассанъ-кіою; Саликъ-паша и египетская дивизія изъ Аяслара наступаютъ къ Османъ-Базару.

А непріятель гдѣ? Да, гдѣ же непріятель?

Но вотъ онъ, противъ насъ!

Кто? Что?

Его корпусная кавалерія!

И эта маска насъ пугаетъ; мы не можемъ сдѣлать ни шагу впередъ; мы останавливаемся... мы боимся, чтобы противникъ самъ не сдѣлалъ того, чего мы не смѣемъ сдѣлать... и окапываемся, и ждемъ!

Мы размѣстили (право, можно умереть отъ горя, вспоминая все это...) — мы размѣстили (я говорю это со слезами) *всѣ свои дивизіи на фронтѣ болѣе чѣмъ въ 100 километровъ!*

Да, вѣдь это не что иное, какъ возвращеніе къ отмѣ-

неннымъ распоряженіямъ стараго сердаря Абдулъ-Керима: только вмѣсто того, чтобы растянуться вдоль Дуная, съ востока на западъ, мы растянулись съ сѣвера на югъ! — Вотъ и все; вотъ къ чему свелось разградское сосредоточеніе, которому мы такъ радовались!

Благодаря этой кавалеріи, этой маскѣ, армія Цесаревича держалась между Ломомъ и Янтрой поистинѣ замѣчательно. Она исполняла свою роль прикрытія — и больше ничего. Она не могла и не должна была наступать — и ея добровольное, разсчитанное бездѣйствіе кончилось тѣмъ, что вынудило насъ атаковать.

29 (17) іюля—въ то время какъ я былъ у русскихъ парламентеромъ—сердарь перешелъ въ наступленіе *по всей линіи!* Наша оборонительная линія обратилась, на всемъ своемъ протяженіи, *въ линію общей атаки.*

Уже со времени необычайнаго развертыванія нашего на Ломъ, русскіе, удивленные и, вѣроятно, ничего не понимавшіе въ нашей растяжкѣ, раздѣлили линію Лома на три зоны и въ каждой изъ нихъ имѣли по авангарду, выставленному за рѣку; но выставлены они были немного далеко. Это по крайней мѣрѣ можно было подумать съ перваго взгляда. Цесаревичъ распорядился такимъ образомъ, вѣроятно, потому, что ожидалъ нашей главной атаки на одинъ только пунктъ и никогда не воображалъ, что мы изберемъ для нея *цѣлый рядъ географическихъ пунктовъ.* Цесаревичъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, сохранить себѣ и „пространство“ и „время“, а потому и помѣстилъ войска впереди Лома. Его авангарды можно сравнить съ буферами. Однако, элементъ „мѣстности“ не былъ благопріятенъ для русскихъ и, при обрывистыхъ берегахъ Кара-Лома, они рисковали пораженіемъ по частямъ, что, впрочемъ, и случилось: Фуадъ-паша при Кацелево, Неджибъ-паша при Кара-Гассанларѣ и Салихъ-Саримъ-паша при Гайдаръ-Кіой-Аясларѣ оттѣс-

нили эти отряды, причинили имъ большія потери и едва-едва совсѣмъ ихъ не истребили.

Зато они великолѣпно выполнили свою роль „буферовъ“, и наше знаменитое наступленіе доставило намъ *тридцать два съ половиною метра*... средней ширины Лома!

Соприкосновеніе, какъ и всегда, впрочемъ, было потеряно; но теперь я скажу, что преслѣдовать не было резона, если бы даже и хотѣли преслѣдовать, потому что, какъ уже говорилось ранѣе, мы имѣли противъ себя только сильные авангарды; про то же, гдѣ находились главныя силы, ничего не было извѣстно; при такихъ условіяхъ, преслѣдованіе было и будетъ всегда опаснымъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени мы собрали только около 12 эскадроновъ кавалеріи, которые находились близъ расположенія Фуада-паши, но для преслѣдованія употреблены быть не могли: съ ними приключилась исторія, о которой стоитъ разсказать.

Къ концу сраженія при Кацелево, гдѣ русскіе испытали болѣе серьезную неудачу, чѣмъ въ прочихъ бояхъ, одинъ изъ ихъ кавалерійскихъ полковъ, вслѣдствіе поспѣшности отступленія русской пѣхоты и обрывистости береговъ рѣки, очутился отрѣзаннымъ и ожидалъ въ маленькомъ лѣску, не осмотрѣнномъ нашими, случая, когда можно будетъ уйти. Случай этотъ доставила ему наша кавалерійская бригада, которая, проболтавшись неизвѣстно гдѣ, прибыла на рысяхъ и, увидавъ, что ей здѣсь дѣлать нечего, остановилась на Кацелевскомъ плато, совсѣмъ близко отъ рощицы и отъ той складки мѣстности, въ которой томился спрятанный русскій полкъ.

Командовавшій бригадой генералъ или, не знаю хорошенько, полковникъ, по собственной иниціативѣ, приказалъ, спѣшиться.

Это-то русскій полкъ и ожидалъ... Какъ бомба кидается онъ на нашихъ несчастныхъ кавалеристовъ, еще бывшихъ

одной ногой въ стремени!.. Полковники, маіоры и почти всѣ офицеры были убиты или переранены... Одинъ капитанъ [1]) получилъ во время этого урагана, пронесшагося сквозь наши спѣшенные эскадроны, 22 раны!

Воспользовавшись сумятицей, командиръ русскаго полка пробилъ себѣ дорогу и соединился съ своими отступавшими войсками!

. . . .

Надѣюсь, что вы, товарищи, читающіе эту книгу, помните объ этомъ печальномъ происшествіи и что вы никогда не позволите себѣ спѣшить свои эскадроны, не узнавъ, можно ли это сдѣлать, и никогда не будете двигаться безъ развѣдыванія.

За этимъ наступленіемъ „на мѣстѣ“ послѣдовала новая остановка и новое незнаніе того, что дѣлать. Какой же результатъ всей этой чепухи?

Результатъ?

Нуль!

Впрочемъ, нѣтъ; результатъ былъ самый прискорбный, прискорбный потому, что съ этихъ поръ была потеряна всякая надежда сломить прикрывавшія войска русской Восточной арміи, и, естественно, мысль о движеніи на Тырново или на Систово была отринута; нечего было надѣяться, что наше командованіе, въ одинъ прекрасный день, станетъ иначе понимать наступательныя дѣйствія; а потому—оставалось лишь ожидать, когда Плевна будетъ обложена, изолирована или взята, а затѣмъ любоваться, какъ арміи Царя пойдутъ на столицу!

И все-таки, какъ увидимъ далѣе, Мехмедъ-Али, понуждаемый изъ Константинополя, опять началъ наступленіе. Курьезная, невѣроятная вещь! Онъ началъ его при усло-

---

[1]) Нынѣ начальникъ дивизіи.

віяхъ, абсолютно подобныхъ прежнимъ, и только къ концу лѣтней кампаніи собралъ у Іованъ-Чифлика всю армію для того, чтобы атаковать, на этотъ разъ, какъ слѣдуетъ. Но — увы! — отъ него ускользнулъ шансъ возстановить свою репутацію, потому что наканунѣ дня, выбраннаго для боя, онъ былъ лишенъ командованія. Неисполненная вслѣдствіе этого атака должна была произойти послѣ 3 — 4 мѣсяцевъ совершенно такъ же и на той же мѣстности, какъ и затѣянное нами 9 іюля (27 іюня) наступленіе къ Бѣлѣ!

Вернемся немного назадъ.

22 (10) іюля, когда новый сердарь прибылъ въ Разградъ для сосредоточенія къ нему разсѣянныхъ войскъ нашихъ, мы получили извѣстіе о первыхъ плевнинскихъ успѣхахъ. Эта депеша, очень длинная и написанная языкомъ, мало похожимъ на военный, преувеличивала, какъ казалось намъ, побѣду, потому что рейдъ Гурко совсѣмъ насъ обезкуражилъ, и мы ужъ предполагали русскихъ у Адріанополя. Всѣ сердца обливались кровью; мы ожидали только плохихъ извѣстій, надѣясь лишь на одного Бога. Счастливая и нежданная вѣсть отъ плевнинскихъ товарищей тѣмъ болѣе обрадовала весь нашъ лагерь, всю огромную военную семью... Но мы считали побѣду черезчуръ прикрашенною и никто не хотѣлъ вѣрить въ то, что было, однако, дѣйствительностью.

Наше колебаніе можно объяснить двоякимъ образомъ: вопервыхъ, тѣмъ, что русскихъ считали на полномъ ходу въ южную Болгарію, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что, по досадному обыкновенію, депеша не была написана военнымъ языкомъ и представляла изъ себя нѣчто въ родѣ эпической поэмы. Самъ главнокомандующій сказалъ мнѣ: „Я не вѣрю въ ней ни единому слову!“ А между тѣмъ надо было вѣрить; надо было вѣрить и, не теряя ни минуты, идти!

Существовало и существуетъ правило „идти на выстрѣлы“; а нынѣ слѣдуетъ идти и *на телеграфное извѣстіе!*

Во всякимъ случаѣ, какъ просто было телеграфировать въ Константинополь для того, чтобы, черезъ часъ, получить подтвержденіе депеши Гази-Османа-паши.

А послѣ этого подтвержденія какъ легко было, въ столь благопріятный моментъ, атаковать противника. Ничего этого не сдѣлали! Неизмѣримо важнѣе еще то, что русскіе, въ концѣ того же мѣсяца [1]), снова атаковали Османа-пашу, снова были побиты и Восточная армія опять не захотѣла въ это повѣрить и не тронулась съ мѣста!

Да! Мы съ мѣста не тронулись! Слѣдуетъ посмотрѣть, однако, могли ли мы, имѣли ли мы средства поступить иначе? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно: мы не могли; и не только мы, но и никакая другая армія не могла бы сдѣлать ни шагу впередъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы находились, — и это потому, что вся наша кавалерія, истомленная и разрозненная, состояла всего изъ нѣсколькихъ слабыхъ полковъ, неспособныхъ ни на охраненіе, ни на развѣдываніе; вслѣдствіе этого сердарь не имѣлъ *свободы дѣйствій!*

Мы были глухи, слѣпы, повсюду прибиты, точно гвоздями, къ своему мѣсту.

Генералиссимусъ хорошо чувствовалъ зло, но не зналъ откуда оно происходило! Онъ хотѣлъ идти — и не имѣлъ ногъ. Хотѣлъ видѣть — и не имѣлъ глазъ. Хотѣлъ слышать — и не имѣлъ ушей... Въ концѣ концовъ онъ задыхался посреди этого многочисленнаго собранія воиновъ, походившихъ болѣе на стадо ослѣпленныхъ и запертыхъ въ клѣтку львовъ, чѣмъ на свободную и дѣятельную армію. Только конница — хорошая конница — могла доставить ему стратегическую свободу, и тѣ свѣдѣнія, которыя собрала бы эта конница, конечно, заставили бы понять не только то,

---

[1]) Авторъ считаетъ по новому стилю.

что пора тронуться съ мѣста, но и то — въ какомъ направленіи.

„Желаніе идти“ и „способность идти“ приходятъ вмѣстѣ съ полнымъ знаніемъ положенія противника (первоначальное оріентированіе). Но не довольно удостовѣрить присутствіе противника передъ своимъ фронтомъ, что и безъ того видно; надо знать, что имѣется на его флангахъ и въ глубину. Надо его „взвѣсить“, а не „вымѣрять“, а вѣсами для того, чтобы взвѣсить противника, телескопомъ, чтобы разсмотрѣть его, можетъ, опять-таки, служить только кавалерія.

Попросимъ теперь читателя перенестись съ нами въ армію Османа-паши для того, чтобы изслѣдовать первые бои подъ Плевной.

ГЛАВА VII.

Первые бои подъ Плевной.

Первое дѣло подъ Плевной было встрѣчнымъ боемъ между небольшимъ турецкимъ отрядомъ, прибывшимъ изъ Виддина, и войсками, прикрывавшими правый флангъ русской арміи. Головные отряды обѣихъ сторонъ столкнулись другъ съ другомъ на улицахъ маленькаго городка. 20 (8) іюля первая бригада 5-й пѣхотной дивизіи, направленная послѣ своего успѣха подъ Никополемъ на Плевну, не принявъ мѣръ предосторожности, беззаботно двигалась по неразвѣданной предварительно мѣстности. Ѣхавшій впереди колонны, съ картою въ рукѣ, офицеръ генеральнаго штаба не обратилъ вниманіе на предупрежденіе болгарскаго проводника — и въ результатѣ явилось неожиданное столкновеніе съ авангардомъ Османа-паши.

Послѣ авангарднаго боя русскіе сосредоточивались для

того, чтобы развернуться потомъ въ боевой порядокъ; турки же всю ночь провели въ укрѣпленіи позицій, на которыхъ разсчитывали встрѣтить атаку противника. И дѣйствительно, на слѣдующій день 5-я дивизія совершила крупную ошибку, яростно атаковавъ эти позиціи и понеся значительныя потери; не менѣе велика была и наша ошибка, такъ какъ мы не преслѣдовали разбитаго и отступавшаго непріятеля.

Я уже говорилъ, кажется, выше и опять повторяю: отъ Виддина движеніе Османа-паши къ Плевнѣ было чрезвычайно счастливою комбинаціей; впрочемъ, оно являлось, въ эту кампанію, единственнымъ стратегическимъ маневромъ, который, по моему, стоитъ всей послѣдовавшей затѣмъ геройской обороны, потому что онъ болѣе согласованъ съ истинными принципами военнаго искусства.

Я почти убѣжденъ, что когда въ русской главной квартирѣ узнали о Плевнинской неудачѣ, то первымъ чувствомъ, испытаннымъ всѣми, было удивленіе, а не что-либо иное.

Донесенія генерала Игнатьева, русскаго посла въ Константинополѣ, выставляли насъ какъ людей. которыхъ можно раздавить въ нѣсколько дней!!! Никто не ожидалъ ни такого возвышеннаго героизма, ни такого отличнаго сопротивленія.

Мы оказались настолько выше того, чѣмъ насъ считали, что, при хорошемъ командованіи, были бы очень близки къ побѣдѣ надъ русскими арміями, которыя, довѣрясь, съ своей стороны, вышеупомянутымъ донесеніямъ, предприняли чисто наступательную войну съ черезчуръ слабыми силами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы русское правительство хотя одну минуту могло ожидать сопротивленія и живучести, подобными встрѣченнымъ, то оно не взялось бы за свое рискованное предпріятіе. Впрочемъ, громадныя средства колоссальной сѣверной имперіи позволили ей начать войну, въ побѣдоносности которой, казалось, 100 шансовъ изъ 100 были на ея сторонѣ, тогда какъ отъ начала войны

и до пораженія Сулеймана-паши подъ Филиппополемъ, несмотря на паденіе Плевны, мы нѣсколько разъ имѣли на своей сторонѣ 99 шансовъ изъ 100 для того, чтобы остаться побѣдителями.

Съ 21 (9) по 30 (18) іюля Османъ-паша получалъ подкрѣпленія. Русскіе, усилившись въ свою очередь, готовились къ новому нападенію на Плевну.

Ясно, что присутствіе нашихъ войскъ на флангѣ русской арміи не могло нравиться Великому Князю Николаю; не менѣе ясно было и то, что русскіе постараются вырвать у льва зубъ, укушеніе котораго могло сдѣлаться еще болѣе ядовитымъ.

Но... стоило ли атаковать снова, при тѣхъ же условіяхъ, и совершить вновь тѣ же ошибки, подвергаясь тѣмъ же опасностямъ? Эту вторичную атаку слѣдовало предпринять съ гораздо болѣе значительными силами, чѣмъ она была предпринята на самомъ дѣлѣ. Далѣе мы увидимъ, что, вмѣсто этого, русскіе шли по слѣдамъ храбрецовъ, павшихъ 21 (9) іюля... а эти слѣды были достаточно кровавы для того, чтобы обозначить краснымъ цвѣтомъ на картѣ ошибочность предыдущаго маршрута.

Но мы никогда не хотѣли воспользоваться тѣми благопріятными случайностями, которыя выпадали на нашу долю... Чѣмъ болѣе благопріятствовала намъ судьба, тѣмъ упрямѣе отталкивали мы ея благодѣянія. Такъ, 30 (18) іюля русское начальство хочетъ дать новый бой подъ Плевной! Оно не желаетъ маневрировать своей, много сильнѣйшей, кавалеріей въ тылъ Османа-паши, *а этотъ тылъ былъ совершенно на воздухѣ и его можно было обойти чрезвычайно легко въ странѣ, столь благопріятствующей дѣйствіямъ кавалеріи.*

40,000 русскихъ, съ 170 орудіями, атаковали Османъ-

пашу, у котораго имѣлось только 20,000 бойцовъ при 58 пушкахъ.

Такъ же, какъ и 20 (18) іюля, русскіе учинили двѣ отдѣльныя атаки—два дѣйствія, не имѣвшія никакой связи другъ съ другомъ. Лѣвая атака предшествовала правой и была произведена по плохо развѣданной мѣстности; что касается до правой атаки, то она началась въ ту минуту, какъ была отбита первая — и потерпѣла неудачу въ свою очередь.

Старшій начальникъ, не имѣвшій свободы операцій, теряетъ и свободу дѣйствій, *потому что не имѣетъ достаточнаго резерва для того, чтобы воспользоваться нѣкоторыми частными успѣхами и возстановить бой.*

Турецкіе пѣхотинцы, стрѣлявшіе хорошо, осыпали пулями своихъ „мартинокъ" слишкомъ густыя русскія колонны, атаковавшія съ удивительною стремительностью. Но, въ то время какъ наши искусно пользовались брустверами и мѣстностью, русскіе какъ будто пренебрегали прикрытіями. Вмѣсто того, чтобы атаковать перебѣжками (par bonds successifs), они двигались медленными и безостановочными лавинами. Словомъ, дѣло 20 (8) повторилось еще въ большемъ масштабѣ. И это длилось два дня.

Турецкая артиллерія была отлично укрыта превосходно приспособленными окопами и дѣйствовала по неприкрытой русской артиллеріи, орудія которой имѣли весьма умѣренную дальность.

Къ вечеру русскіе, отбитые на многихъ пунктахъ, прекратили бой. Отступленіе ихъ началось только 31 (19) и въ неописуемомъ безпорядкѣ. Малѣйшее преслѣдованіе— и пораженіе ихъ обратилось бы въ разгромъ!

Но наши, по причинамъ уже изложеннымъ, не преслѣдовали и потеряли новый благопріятный случай, а они не повторяются!

Ошибки обѣихъ сторонъ были многочисленны.

И прежде всего, мы не колеблясь скажемъ, что русское вторженіе въ Болгарію было предпринято съ слишкомъ слабыми силами. Именно поэтому стратегія требовала не затрогивать Османа-пашу, такъ какъ для этого не имѣлось достаточно войскъ. Вмѣсто этого, надо было либо отрѣзать послѣдняго отъ его базы (что являлось вполнѣ возможнымъ) либо задержать его, принявъ оборонительное положеніе—*и тогда, если бы Османъ-паша атаковалъ, то поставленъ бы былъ въ то положеніе, въ которомъ очутились русскіе.* Но можно ли было вторично атаковать съ фронта непріятеля, который уже одержалъ успѣхъ? Можно ли было позволить Осману-пашѣ создать укрѣпленную позицію? Можно ли было ставить себя въ необходимость предпринимать осаду, которая должна была истощить войска, принудивъ ихъ подвергнуться тысячи опасностей, прежде чѣмъ достигнуть главнаго предмета дѣйствій.

Нѣтъ! потому что до Адріанополя и Константинополя оставались еще сотни километровъ, между тѣмъ какъ приближалось дурное время года и дороги должны были совершенно испортиться. И что произошло бы въ томъ случаѣ, если бы Сулейманъ-паша, вмѣсто того, чтобы застрять въ Родопскихъ Балканахъ, спокойно отступилъ бы въ Адріанополь и создалъ бы тамъ другую Плевну? И развѣ русское главное начальство имѣло довольно силъ для того, чтобы правильно окружить сто тридцать баталіоновъ Сулеймана въ этомъ укрѣпленномъ лагерѣ, располагая въ то же время достаточными силами для продолженія движенія на столицу *и подхода къ ней, имѣя возможность что-нибудь сдѣлать.*

Не думаю.

Мы еще вернемся къ этому періоду войны, наиболѣе интересному, по моему мнѣнію, потому что, несмотря на

разгромъ, онъ представлялъ намъ великолѣпные случаи для исправленія всѣхъ ошибокъ, совершенныхъ ранѣе.

Писали, что послѣ побѣды 30 (18) и 31 (19) іюля Османъ хотѣлъ начать наступательныя дѣйствія, но формальные приказы изъ Константинополя запретили ему это. Мы никого не хотимъ выгораживать, но указанная версія не вполнѣ справедлива, да если бы она и существовала на самомъ дѣлѣ, то не должна была смущать Османа-пашу, потому что никакому генералу нѣтъ надобности спрашивать, долженъ ли онъ преслѣдовать такъ основательно побитаго противника. Идти впередъ предписывалъ долгъ, особенно если принять во вниманіе, что Плевнинской арміи предстояло совершить очень коротенькую прогулку (не болѣе шестидесяти километровъ) для того, чтобы достигнуть до рѣки и для одержанія конечнаго успѣха: *стратегическаго финала.*

Впрочемъ, этотъ лакомый кусочекъ можно было скушать только не спрашивая позволенія, иначе можно было упустить удобное время.

Османъ-паша, правда, сдѣлалъ съ нѣсколькими баталіонами и орудіями рекогносцировку по направленію къ Ловчѣ, но уже тогда, когда его противники, очнувшись отъ своего кошмара, устроились снова и надежнѣе, чѣмъ когда-либо.

Не слѣдовало отступать отъ главной идеи создать стратегическія затрудненія на правомъ флангѣ русской арміи. Если бы она атаковала,—а она атаковала,—то надлежало ее разбить и, разбивъ, извлечь всѣ выгоды изъ побѣды посредствомъ преслѣдованія. Въ случаѣ же неудачи—отступить или къ Сельви или къ Орханіэ.

Не пользоваться своей побѣдой составляетъ на войнѣ еще худшее, чѣмъ быть разбитымъ: побить—это почти что ничего; необходимо разгромить.

Этотъ принципъ долженъ примѣняться во всѣхъ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному. Османъ-паша, не вос-

пользовавшись своими блестящими успѣхами, долженъ былъ лишиться свободы дѣйствій настолько, что уже не могъ (разъ противнику удалось передохнуть) покинуть Плевны, даже до полнаго обложенія ея, если только русскимъ не было бы выгодно выпустить его, а это было маловѣроятно. Дѣйствительно, видя, что онъ упорствуетъ въ непользованіи тѣми выгодами, которыя могъ бы извлечь изъ своей побѣды, русскимъ было выгоднѣе обложить его, чѣмъ выпустить и позволить занять еще лучшія позиціи, которыя еще болѣе задержали бы ихъ маршъ впередъ.

Пока существовала Плевна, несмотря на бездѣйствіе Османа-паши, существовалъ и способъ, посредствомъ соединенія армій Мехмедъ Али и Сулеймана освободить ее, добиться еще большаго результата и *быть господами внутреннихъ операціонныхъ линій;* съ паденіемъ же Плевны внутреннія операціонныя линіи должны были перейти, и дѣйствительно перешли, во власть русскихъ.

Послѣ своей второй побѣды Османъ-паша остается прикованнымъ къ Плевнинскимъ редутамъ съ 31 (19) іюля по 12 сентября (31 августа).

Мнѣ часто случалось читать, что знаменитый маршалъ держался за свою импровизированную позицію вслѣдствіе приказаній изъ Константинополя. Предполагая эту версію правдоподобной, слѣдовало бы заключить, что императорское правительство, убѣдясь, къ своему величайшему сожалѣнію, что Османъ-паша не желалъ преслѣдовать своего противника или не считалъ это для себя возможнымъ, надѣялось найти компенсацію и возстановленіе равновѣсія въ продолжительномъ и отчаянномъ сопротивленіи, разсчитывая въ то же время вызвать посредничество державъ или, по крайней мѣрѣ, одно изъ тѣхъ нежданныхъ и негаданныхъ событій, къ предчувствію которыхъ такъ склонно наше плодовитое воображеніе.

Къ несчастію, если это предчувствіе и оправдалось, то въ крайне неблагопріятной формѣ прибытія къ противнику сильныхъ подкрѣпленій и румынской арміи, имѣвшей достаточно времени на то, чтобы рѣшиться присоединиться къ нашему непріятелю и докончить заключеніе нашихъ львовъ въ клѣтку, послѣ нѣсколькихъ атакъ, столь же безполезныхъ и еще болѣе кровавыхъ, чѣмъ предыдущія.

И наши Разградская и Шипкинская арміи не присоединились къ тѣмъ удивительнымъ усиліямъ, которыя дѣлались нашими плевнинскими собратьями по оружію. А бѣдный маршалъ Мехмедъ-Али проводилъ время въ совѣтахъ и въ составленіи плановъ, не имѣя власти ни выполнить то, что онъ желалъ сдѣлать, ни избѣжать того, чего онъ не хотѣлъ бы, чтобъ дѣлалось. А высоко-литературный шипкинскій палачъ продолжалъ любоваться въ бинокль и издалека тысячами храбрецовъ, умиравшихъ, карабкаясь на скалу святого Николая, для добыванія того, что могло быть добыто, при помощи искусства, не потерявъ ни единой капли крови.

30 (18) іюля баронъ Криденеръ, преувеличивая наши силы въ Плевнѣ—онъ ихъ считалъ въ 50,000, тогда какъ на дѣлѣ онѣ не превосходили 20,000, и предполагалъ у Османа-паши наличность многочисленной кавалеріи, между тѣмъ какъ у него, къ несчастью, было всего 2—3 эскадрона,—повидимому, не располагалъ атаковать наши позиціи; но въ этотъ же самый день имъ былъ полученъ отъ главнокомандующаго приказъ перейти въ наступленіе со своими четырьмя дивизіями; русскіе генералы собрались на совѣтъ, въ которомъ показали себя виновными въ той же разноголосицѣ и безконечной нерѣшительности, которыя замѣчались и у насъ каждый разъ, какъ намъ приходилось сталкиваться съ случаемъ, когда *военное искусство должно было говорить громче всѣхъ.*

Въ виду новой атаки позиціи Османа-паши, русскіе со-

средоточились передъ Плевной между 21 (9) и 30 (18) іюля, число, въ которое, по приказанію Великаго Князя Николая, баронъ Криденеръ отдалъ слѣдующую диспозицію, заимствованную нами изъ очень интереснаго труда полковника В. М. Вонлярлярскаго [1]): *„Правый флангъ.* Колоннѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова (Пензенскій, Козловскій и Тамбовскій полки съ пятью батареями 31-й артиллерійской бригады) выступить въ 5 ч. утра изъ дер. Коюловицы и слѣдовать на Плевну. По прибытіи на шоссе близъ д. Гривица, занять высоту, перестроиться въ боевой порядокъ, выставивъ возможно больше орудій, и открыть огонь. Для атаки ждать дальнѣйшихъ приказаній.

„Тремъ полкамъ 5-й пѣхотной дивизіи (Архангелогородскій, Вологодскій и Галицкій), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шильднеръ-Шульднера, съ пятью батареями 5-й артиллерійской бригады, выступить изъ Турскаго-Трестеника въ 5 ч. 30 м. утра, слѣдовать прямо по дорогѣ на Плевну и служить резервомъ для 31-й пѣхотной дивизіи, занявъ высоты къ сѣверу отъ шоссе Болгарени-Плевна.

„Двумъ эскадронамъ 11-го драгунскаго Рижскаго полка и одной сотнѣ казачьяго № 34 полка держаться на правомъ флангѣ боевого порядка 31-й пѣхотной дивизіи и развѣдывать вправо.

„Лѣвый флангъ. Колоннѣ князя Шаховского (Ярославскій и Шуйскій полки 30-й пѣхотной дивизіи; Курскій и Рыльскій полки 32-й пѣхотной дивизіи; 6 батарей 30-й и и 32-й артиллерійскихъ бригадъ и одна рота 5-го сапернаго баталіона) выступить изъ д. Порадимъ въ 5 час. утра, слѣдовать между деревнями Сгалоница и Пелишатъ и атаковать непріятельскія войска, расположенныя къ сѣверу отъ Радишева. По взятіи этой позиціи, двинуться къ Плевнѣ и по-

[1]) Colonel W. M. Wonlarlarsky, *Souvenirs d'un officier d'ordonnance. Guerre turco-russe*, 1877—1878. Paris, librairie R. Chapelot et Cie, 1899.

стараться выйти на флангъ турецкихъ батарей и въ тылъ турецкимъ корпусамъ, расположеннымъ у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. *Колоннѣ этой сообразоваться въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ съ тѣмъ оборотомъ, который приметъ бой на лѣвомъ флангѣ, постоянно сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь.* Съ послѣдней цѣлью, въ распоряженіе князя Шаховского поступаютъ два эскадрона уланскаго Чугуевскаго полка.

„Сводной Кавказской бригадѣ съ 8-й донской и съ горной батареями, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева, выступить въ 5 ч. утра изъ д. Боготъ и расположиться на крайнемъ лѣвомъ флангѣ боевого порядка, стараясь отрѣзать сообщенія турокъ между Плевной и Ловчей, тщательно наблюдая оба эти города. Въ случаѣ отступленія противника и оставленія имъ Плевны, бригады эти должны двинуться на Софійскую дорогу, чтобы отрѣзать туркамъ отступленіе.

„*Общему резерву*, подъ непосредственнымъ начальствомъ барона Криденера (Коломенскій и Серпуховскій полки 30-й пѣх. дивизіи, 2, 4 и 6 батареи 30-й артиллерійской бригады), выступить въ 5 ч. утра изъ Болгарскаго-Карагача, слѣдовать по шоссе на Болгарени до пересѣченія съ дорогой изъ Турскаго-Трестеника въ Порадимъ, гдѣ остановиться и ждать приказаній. Двумъ эскадронамъ драгунскаго Рижскаго полка и двумъ эскадронамъ уланскаго Чугуевскаго полка съ 18-й конной батареей занять деревню Пелишатъ, гдѣ и ожидать приказаній.

„*Колоннѣ генералъ-лейтенанта Лашкарева* (9-й уланскій полкъ, Донской казачій № 9 полкъ и 2-я Донская казачья батарея) выступить изъ Бресланицы въ 6 ч. утра и слѣдовать на Плевну.

„Линіи разъѣздовъ отъ этой колонны установить соприкосновеніе съ противникомъ, не прекращая наблюденій надъ

нимъ и посылая, какъ можно чаще, донесенія. Баронъ Криденеръ будетъ находиться при общемъ резервѣ, куда и присылать донесенія.

„Баронъ Криденеръ прибавлялъ, что „Его Императорское Высочество прислалъ ему съ однимъ изъ офицеровъ-ординарцевъ приказаніе взять Плевну у непріятеля“. Дѣйствительно, гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Андреевскій, состоявшій ординарцемъ при главнокомандующемъ, прибылъ утромъ съ приказаніемъ атаковать немедленно Плевну, которую обороняли 20,000 турокъ. Приказаніе это было отвѣтомъ на рапортъ, въ которомъ баронъ Криденеръ доносилъ о сосредоточеніи къ Плевнѣ 50,000 чел. и просилъ разрѣшенія не атаковать ранѣе прибытія новыхъ подкрѣпленій“.

...Да, въ Плевнѣ въ это время было дѣйствительно только 20,000 турокъ... и того оказалось много; что же было бы, еслибы ихъ имѣлось тамъ 50,000?

Не является ли это мнѣніе барона Криденера лучшею похвалою нашимъ героямъ-солдатамъ и доблестнымъ ихъ офицерамъ?

Вернемся къ разсказу русскаго полковника:

„18 (30) іюля, въ 5 ч. утра, мы были уже на ногахъ. Погода была ужасная. Шло что-то въ родѣ ледяного дождя. Въ назначенный часъ войска поднялись съ своихъ биваковъ и, соблюдая тишину, двинулись по размоченной землѣ къ опредѣленнымъ имъ пунктамъ. Всѣ мы были серьезны и озабочены. Многіе изъ насъ не могли удержаться, чтобы не вспомнить очень извѣстные въ Россіи стихи изъ Севастопольской поэзіи: „*Какъ восьмого сентября насъ нелегкая несла горы занимать*“.

Безыскусственный и прекрасный своей величайшей простотой разсказъ русскаго автора дѣлаетъ—для этой части моего труда—очень легкой мою критическую работу, доставляя мнѣ подробности, быть можетъ, и извѣстныя мнѣ отча-

сти, но нуждавшіяся въ подтвержденіи, что и сдѣлано столь пріятнымъ образомъ.

Предыдущія строки ясно показываютъ намъ, что русское начальство желало, во что бы то ни стало, *раздавить* Западную турецкую армію. Атака, назначенная на 18 (30) іюля, не была отложена на другой, менѣе сырой день, и въ этомъ русское начальство было вполнѣ право; да, надо было раздавить турецкую армію, но нужно ли было до такой степени спѣшить дѣйствіями, не попытавшись маневрировать прежде чѣмъ атаковать, не подумавъ тогда и о томъ—чѣмъ будетъ это сраженіе, въ которомъ приметъ участіе такой генералъ, какъ князь Шаховской?—Я не хочу сказать этимъ, чтобы князь не исполнилъ своей обязанности, что, конечно, имъ сдѣлано: но есть огромная разница между человѣкомъ исполняющимъ свой долгъ съ радостью въ сердцѣ и человѣкомъ дѣйствующимъ просто для успокоенія своей совѣсти. И если заберемся въ человѣческое сердце поглубже, то увидимъ, что человѣкъ оскорбленный постарается—въ силу человѣческой слабости—отдѣлить свои усилія отъ усилій того, кто былъ причиною оскорбленія. Онъ пожелаетъ остаться, болѣе или менѣе, въ сторонѣ, и тогда... *прощай, тактическое и стратегическое согласіе!*

„Дорогою,—разсказываетъ полковникъ Вонлярлярскій,—баронъ Криденеръ получилъ отъ генерала Скобелева донесеніе, въ которомъ извѣщалось, что, по разспросамъ взятыхъ во время развѣдки плѣнныхъ, въ Плевнѣ находилось, кромѣ баши-бузуковъ, 45,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ и тридцать орудій; въ Ловчѣ же—6 таборовъ [1]) (полковъ) и 6 орудій“.

...Шесть баталіоновъ и шесть орудій въ Ловчѣ! Ну для

[1]) Полковнику плохо перевели слово «таборъ», которое означаетъ не полкъ, а баталіонъ; кромѣ того, и самое слово произносится не таборъ, а «табуръ» (*Примѣчаніе автора*).

чего,—скажите, Бога ради,—поставили мы эту бригаду въ Ловчу? Какой поддержки могъ ожидать отъ нея Османъ-паша, и безъ того имѣвшій такъ мало силъ?!—Не для того ли, чтобы обезпечить себѣ отступленіе въ случаѣ неудачи? Но можно ли вообразить себѣ крошечную Плевнинскую армію отступающею фланговымъ маршемъ вправо? И притомъ никогда не слѣдуетъ терять своей свободы дѣйствій въ кучѣ второстепенныхъ подробностей; прежде надо думать о побѣдѣ, а потомъ уже о возможности быть разбитымъ. А для того, чтобы побѣдить, надо имѣть какъ можно болѣе силъ тамъ, гдѣ должна разыграться великая драма. Оставить бригаду въ Ловчѣ—значитъ предположить, что Османъ-паша покинетъ свой естественный путь отступленія (дорога Софія—Орханіэ—Плевна) и допустить, что Османъ-паша смогъ бы уйти отъ русской арміи. Нѣтъ! оставлена была эта бригада въ Ловчѣ подъ вліяніемъ *духа разбрасыванія силъ*.

Вернемся къ захватывающему разсказу полковника Вонлярлярскаго. „Въ 8 ч. 45 м. генералъ Вельяминовъ донесъ, что принужденъ былъ построиться въ боевой порядокъ впереди Гривицы и что турки тотчасъ же открыли огонь. Генералъ выставилъ въ боевую часть Козловскій и Тамбовскій полки, оставивъ Пензенскій полкъ въ резервѣ.

„Въ эту минуту генералъ Шнитниковъ пригласилъ меня сопровождать его на позицію генерала Вельяминова. Это предложеніе тѣмъ сильнѣе меня обрадовало, что я сгоралъ желаніемъ ближе и подробнѣе слѣдить за ходомъ сраженія.

„Когда мы подъѣхали къ нашимъ батареямъ, стоявшимъ на позиціи къ сѣверу отъ Плевнинскаго шоссе, генералъ Шнитниковъ замѣтилъ начальнику артиллеріи, что выставлено слишкомъ мало орудій. Въ эту минуту мы находились на довольно высокомъ холмѣ, склоны котораго нѣсколько круто спускались къ деревнѣ Гривицѣ. Влѣво, къ Радишеву, ясно можно было видѣть, на разстояніи немного болѣе 8 верстъ,

движеніе нашихъ войскъ. Прямо передъ нами и непосредственно за деревней Гривицей тянулась цѣпь возвышенностей, совершенно скрывавшихъ отъ насъ Плевну. Вправо, горизонтъ былъ ограниченъ чрезвычайно вѣтвистыми и густо насаженными фруктовыми деревьями. Артиллерійскій бой удвоилъ свою силу.

„Почти около этого же времени на нашемъ правомъ флангѣ показался отрядъ турецкой кавалеріи, почти тотчасъ же отступившій послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Немного погодя, къ намъ присоединился баронъ Криденеръ.

„Наконецъ, въ 10 ч. 40 м., мы услыхали первый пушечный выстрѣлъ въ отрядѣ князя Шаховского. До сихъ поръ мы тѣмъ болѣе удивлялись, не слыша пушечныхъ выстрѣловъ съ этой стороны, что, по диспозиціи, отрядъ князя Шаховского долженъ былъ выступить изъ Порадима въ 5 ч. утра и, слѣдовательно, вступить въ бой одновременно съ нами. Такъ какъ мы не получали отъ него никакихъ извѣстій, то намъ казалось, что этотъ выстрѣлъ знаменуетъ начало дѣла на нашемъ лѣвомъ флангѣ [1]). Мы предполагали, что отрядъ Шаховского былъ задержанъ на пути какимъ-либо препятствіемъ или какою-либо случайностью, задержавшей его развертываніе и открытіе огня.

„Между тѣмъ, къ намъ присоединился французскій военный агентъ, полковникъ Галльяръ. Посланный Великимъ Княземъ, онъ вручилъ барону Криденеру новое приказаніе, еще разъ подтверждавшее требованіе атаковать Плевну.

„Полковникъ Галльяръ, большой и искренній другъ Россіи, былъ глубоко преданъ Великому Князю, не разъ возлагавшему на него самыя деликатныя порученія.

---

[1]) Позднѣе меня увѣряли, что отрядъ князя Шаховского вступилъ въ бой гораздо раньше. Несомнѣнно однако, что раньше указаннаго мною момента мы не слыхали его пушечныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ, я точно записалъ время въ памятной книжкѣ, которая и теперь еще цѣла у меня" (*Примѣчаніе полковника Вонлярлярскаго*).

„Въ полдень показался направлявшійся къ намъ взводъ уланъ. Всѣ мы думали, что наконецъ-то получимъ извѣстія отъ князя Шаховского. Но эта надежда не замедлила исчезнуть. Взводу было поручено лишь разставить между двумя колоннами посты летучей почты.

„Между тѣмъ огонь въ колоннѣ Шаховского все усиливался и усиливался. Залпы и пальба не прекращались ни на секунду. Съ высоты нашего холма мы могли уже по однимъ только облакамъ дыма судить о движеніяхъ нашихъ и турецкихъ войскъ, о тѣхъ успѣхахъ, которые, по временамъ дѣлали наши, и о пространствѣ, которое они должны были уступить послѣ захвата его.

„Въ 1 ч. пополудни турки возобновили атаки на наше правое крыло и заставили нашихъ драгунъ отойти назадъ. Но вступленіе Козловскаго полка въ боевую часть заставило противника сначала остановиться, а потомъ и отступить. Бой въ сторонѣ князя Шаховского разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Его стрѣлковыя цѣпи тѣснили непріятеля, и фронтъ боевого порядка князя казался въ эту минуту перпендикулярнымъ къ нашимъ линіямъ. Хотя мы и находились отъ него въ 8—9 верстахъ, но могли составить себѣ ясный отчетъ о томъ важномъ оборотѣ, какой принимало здѣсь дѣло... И тѣмъ не менѣе мы продолжали оставаться безъ извѣстій.

„Наконецъ, въ 2 /2 часа, баронъ Криденеръ, потерявъ всякое терпѣніе, послалъ къ князю Шаховскому своего адъютанта, чтобы въ точности узнать, что тамъ дѣлается, и въ то же время приказалъ общему резерву стать въ лощинѣ, расположенной лѣвѣе дер. Гривицы“.

. . . .

Полковникъ Вонлярлярскій, не желающій „пререкаться“ съ критиками, обходитъ молчаніемъ главную причину не-

успѣха этого ужаснаго дня; но мы, которые, напротивъ, принадлежимъ къ числу критикующихъ,—не должны ли мы отыскать эту причину и не найдемъ ли ее въ тѣхъ треніяхъ, которыя вызвали поведеніе князя Шаховского?

Опять предоставляю слово интересному полковнику Вонлярлярскому:... „Передъ нами находилось укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ Гривицкаго редута, осыпавшаго насъ снарядами, на которые мы не могли отвѣчать какъ слѣдуетъ. Это укрѣпленіе считалось ключомъ позиціи и на него-то сосредоточила свой огонь почти вся наша артиллерія. Позднѣе я узналъ, что за это очень упрекали барона Криденера. Я тѣмъ менѣе намѣренъ пререкаться съ военными критиками, что ограничиваюсь лишь записываніемъ фактовъ, которыхъ я былъ очевидцемъ. Тѣмъ не менѣе, считаю своимъ долгомъ напомнить, что баронъ Криденеръ былъ не единственный, считавшій, что Гривица являлась ключомъ позиціи. Всѣ окружавшіе его раздѣляли этотъ взглядъ съ нимъ. Всѣ считали, что невозможно взять Плевны, не захвативъ этого редута [1]). Рекогносцировки, сдѣланныя до 18 (30) іюля, доставили намъ такъ мало свѣдѣній о позиціи непріятеля, что, глядя издали на эту высоту, мы легко могли счесть ее вполнѣ командующей надъ Плевной".

...Конечно, я не причисляю себя къ тѣмъ, которые упрекали барона Криденера въ томъ, что онъ считалъ Гривицу ключомъ позиціи.

Гривица передъ Плевною то же, что Маренго передъ Александріей, и *какъ только рѣшено было взять Плевну, слѣдовало предварительно захватить Гривицу.*

---

[1]) „Когда мы овладѣли 30 августа этимъ редутомъ, то могли убѣдиться, что за нимъ расположена другая высота, прикрывавшая Плевну; на этой высотѣ турки воздвигли другой редутъ, которому впослѣдствіи дали названіе второго редута. Это укрѣпленіе существовало уже и 18 іюля, но о существованіи его мы не знали" (*Примѣчаніе полковника Вонлярлярскаго*).

Попросимъ полковника Вонлярлярскаго продолжать свой захватывающій разсказъ о сраженіи:

„Я былъ возлѣ барона Криденера, который обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „по всему, что я вижу, Гривицкій редутъ—ключъ непріятельской позиціи. Надо съ нимъ покончить; но я сильно сомнѣваюсь, чтобы мы могли сегодня же достигнуть до Плевны. Наша артиллерія до сихъ поръ не могла заставить замолчать ни одной турецкой пушки. Поэтому, несмотря на приказаніе Великаго Князя, я не дамъ сегодня приказанія для атаки Плевны, а ограничусь только обстрѣливаніемъ ея“.

„Тотчасъ же за тѣмъ, мы съ генераломъ подъѣхали къ Архангелогородскому полку, находившемуся въ резервѣ. Здѣсь еще разъ я могъ убѣдиться въ мѣткости стрѣльбы турокъ и силѣ дѣйствія ихъ гранатъ. Мы спѣшились и расположились группой близъ фруктовыхъ деревьевъ. Вдругъ, приблизительно въ 400 метрахъ отъ насъ, турецкая граната перебила пополамъ одно изъ этихъ деревьевъ, и тотъ же самый снарядъ, несмотря на то, что потерялъ добрую часть своей силы, продолжалъ свой воздушный путь, рикошетируя о землю и жужжа какъ волчокъ. Пролетѣвъ очень близко мимо насъ, эта граната, ударомъ въ голову, наповалъ убила лошадь штабъ-горниста. Это былъ Крупповскій дальнобойный, но малаго калибра снарядъ.

„Наконецъ, въ 3 часа, было получено первое донесеніе отъ князя Шаховского. Князь доносилъ, что онъ занялъ высоты впереди Радишева, что всѣ войска его вступили въ бой и что онъ проситъ о немедленной присылкѣ подкрѣпленій. Въ то же время генералъ Скобелевъ извѣстилъ, что имъ замѣчены большія массы турецкой пѣхоты, двигающіяся по Софійской дорогѣ, проходящей между Плевной и Гривицей, и что цѣпи турецкихъ стрѣлковъ, повидимому, сдаютъ подъ усиліями и атаками отряда князя Шаховского.

„Въ нашемъ общемъ резервѣ было два полка. Одинъ изъ нихъ, Коломенскій, получилъ немедленно приказаніе идти на усиленіе князя Шаховского. Въ то же время стрѣлковая цѣпь Тамбовскаго полка, прикрывавшая нашу артиллерію, перешла Гривицкую лощину. Въ 1 ч. пополудни она увѣнчала гребни холмовъ и оттуда направила чрезвычайно частый и дѣйствительный огонь по редуту и расположеннымъ впереди его траншеямъ. Турки отвѣчали ей безпрерывнымъ бѣглымъ огнемъ. Почти въ ту же минуту мы очень ясно увидѣли движеніе свѣжихъ войскъ, направленныхъ турками противъ Шаховского. Наши стрѣлки начали отступать. Намъ показалось, и, къ несчастью, это была правда, что сраженіе на лѣвомъ флангѣ было проиграно.

„На барона Криденера было тяжело смотрѣть въ этотъ критическій моментъ. Ему приходилось остановиться на одномъ изъ двухъ, одинаково важныхъ, рѣшеній: двинуться на помощь князю Шаховскому, оставивъ въ своемъ тылу Гривицкій редутъ, или же сначала атаковать редутъ, взять его и потомъ соединиться съ княземъ. Легко было видѣть, какъ сильно страдалъ баронъ, не зная, на какомъ изъ этихъ рѣшеній остановиться. Наконецъ, въ 3 ч. 50 м., обратясь къ бывшимъ подъ рукою войскамъ, онъ воскликнулъ: „Ну, ребята! съ Богомъ! Возьмите поскорѣй этотъ редутъ—и сегодня вечеромъ мы поужинаемъ въ Плевнѣ“.

„Жребій былъ брошенъ! Тамбовскій полкъ—лѣвѣе, Козловскій и Пензенскій полки правѣе,—двинулись впередъ; Галицкій полкъ остался въ резервѣ за Тамбовскимъ полкомъ, а бригада генералъ-лейтенанта Шильднеръ-Шульднера—за нашимъ правымъ флангомъ.

„Наши стрѣлковыя цѣпи быстро прошли кукурузное поле; но едва они вышли на открытую мѣстность, какъ были встрѣчены адскимъ огнемъ. Редутъ, подобно громадному освѣщенному транспаранту, трещалъ и сверкалъ со всѣхъ

сторонъ огнемъ и грохотомъ трехъяруснаго пѣхотнаго огня. Никогда въ жизни не слыхалъ я подобной ружейной пальбы и ея страшная трескотня до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ. Несмотря на это, геройскіе солдаты наши, съ криками ура! бросились впередъ, но, понеся огромныя потери, принуждены были отступить. Собравшись и устроившись, они тотчасъ же возобновили атаку, имѣвшую не болѣе успѣха, чѣмъ первая. Четыре раза бросались впередъ, съ криками ура! наши войска—и ни разу не могли перейти этого проклятаго плато, этого поля смерти, на которомъ напрасно было бы искать хоть малѣйшаго закрытія, пользуясь которымъ наши храбрые солдаты могли бы остановиться, хоть на секунду, и передохнуть. Съ вершины холма, который буквально вспахивали турецкія гранаты, мы ясно видѣли, какъ развертывались передъ нами эти грандіозныя и страшныя картины.

„Въ 5 часовъ, т. е. черезъ часъ послѣ начала кровавой атаки Гривицкаго редута, баронъ Криденеръ позвалъ меня и сказалъ: „Отыщите генерала Шильднеръ-Шульднера и передайте ему приказаніе поддержать Пензенскій полкъ Архангелогородскимъ“. 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи должна была находиться еще въ резервѣ; я направился къ батареямъ нашего праваго фланга, въ надеждѣ встрѣтить здѣсь генерала Шильднеръ-Шульднера; но генерала здѣсь не было, и командующій батареями увѣдомилъ меня, что Архангелогородскій и Вологодскій полки уже двинуты впередъ для поддержки Пензенскаго полка...

„Не безъ труда, наконецъ, я замѣтилъ голубой значокъ начальника дивизіи и поскакалъ къ нему... [1]).

---

[1]) Товарищи мои, не помнящіе всѣхъ подробностей войны 1877 года, утверждали, что русскіе генералы не имѣли значковъ... Я радъ, устами русскаго офицера, доказать имъ, что я былъ правъ, утверждая, что они не только имѣли значки, но что эти значки, принятые во всѣхъ арміяхъ, абсолютно

„Благодаря указанію раненаго барабанщика, я узналъ, что генералъ долженъ находиться немного лѣвѣе, въ одной изъ отбитыхъ у турокъ траншей. Взявъ саблю подъ мышку, я со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ этомъ направленіи и имѣлъ счастіе, спрыгнувъ въ траншею, найти въ ней генерала Шильднеръ-Шульднера. Онъ сидѣлъ тамъ рядомъ съ начальникомъ штаба 5-й пѣхотной дивизіи, полковникомъ Поповымъ, и крупныя слезы текли по лицу этого превосходнаго человѣка. Сегодня онъ показался мнѣ еще блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно. Генералъ не могъ утѣшиться въ разгромѣ, въ уничтоженіи геройской бригады, которую любилъ и лелѣялъ какъ отецъ.

— „Доложите барону, сказалъ онъ мнѣ,—что изъ всей моей бригады осталось едва пять ротъ. Потери наши колоссальны; мы окончательно сломлены, приведены въ безпорядокъ и абсолютно не въ состояніи овладѣть этимъ редутомъ.

— „Не долженъ ли я, ваше превосходительство, попросить о присылкѣ вамъ подкрѣпленій?

—„Разумѣется, отвѣтилъ генералъ;—если вамъ посчастливится добраться до барона, то попросите его поддержать меня, чтобы я могъ собрать хоть остатки моей бригады. Что же касается до новой атаки,—то о ней и думать нечего.

. . . .

„Мой докладъ произвелъ на барона Криденера глубокое впечатлѣніе.

— „Возьмите, сказалъ онъ мнѣ,—баталіонъ Серпуховского полка и отведите его къ генералу Шильднеръ-Шульднеру“.

„Въ 7 ч. вечера, исполнивъ свое порученіе, я вернулся назадъ. Огонь не прекратился, не замедлился ни на одну

необходимы; необходимость ихъ подробно разобрана мною въ рапортѣ о реформахъ въ нашей арміи, который я имѣлъ честь представить императорскому правительству (*Примѣчаніе автора*).

минуту ни на нашей сторонѣ, ни у князя Шаховского. Видно было, что войска князя начали отходить. Очевидно, сраженіе было проиграно.

„Милый другъ, обратился, между прочимъ, ко мнѣ полковникъ Галльяръ, — вотъ минута, когда у насъ главнокомандующій подъѣхалъ бы къ своей кавалеріи и сказалъ бы ей: „атакуйте или насъ.... („Chargez! ou nous sommes f...us!“). Вотъ какъ мы потеряли въ 1870 г. свою храбрую конницу“.

„Полковникъ Галльяръ былъ кавалеристъ и тѣломъ и душой, страстно любилъ свой родъ оружія и въ бесѣдѣ часто возвращался къ тому печальному употребленію, которое французы сдѣлали изъ своей кавалеріи въ войну съ Пруссіей. И, дѣйствительно, полковникъ Галльяръ обратился ко мнѣ съ вышеприведенными словами въ тотъ моментъ, когда слѣдовало пустить въ дѣло не нашу, а турецкую конницу противъ насъ. Надо думать, что у Османа-паши ея не имѣлось, потому что достаточно было только появленія непріятельской конницы, чтобы сильно скомпрометировать наше отступленіе.

„Наступила ночь. Изъ резерва взяли послѣдніе два баталіона (Серпуховского полка) и приказали имъ окопаться у того мѣста, гдѣ находился баронъ Криденеръ. Подъ прикрытіемъ этихъ-то двухъ баталіоновъ мы должны были постараться собрать и устроить наши разбитыя и разстроенныя войска и отступить къ Турскому Трестенику...

„...Тьма была полная. Мы отступали. Каждый изъ насъ былъ озабоченъ и печаленъ. У всѣхъ на сердцѣ лежала огромная тяжесть; но не было ни безпорядка, ни замѣшательства...

„Орудія замолчали, но ружейная пальба не прекратилась. Отъ времени до времени слышались еще ура! на которыя отвѣчали „Алла! Алла!“ турокъ. Приказано было собрать начальниковъ частей; но если и легко было отпра-

виться на розыски ихъ, то гораздо труднѣе было ихъ отъискать. Въ эту темную ночь, среди густого мрака, приходилось сталкиваться съ группами людей [1]).

. . . .

„Въ 4 часа утра мы вступили въ Турскій Трестеникъ. Повсюду царствовалъ полнѣйшій порядокъ. Я не замедлилъ отыскать палатку командира корпуса и, приказавъ денщику осѣдлать моего бураго коня, вошелъ въ палатку барона Криденера, чтобы тамъ умыться.

„Едва я началъ свои омовенія, какъ услышалъ странный шумъ. Въ то же время, вслѣдъ за мною, въ палатку проскользнулъ докторъ К...: „капитанъ, сказалъ онъ мнѣ, вы принадлежите къ главной квартирѣ? Дайте мнѣ казаковъ, чтобы защищаться отъ турокъ".

„—О какихъ туркахъ вы говорите?—отвѣчалъ я;—вчера потерпѣли неудачу подъ Плевной, но не разбиты. Я только что прибылъ съ позицій, приведенныхъ нами въ оборонительное состояніе, и такъ какъ турки насъ не преслѣдовали, то и быть здѣсь не могутъ".

„Въ эту минуту въ палатку вбѣжалъ мой знакомый, адъютантъ управленія артиллеріи корпуса, штабсъ-капитанъ Ш...—„Докторъ, вскричалъ онъ,—какого чорта вы перепугали всѣхъ на перевязочномъ пунктѣ и довели до паники? Гдѣ вы видѣли турокъ, чортъ побери?"

„Но шумъ все усиливался и усиливался; слышались уже крики: „Отступай! Спасайся, кто можетъ!" Капитанъ Ш... и я выскочили изъ палатки. Намъ представилась ужасная картина. Весь этотъ муравейникъ волновался и кипѣлъ. Транспортъ пустыхъ подводъ, предводимый какимъ-то интендантскимъ чиновникомъ, уже выбрался на дорогу и улепетывалъ во всю мочь. Не теряя ни минуты, мы вскочили на

[1]) См. статью автора въ *Revue de Cavalerie*, іюль, 1899 г.: „Прикладныя идеи.—Ночные сигнальщики" („Idée appliquées.—Signaleurs de nuit").

коней, погнались за храбрымъ чиновникомъ, догнали его и только съ помощью энергическихъ угрозъ заставили остановиться. Бѣдняга до такой степени растерялся, что, не переставая, кричалъ, вылупивъ глаза: „приказано отступать“.

„За это время безпорядокъ успѣлъ увеличиться. Раненые, не ожидая перевязки, выскальзывали изъ повозокъ; болгары выпрягали воловъ — и всѣ, солдаты, люди, животныя, толкались, стараясь скорѣй убѣжать. Положеніе было самое критическое. Начальники исчезли; по крайней мѣрѣ ни я, ни Ш... не замѣтили ни одного изъ нихъ. Несмотря на щедрость, съ которою мы раздавали удары плети, намъ удалось остановить лишь немного людей. Правда, мы узнали такимъ образомъ, что какой-то генералъ приказалъ отступать всѣмъ. Паника была такъ велика и приняла такіе размѣры, что, какъ мнѣ разсказывали потомъ, распространилась до Систова. Сохрани васъ Господи отъ подобнаго ужаснаго зрѣлища!“

. . . .

Здѣсь, къ моему величайшему сожалѣнію, кончается великолѣпный отчетъ полковника Вонлярлярскаго о первыхъ сраженіяхъ подъ Плевной. Я не хотѣлъ бы что-либо прибавлять къ нему, но, увы! развѣ послѣднія строки этого разсказа не даютъ намъ новаго случая заплакать горькими слезами при мысли о томъ, что отъ насъ ускользнуло?

„...Паника была такъ велика и приняла такіе размѣры.... что распространилась до Систова“... Паника распространилась до Систова... А мы не преслѣдовали, *потому что не имѣли кавалеріи!*

Да развѣ лошади преслѣдуютъ, а не войска?

Лошади даютъ быстроту и продолжительность движенія, вотъ и все. Но, отъ Плевны до Систова, намъ предстояло сдѣлать всего нѣсколько километровъ. И затѣмъ развѣ приходилось преслѣдовать конницу? Нѣтъ, но охваченную ужа-

сомъ пѣхоту; слѣдовательно, побѣдоносная пѣхота могла преслѣдовать на столь малое разстояніе, тѣмъ болѣе, что ея артиллерія, во время этого преслѣдованія, произвела бы болѣе дѣйствія, чѣмъ, надо въ этомъ сознаться, наши кавалерійскія сабли.

Второе изъ плевнинскихъ сраженій было однимъ изъ самыхъ кровавыхъ. Побѣда наша стояла выше всякихъ похвалъ, а наши геройскіе солдаты оказали чудесное сопротивленіе своимъ не менѣе геройскимъ противникамъ. Русскіе, разбитые въ этотъ день, отступали въ большемъ безпорядкѣ, чѣмъ въ прошлый разъ.

Я часто разговаривалъ объ этихъ сраженіяхъ съ плевнинскими героями для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о причинѣ, по которой не преслѣдовали разбитаго непріятеля; и причина была все одна и та же—недостатокъ кавалеріи.

Родъ оружія, къ которому я имѣю честь принадлежать и который люблю болѣе всего, дѣйствительно наиболѣе годенъ для преслѣдованія, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что, не имѣя, по той или другой причинѣ, его подъ рукой, не должно преслѣдовать разбитаго противника до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнутъ не тактическій результатъ, уже полученный на полѣ сраженія, но результатъ стратегическій, *который достигается только уничтоженіемъ всего принимавшаго участіе въ стрѣльбѣ?* Кажется, что на военномъ языкѣ не существуетъ такого слова, выраженія, которое могло бы точно опредѣлить суть этой стратегической идеи, въ которой однако заключается главная часть всякой методической побѣды.

Стратегія, приведя къ полю сраженія, уступаетъ мѣсто тактикѣ во время боя, *но не перестаетъ вліять на слѣдующее за нимъ, т. е. на финалъ. Стратегическій финалъ* достигается преслѣдованіемъ. Прямое или непрямое,

на большое или на малое разстояніе, но оно довершаетъ побѣду. Чѣмъ меньше разстояніе и чѣмъ долѣе преслѣдованіе ведется въ тактическомъ порядкѣ, тѣмъ легче достигается *финалъ*, что не отнимаетъ, однако, его стратегическаго характера.

Это и есть, какъ разъ, плевнинскій случай.

Османъ-паша долженъ былъ слѣдить за непріятелемъ хоть нѣсколькими кавалеристами, чтобы знать *направленіе его отступленія* и немедленно двинуться въ путь для полученія *стратегическаго финала*, т. е. *идти для уничтоженія* разбитой арміи, поставивъ ее, если не навсегда, то надолго, въ невозможность вернуться назадъ.

Войти въ соприкосновеніе съ противникомъ до боя не такъ легко; для этого требуется наличность кавалеріи, пропорціональная операціонной арміи; но для соприкосновенія послѣ сраженія, въ особенности когда непріятельскій маршъ совершается лишь по одному направленію, достаточно двухъ-трехъ хорошихъ офицеровъ съ нѣсколькими доброконными всадниками. Въ занимающемъ насъ случаѣ кавалерія могла быть замѣнена воображеніемъ. Преслѣдовать противника и опредѣлить съ математическою точностью, что онъ отступалъ на Систово,—для этого нужно было только поразмыслить, а затѣмъ — идти. Очевидно, что если бы имѣлась многочисленная кавалерія, то было бы безконечно лучше, но это еще не резонъ, чтобы не закончить сраженія, преслѣдуя съ тѣмъ, что имѣешь.

Отъ Плевны до Систова не болѣе 50 — 60 километровъ. Ну, развѣ не долженъ былъ Османъ-паша идти туда? Развѣ не долженъ былъ онъ броситься впередъ, какъ громадная живая граната, снаряженная побѣдой? Послѣдовательные скачки со всѣми своими соединенными силами! Его артиллерія, столь превосходящая дальнобойностью непріятельскую,

все ломила бы передъ собой. А вмѣсто недостающей конницы — броненосная флотилія (см. схему 6).

Могъ ли онъ бояться возвращенія къ наступательнымъ дѣйствіямъ со стороны противника, который, по признанію самихъ русскихъ офицеровъ, былъ жертвою паники?

Конечно, нѣтъ!

И какого чуднаго результата достигъ бы онъ: сломали бы мостъ, и все, что осталось на нашемъ берегу, было бы взято въ плѣнъ... и несмотря на огромные рессурсы великой имперіи — кто знаетъ, что произошло бы! Во всякомъ случаѣ война приняла бы менѣе тяжелый оборотъ для насъ.

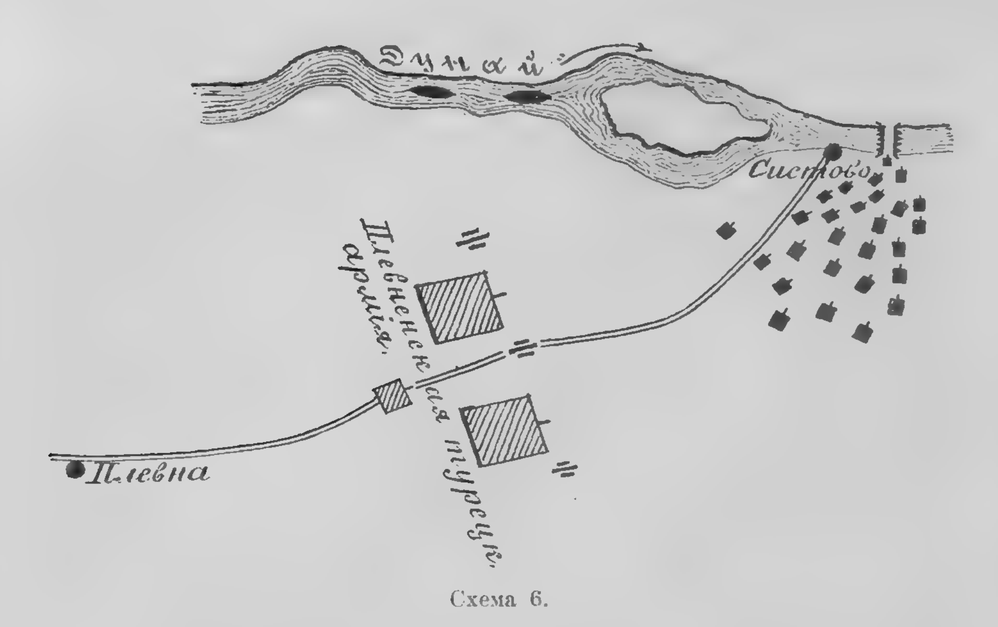

Схема 6.

Передъ тѣмъ какъ вернуться на свой постъ, къ маршалу Мехмеду-Али, въ Восточную армію, скажемъ, что, послѣ второго сраженія, разъ пренебрегли преслѣдованіемъ, абсолютно необходимо было отступить, и отступить какъ можно скорѣе; нельзя было и сомнѣваться въ томъ, что русскіе вернутся для новаго удара, разъ имъ дадутъ для

этого всѣ средства. Уже вслѣдствіе своего второго успѣха, Османъ-паша долженъ былъ перемѣнить свою позицію. Надѣюсь, что на меня не будутъ очень въ претензіи за мое новое отступленіе. Оно очень важно, какъ упражненіе на картѣ (см. схему 7).

Да, мы утверждаемъ, что Османъ-паша долженъ былъ перемѣнить свою позицію; но было еще кое-что получше, что онъ могъ бы сдѣлать, разъ онъ не хотѣлъ преслѣдо-

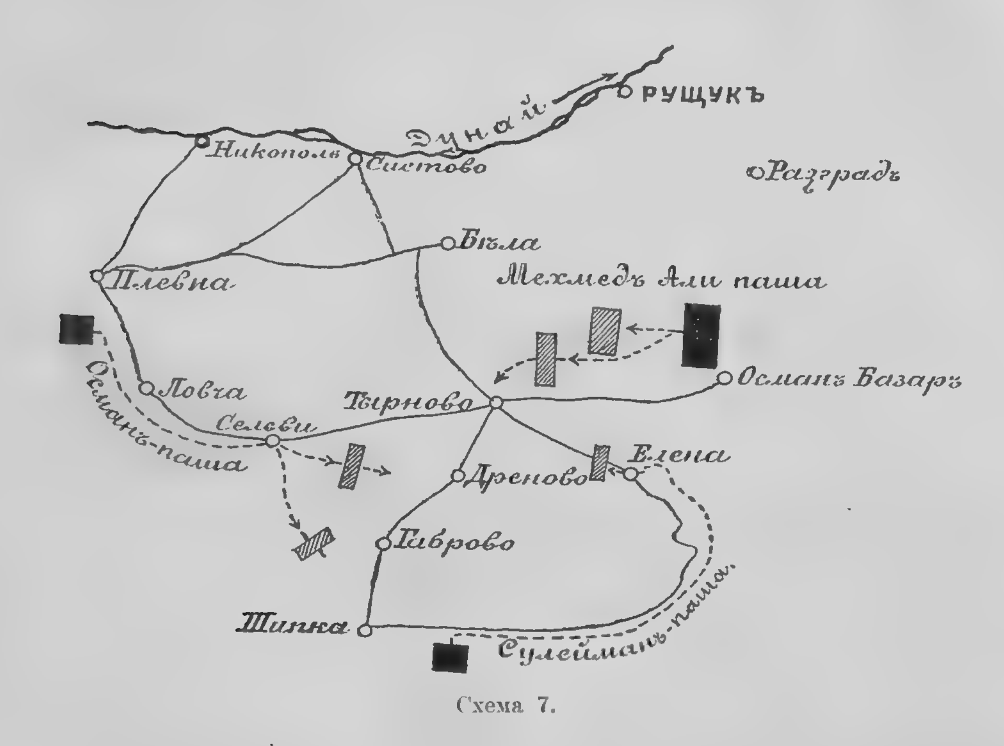

Схема 7.

вать своего противника: это—немедленно идти черезъ Ловчу на Сельви и, прибывъ въ Сельви, атаковать съ фланга центральную русскую армію, на линіи Тырново—Дреново—Габрово. Этотъ маневръ, комбинированный съ соотвѣтственнымъ маневромъ Сулеймана, въ которомъ очень легко могла принять участіе армія Мехмеда-Али, дебушируя изъ Османъ-

базара... повлекъ бы... повлекъ бы за собою полное уничтоженіе русской арміи!

Во всей Болгаріи остались бы только слабыя дивизіи Наслѣдника, которыя, разумѣется, ничего бы не могли сдѣлать въ подобный моментъ. Кампанія была бы выиграна! Россія, съ ея громадными средствами, раздавила бы насъ потомъ числомъ—это и возможно, и даже вѣроятно; но на этотъ-то разъ побѣдили бы мы!

Не останавливаясь на этихъ летучихъ и призрачныхъ мечтахъ, скажемъ одно, что, несмотря ни на что, все должно было окончиться скверно, потому что ни одна изъ трехъ армій *не хотѣла маневрировать съ цѣлью установить единство дѣйствій*.

ГЛАВА VIII.

Бои на Ломѣ.

Боевая жизнь складывается изъ событій двухъ родовъ: одни изъ нихъ можно предвидѣть и разсчитать почти съ математической точностью, другія же зависятъ исключительно отъ случая. Первыя изъ нихъ регулируются знаніемъ, опытностью и искусствомъ военачальниковъ, вторыя же возникаютъ отъ тѣхъ необъяснимыхъ причинъ, которыя называются счастьемъ.

Съ начала и до конца этой войны, несмотря на неблагопріятныя вѣроятности, мы имѣли въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ полосы счастья, необыкновеннаго везенія; но, къ сожалѣнію, выигрышъ постоянно падалъ на красную, а мы понтировали все время на черную.

Въ военныхъ комбинаціяхъ, гдѣ все зависитъ отъ *искусныхъ и быстро выполненныхъ рѣшеній*, надо помогать счастью, *умѣя своевременно имъ пользоваться: удивлять*

противника смѣлостью и неожиданностью движеній; тревожить его и не давать ему ни отдыха, ни срока; знать, что онъ дѣлаетъ и чего не хочетъ дѣлать; дѣлать то, чего онъ не желаетъ, чтобъ дѣлалось—и особенно—угрожать ему въ тотъ самый моментъ, когда онъ потерпѣлъ неудачу на какомъ-нибудь пунктѣ стратегической шахматницы и потерялъ равновѣсіе духа.

Въ особенности съ точки зрѣнія послѣдняго изъ этихъ разсужденій и слѣдуетъ разбирать дѣйствія обѣихъ армій—Южной и Восточной! Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ боями у Плевны, Южная армія иммобилизировалась на Шипкѣ, а Восточная упражнялась въ своихъ знаменитыхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ мы уже говорили, но къ которымъ придется на время вернуться опять, чтобы лучше познакомить съ ними читателя.

Когда главнокомандующій отдалъ себѣ полный—и увы! слишкомъ поздній — отчетъ въ важности двухъ блестящихъ побѣдъ подъ Плевной, тогда онъ рѣшилъ атаковать русскихъ. Съ этою цѣлью приказано было передвинуть войска впередъ на линію Рущукъ—Османъ-базаръ.

Бригады, направленныя изъ Шумлы для занятія своего мѣста на этой несуразной *линіи наступленія*, встрѣтили у Джумы русскій отрядъ, который переправился черезъ Ломъ и занялъ позицію на высотахъ, защищавшихъ дебуше къ Османъ-базару и Тырнову. Этотъ отрядъ былъ однимъ изъ тѣхъ „буферовъ“, о которыхъ мы уже упоминали выше. Непріятель ожидалъ слѣдовательно, что его атакуютъ въ окрестностяхъ Тырнова всѣми силами, и если бы мы атаковали дѣйствительно, то обезпечили бы себѣ соединеніе съ Сулейманомъ и поставили бы въ тяжелое положеніе 20,000 ч. Радецкаго. Но когда русскій отрядъ, видя съ возвышенностей Лома наше развертываніе вправо, понялъ, что мы не

собираемся наступать къ Балканамъ, то. послѣ боя съ нашимъ авангардомъ, немедленно отступилъ.

Посланный, наканунѣ того какъ наша знаменитая линія перешла въ наступленіе, парламентеромъ для переговоровъ о статьяхъ Женевской конвенціи[1]), я могъ составить себѣ довольно точное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело это наступленіе на умы русскихъ офицеровъ. Выѣхавъ съ аванпостовъ противника въ самый разгаръ боя при Аясларѣ, я былъ направленъ въ главную квартиру Е. И. В. Великаго Князя Николая и, возвратясь на тѣ же аванпосты, узналъ, что наши сильно атаковали... на линіи, имѣвшей такое чрезмѣрное протяженіе, что командующіе непріятельскими арміями, сначала пренепріятно удивленные и полагавшіе, что *армія Мехмедъ-Али, сосредоточившись, начинаетъ серьезное и правильное наступленіе,* скоро успокоились, убѣдясь въ громадной растянутости нашихъ силъ съ сѣвера на югъ...

Тѣмъ не менѣе были очень серьезныя столкновенія, особенно при Кацелево и Карагассанларѣ, при чемъ русскіе хотѣли, во что бы то ни стало, загипнотизировать насъ на Ломѣ.

Тактически, непріятель былъ побитъ по всей линіи, но отступилъ всего на нѣсколько метровъ.

Судя по всему, что я видѣлъ и слышалъ у нашихъ любезныхъ противниковъ, немощное наступленіе моего начальника не произвело никакого впечатлѣнія; зато каждый разъ, какъ произносилось слово „Плевна", всѣ глаза загорались и бесѣда прерывалась молчаніемъ, еще болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ слова!

О нашихъ храбрыхъ западныхъ войскахъ и о начальникахъ ихъ среди русской арміи ходили всевозможныя ле-

[1]) Въ *Revue de Paris* отъ 1 іюня 1899 г. помѣщенъ отчетъ объ этомъ порученіи.

генды. Совсѣмъ юные офицеры спрашивали меня—правда ли, что наши плевнинскіе солдаты были африканскими людоѣдами, суданскими неграми, чудовищами, демонами, которыми командовали выдающіеся европейскіе офицеры, даже самъ Базенъ, считавшійся завербовавшимся на нашу службу,—спрашивается—зачѣмъ? Всѣ эти фантастическіе разсказы были однако признаками весьма важнаго состоянія, которое я бы назвалъ: *невралгіей противника.*

Умы были до такой степени возбуждены, а нервы натянуты, вслѣдствіе неожиданно встрѣченнаго сопротивленія подъ Плевной, что для нашей Восточной арміи было въ высшей степени благопріятно воспользоваться этимъ.

Знаменитые вожди русской арміи отлично знали, что въ Плевнѣ не было ни людоѣдовъ, ни демоновъ... Но на войнѣ падаютъ духомъ не высшіе и низшіе. Какъ бы ни было велико хладнокровіе вождей, въ ряды могутъ проникнуть зародыши смущенія и слухи, которыми солдаты заражаются, сами не сознавая этого; получается нервное настроеніе, съ которымъ приходится считаться.

Скажу между прочимъ, что обычай завязывать парламентеру глаза недостаточенъ; осторожнѣе бы было помѣшать ему болтать. Слѣдуетъ запрещать существу, поставленному въ эти условія, всякія сношенія съ младшими офицерами и, въ особенности, съ солдатами.

Я утверждаю, что образованный, интеллигентный, проницательный и особенно говорящій на языкѣ противника офицеръ можетъ гораздо болѣе вреда принести своимъ языкомъ и ушами, чѣмъ глазами, которые, въ сущности, видятъ только то, что встрѣчается на пути.

Если бы, однако, вмѣсто того, чтобы посылать совсѣмъ юнаго, незнающаго и неопытнаго человѣка, въ родѣ такого, какимъ былъ я, послали способнаго офицера, то могли бы воспользоваться имъ какъ *зондомъ* для того, чтобы узнать

духъ противника и чтобы, при помощи разныхъ болтуновъ, понизить его еще болѣе.

Тѣмъ не менѣе, изъ простого моего разсказа о томъ, что я слышалъ у русскихъ, нашъ командующій арміею могъ бы заключить, что время для наступленія *приспѣло*.

ГЛАВА IX.

Мехмедъ-Али и Сулейманъ.

При своемъ возвращеніи изъ главной русской квартиры я былъ крайне удивленъ, не найдя сердаря на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ я его оставилъ; огорченный неудачей своего наступленія, онъ уѣхалъ въ Разградъ и оттуда, по телеграфу, рыдалъ на груди Константинопольскаго стратегическаго комитета, недостаточно принуждавшаго къ повиновенію ему Сулеймана-пашу.

Мехмедъ-Али-паша былъ сердаремъ или главнокомандующимъ. Титулъ этотъ ему дали для объединенія командованія, но на самомъ дѣлѣ онъ пользовался властью только надъ Восточной арміей, и ни разу не сумѣлъ дать почувствовать своей власти истребителю шипкинскихъ львовъ.

Цѣлыя двѣ недѣли употребилъ новый сердарь на то, чтобы упрашивать Сулеймана согласовать его дѣйствія съ своими, а этотъ послѣдній, въ то же время, комбинировалъ великолѣпный планъ для того, чтобы завлечь въ очень искусно поставленную ловушку... не непріятеля, а самого главнокомандующаго. Жаль было глядѣть на этого бѣднаго маршала, проводившаго цѣлые дни и ночи, цѣлыя недѣли въ упрашиваніи своего коллеги, который и слышать не хотѣлъ ни о какой совмѣстной дѣятельности, ни о какомъ сотрудничествѣ...

Но, въ концѣ концовъ, чего же просилъ Мехмедъ-Али

отъ Сулеймана? Наступленія на Тырново. Было ли необходимо такъ настаивать на немъ? Не думаю, я считаю даже, что это движеніе могло быть выполнено и безъ содѣйствія Шипкинской арміи, которая, впрочемъ, поневолѣ прекратила бы тогда свою бойню, для того, чтобы подать намъ руку (см. схему 8).

Схема 8.

Говоря о военной дисциплинѣ, подразумѣваютъ, обыкновенно подчиненіе младшаго старшему въ іерархическомъ порядкѣ. Говорятъ также: дисциплина огня, походная дисциплина, маневренная дисциплина и т. д., и т. д.; но полнѣйшимъ молчаніемъ обходятъ дисциплину великихъ сихъ, дисциплину командованія.

А ее бы, намъ кажется, слѣдовало установить.

Базена, послѣ Меца, и Сулеймана, послѣ Шипки, судили и разжаловали; но развѣ это вернуло жизнь павшимъ на горахъ св. Николая и у Резонвиля?

Адмиралъ Сервера и испанцы были великолѣпны въ своемъ пораженіи!

. Но развѣ война, ведется для славныхъ пораженій? И развѣ военные совѣты или слава, начинающіеся послѣ того какъ все потеряно безвозвратно, достаточны для счастливой войны и для счастья народовъ? Не думаемъ...

Въ мирное время, большіе осенніе маневры и маневрированіе съ боевою стрѣльбою, заканчивая обученіе большихъ и малыхъ войсковыхъ частей, имѣютъ значеніе, котораго не станетъ отрицать никто; они безподобны съ точки зрѣнія закаливанія войскъ, установленія связи между родами оружія, воспитанія войскъ и кадровъ ихъ, но не думаемъ, чтобы они были достаточны для генераловъ и, особенно, для командующихъ арміями; ибо, съ точки зрѣнія на стратегическую инициативу военачальниковъ, большіе маневры не представляютъ достаточнаго подобія войны. Главнокомандующій, не принимавшій участія въ серьезной кампаніи, явится къ исполненію своего командованія съ неполнымъ багажемъ; средствомъ распознавать болѣе способныхъ къ командованію были бы болѣе продолжительные, болѣе импровизированные маневры, въ которыхъ принимали бы участіе многіе генералы, призванные изъ всѣхъ корпусовъ, со всѣхъ сторонъ.

Будущія сраженія увидятъ соединеніе многочисленныхъ армейскихъ корпусовъ на одномъ пунктѣ; это будетъ ужасно! Но только собравъ настоящую армію и заставивъ ею командовать, можно узнать, дѣйствительно ли генералы находятся на высотѣ своего призванія. Правда, это будетъ дорого стоить и омрачитъ политическій горизонтъ, но лучше издер-

жать для обезпеченія успѣха немного больше денегъ, чѣмъ, при меньшихъ тратахъ, не сдѣлать ничего серьезнаго.

ГЛАВА X.

Неудачи генералиссимуса.

Послѣ своего неудачнаго линейнаго наступленія, позволившаго ему выиграть нѣсколько метровъ территоріи, Мехмедъ-Али-паша утратилъ почти на всѣхъ пунктахъ своего громаднаго фронта соприкосновеніе съ противникомъ, который, бросивъ линію Лома, организовалъ свою удивительную охранительную службу на линіи, параллельной предыдущей.

Совсѣмъ обезкураженный, не знающій что предпринять и на что рѣшиться, сердарь, не припомню ужъ для какой цѣли, прибылъ въ Шумлу.

До какой степени слабы были рессурсы главнокомандующаго, показываетъ уже то, что, для объясненія своего плана въ Константинополѣ и для принужденія Сулеймана къ послушанію, онъ избралъ меня, совсѣмъ юнаго капитана.

Замѣтимъ, что все это происходило въ періодъ третьяго сраженія подъ Плевной, при чемъ мы теряли въ совѣщаніяхъ, крикахъ, спорахъ, жалобахъ лучшіе изъ случаевъ, на какіе только можно надѣяться на войнѣ. Ни эти часы, ни дни никогда болѣе не могли повториться для насъ.

Третье сраженіе подъ Плевной (продолжавшееся около 8 дней) оставило нашу Восточную армію такой же холодной и безучастной, какъ и раньше, о чемъ и будетъ разсказано въ главѣ, посвященной третьему сраженію.

Благодаря нашему преступному бездѣйствію, мы оставили Великому Князю Николаю полную свободу дѣйствій для того, чтобы окружить Османа-пашу всѣмъ, что только было возможно, и на этотъ разъ сжать его въ желѣзныхъ объятіяхъ.

Лучи надежды, блиставшіе для насъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, померкли навсегда.

По какому же методу дѣйствовали наши начальники? Ужъ конечно не по-Фридриховски, не по-Наполеоновски... Это была метода „семидесятаго“ года. Можно было вообразить себя на Саарѣ или на Мозелѣ. Повсюду—храбрость и неспособность! Весь методъ состоялъ въ томъ чтобы драться. Драться съ русскими! Война! Драться съ пруссаками! Отъ этого способа понимать и вести войну до войны какъ ее должно понимать—такая же разница, какъ между днемъ и ночью.

Мнѣ хочется думать, что многіе изъ насъ теперь могутъ лучше оцѣнить эту разницу; но тогда мы были слишкомъ близки къ франко-нѣмецкой войнѣ; говорятъ, что для того, чтобы исправить дурной примѣръ, надо тридцать лѣтъ. Теперь не повторятся прежнія ошибки. Конечно, будутъ сдѣланы новыя, но столь грубыя — никогда, разумѣется, въ арміяхъ, развитіе которыхъ идетъ впередъ. И между тѣмъ, когда подумаешь о переходѣ отъ Росбаха къ Іенѣ, отъ Іены къ Седану..., то всякій расчетъ исчезаетъ и начинаются мечты.

Очень долго, если не никогда, намъ не придется драться съ русскими, особенно въ прежнихъ мѣстахъ; но эти мѣста слѣдуетъ такъ изучать, какъ будто мы должны тамъ опять драться—все равно съ Петромъ или Павломъ; только, конечно, придется принять во вниманіе происшедшія съ тѣхъ поръ территоріальныя перемѣны.

Дунай и Балканы считались за непроходимыя препятствія, и до сихъ поръ то же думаютъ о томъ же Дунаѣ и нѣкоторыхъ горныхъ цѣпяхъ, близкихъ къ Балканамъ. Не лучше ли было бы вспомнить о кампаніи 1809 года и о томъ, что во всѣ періоды исторіи черезъ Дунай столько разъ переходили, даже подъ пушками противника.

Дунай!—Четырехугольникъ!—Балканы! Вотъ три клича, раздававшіеся съ самаго начала, три чудовища, которыя собирались противопоставить русской арміи... Но никто не думалъ о непріятельской арміи, о томъ, что она будетъ дѣлать, о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать для того, чтобы ее разбить; не думали ни о сосредоточеніи, ни о стратегическомъ развертываніи и воображали, что при оборонѣ нѣтъ стратегическаго развертыванія...

„Стратегическое развертываніе—говоритъ принцъ Гогенлоэ въ своихъ удивительныхъ „Письмахъ о стратегіи“— есть сосредоточеніе арміи, произведенное съ цѣлью напасть на непріятельскую армію на рѣшительномъ пунктѣ, съ шансами на успѣхъ, и въ то же время прикрыть свою базу отъ этого непріятеля. Итакъ, имѣются двѣ цѣли: одна наступательная, другая оборонительная; смотря по обстоятельствамъ, то та, то другая цѣль играетъ болѣе важную роль“.

Первоначальный планъ въ 1877 году какъ разъ противорѣчилъ всему цитированному нами: Абдулъ-Керимъ-паша понималъ оборонительное стратегическое развертываніе такъ, что расположилъ войска вдоль Дуная,—въ Гиршовѣ, Черневодѣ, Тассовѣ, Силистріи, Тотраканѣ, Рущукѣ, Никополѣ, Раховѣ, Виддинѣ... хотѣли прикрыть всю пограничную линію на протяженіи *шестисотъ километровъ!* Вторая оборонительная линія—Балканы—имѣла двѣсти пятьдесятъ километровъ длины.

Неправда ли, оригинальный способъ вести войну? Расположить всю армію въ видѣ одной аванпостной линіи... съ Шумлой и Разградомъ въ видѣ главныхъ карауловъ!

Идею нашего плана можно перевести такъ: никого не пропускать!

Попробуйте какъ-нибудь, дорогой читатель, разставить передъ птичьимъ дворомъ множество людей, на разстояніи одного метра другъ отъ другъ; выгоните за цѣпь курицу и

велите этимъ людямъ не пропускать ее обратно... Она все-таки пробьется въ свой курятникъ—и всѣ ваши люди не сдѣлаютъ ничего,—ничего!

То же было въ послѣднюю войну 1897 года; греки, у которыхъ насчитывалось не болѣе 75,000 человѣкъ войска, хотѣли прикрыть отъ нашего вторженія всю свою границу; вслѣдствіе этого они были слабы на всѣхъ пунктахъ. Они должны бы были не только сосредоточиться въ Ѳессаліи и не разбрасываться, но даже, въ цѣляхъ этого сосредоточенія, очистить Эпиръ.

Присоединивъ къ 35,000 или 40,000 человѣкъ, сражавшихся у Домокоса, 25,000 изъ Эпира и заставивъ Смоленскаго принять участіе въ этомъ сраженіи, вмѣсто того, чтобы безполезно торчать въ Велестино, греки серьезно скомпрометировали бы успѣхъ нашей арміи.

Мой прежній начальникъ Мехмедъ-Али-паша повторилъ всѣ ошибки начала кампаніи 1877 г.: онъ, самъ того не желая, а можетъ быть и не сознавая, такъ сказать, узаконилъ ихъ, потому что ни самъ онъ и никто другой не имѣлъ точнаго и установившагося понятія объ искусствѣ вести войну. Прибѣгали ко всему сложному.

Простота казалась слишкомъ простой—и ея не хотѣли, хотѣли чего-то необыкновеннаго, непостижимаго, неисполнимаго, злокозненнаго, но ученаго! Какъ Мольеровскій мѣщанинъ-дворянчикъ, никто не хотѣлъ сказать просто: „прелестная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляютъ меня умирать отъ любви“, но „отъ любви, прелестная маркиза, умирать меня заставляютъ ваши прекрасные глаза!“

Всѣ принялись за составленіе плановъ, не зная точно ни расположенія противника, ни его силы! Надо сказать, впрочемъ, что изъ всѣхъ этихъ разношерстныхъ комбинацій идея моего начальника была, быть можетъ, еще лучшей; но для того, чтобы заставить на нее согласиться и принять ее

она имѣла два недостатка, которые заставляли ее терять всю свою цѣнность: 1) она не была сложна; 2) она была слишкомъ просто высказана.

Несомнѣнно, что депеши моего начальника не могли нравиться Константинопольскимъ буквоѣдамъ.

Не надо забывать, что нашъ языкъ состоитъ изъ трехъ языковъ: чагтай-жи (татарское нарѣчіе), арабскаго и персидскаго, — точно также, какъ французскій, напримѣръ, состоитъ изъ греческаго и латинскаго; но во французскомъ языкѣ слова, взятыя изъ греческаго и латинскаго, опредѣленны, и каждый можетъ найти ихъ въ словарѣ; тогда какъ у насъ нѣтъ никакихъ границъ; нѣтъ никакихъ преградъ; нѣтъ словаря, въ которомъ все это было бы отурчено и опредѣлено, такимъ образомъ имѣются тысячи словъ для того, чтобы скрыть отсутствіе мыслей, если ихъ не имѣешь. Если какая-нибудь мысль слишкомъ ясна, то ее завертываютъ въ такія ученыя фразы, что ничего не разберешь.

По этой части мастеромъ былъ Сулейманъ, но не Мехмедъ-Али, который писалъ очень скверно на нашемъ языкѣ, потому что то, что онъ писалъ, было слишкомъ просто.

При такихъ условіяхъ онъ не могъ нравиться Стамбульскимъ литераторамъ, и мое путешествіе въ Константинополь для изложенія очень простого плана моего начальника должно было потерпѣть полную неудачу.

Впрочемъ, меня-то менѣе всѣхъ другихъ можно было избрать для этого порученія.

Сердарь такъ торопился отправить меня въ Стамбулъ, что не далъ даже времени растопить локомотива, а заставилъ меня пропутешествовать отъ Шумлы до Варны на дрезинѣ.

Прибывъ въ Константинополь, я отправился прямехонько въ императорскій дворецъ и имѣлъ честь быть немедленно принятымъ Его Императорскимъ Величествомъ Султаномъ,

который удостоилъ выслушивать меня въ теченіе двухъ часовъ, при чемъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за идеями маршала. Повидимому, Султанъ даже одобрялъ ихъ, такъ что я уже началъ чувствовать, что во мнѣ растетъ надежда на успѣхъ.

Отпуская меня, Его Императорское Величество сказалъ, что мнѣ нужно изложить все сказанное двумъ высшимъ сановникамъ, Махмудъ-Дамаду и Саиду, которые въ это время дѣлали и дождь, и хорошую погоду.

Эти господа приняли меня, какъ собаку при игрѣ въ кегли! Первый изъ нихъ даже не удостоилъ меня выслушать. Другой, еще не бывшій такимъ великимъ пашой, а потому и не обладавшій еще такой надменностью, удостоилъ показать мнѣ на стулъ и дать нѣсколько минутъ для бесѣды. Но его превосходительство, передъ которымъ я развернулъ карту генеральнаго штаба, не понялъ на ней ничего, а потому слѣдилъ за моей рѣчью по маленькой школьной картѣ... тогда я понялъ, что мнѣ тутъ нечего дѣлать, отбросилъ всякую надежду и подумалъ, что Султанъ, великій государь, повелитель правовѣрныхъ, тотъ, передъ которымъ всѣ гнули спину, несравненно любезнѣе и безконечно проницательнѣе своихъ министровъ.

Сердарь желалъ, чтобы Сулейманъ-паша послушался его и дѣйствовалъ въ смыслѣ соединенія своей арміи съ Восточной.

Но Сулейманъ этого вовсе не желалъ, потому что ему обѣщали, что если онъ возьметъ позицію Святого Николая, то его сдѣлаютъ военнымъ министромъ и наградятъ всѣмъ, на что только можетъ надѣяться у насъ человѣкъ, попавшій въ случай. А потому шипкинскій палачъ желалъ дѣйствовать отдѣльно, чтобы одному одержать успѣхъ, который онъ считалъ возможнымъ, несмотря на его невѣроятность.

Въ это время Сулейманъ имѣлъ огромное тактическое

превосходство надъ моимъ начальникомъ: онъ былъ правой рукой Махмудъ-Дамада и лѣвой рукой Саида... такимъ образомъ, моя миссія свелась къ простой прогулкѣ и свиданію съ моимъ семействомъ, тѣмъ болѣе, что Саидъ, отпуская меня, сказалъ съ торжественнымъ видомъ:

„Скажите маршалу Мехмедъ-Али, что всѣ мы, начиная отъ Султана и до ничтожнѣйшаго изъ его подданныхъ, зная храбрость и искусство Сулеймана-паши, возложили на него всѣ наши надежды и довѣріе!“

Вотъ какой любезный и обнадеживающій отвѣтъ данъ былъ посланцу генералиссимуса!

Признаюсь, что я вышелъ изъ аппартаментовъ Саида-паши съ яростью въ сердцѣ.

Насколько благосклонно обошелся со мною государь, настолько эти два господина скверно отнеслись и ко мнѣ, и, особенно, къ моему начальнику, просьбы котораго они отвергли, даже не выяснивъ ихъ.

Признаю также, что Мехмеду-Али не слѣдовало посылать меня съ этимъ порученіемъ; никогда не должно переговариваться въ то время, когда обстоятельства требуютъ дѣйствій. Но маршалъ, по причинамъ раньше изложеннымъ, думалъ, что онъ восторжествуетъ надъ сопротивленіемъ Сулеймана, если обратится прямо къ своему государю. Можно ли, спрашивается, было такъ дурно принять посланнаго имъ офицера? Слѣдовало ли, осторожно ли было говорить этому офицеру, что никто, начиная отъ государя до послѣдняго изъ его подданныхъ, не питаетъ довѣрія къ главнокомандующему, пославшему этого офицера?

Какое впечатлѣніе должно было остаться во мнѣ и какъ упалъ бы престижъ маршала, которому довѣрили командованіе надъ 100,000 бойцовъ, если бы я сталъ распространять въ рядахъ императорской арміи все, услышанное мною изъ устъ Саида-паши?

Голова моя горѣла... Печально шелъ я по дворцовому двору, какъ вдругъ встрѣтился со старымъ другомъ, которому и повѣдалъ о своихъ неудачахъ. Этотъ человѣкъ былъ чудный патріотъ, вѣрный слуга Султана; онъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться къ другому Саиду, котораго называли Инглизъ-Саидомъ (англійскій Саидъ) и который временно исполнялъ должность морского министра.

Хотя въ моей миссіи и не было ничего морского, я отправился прямо ко второму Саиду, какъ къ единственной, остававшейся мнѣ надеждѣ,—и дѣйствительно, я нашелъ въ немъ образованнаго, вѣжливаго и понимающаго человѣка, что показываетъ, что Саидъ Саиду—рознь.

Пока мы говорили съ нимъ о событіяхъ и разбирали по картѣ то, что начальникъ мой называлъ „своимъ планомъ", министру донесли о прибытіи драгомана англійскаго посольства, который и былъ принятъ. По знаку Саида драгоманъ объяснилъ при мнѣ цѣль своего визита, состоявшую въ томъ, чтобы сообщить главной турецкой квартирѣ мысли и планы англійскаго военнаго агента. Этотъ послѣдній, осуждая поведеніе Сулеймана, горячо рекомендовалъ соединеніе двухъ армій, т. е. одинъ изъ плановъ моего начальника (долженъ признаться, что у него было нѣсколько плановъ, что, очень вѣроятно, и заставило англійскаго военнаго агента нарушить нейтралитетъ; оно и извинительно, потому что ни одинъ порядочный военный не могъ бы присутствовать при этой печальной комедіи, не возмущаясь).

Саидъ (хорошій) обѣщалъ намъ летѣть къ Е. И. В. Султану и сѣлъ въ карету. Черезъ часъ онъ призвалъ меня во дворецъ, далъ мнѣ формальное удостовѣреніе въ томъ, что генералиссимусу будетъ оказано полное удовлетвореніе, и пригласилъ меня немедленно отправиться въ главную квартиру.

Я тотчасъ же выѣхалъ изъ Константинополя и на слѣдующій день прибылъ въ Варну. А еще черезъ два дня я

какъ съ облаковъ упалъ, заставъ своего начальника въ самомъ разгарѣ сраженія при Церковнѣ, т. е. въ 10 миляхъ отъ направленія, которому онъ хотѣлъ слѣдовать, и въ 100 миляхъ отъ его собственныхъ идей.

Махмудъ, Саидъ и К° все успѣли перемѣнить за время моего путешествія и дали генералиссимусу формальное приказаніе немедленно наступать на армію Цесаревича, не вмѣшиваясь въ планы Сулеймана.

Такъ-то вотъ мы и вели войну...

Неправда ли, дорогіе читатели, при подобной системѣ, просто чудо, что мы могли такъ долго сопротивляться русской арміи?

Гдѣ же была, однако, армія Цесаревича и противъ кого заставили наступать несчастнаго генералиссимуса?

То, что мы принимали за русскую Восточную армію, были просто-напросто ея „буфера" — авангарды. Главныхъ силъ не видѣли ни разу и никогда не знали, гдѣ они находятся, такъ хорошо скрывала ихъ непріятельская кавалерія и до такой степени была слѣпа наша.

Церковна оказалась повтореніемъ перваго наступленія.

Въ день моего возвращенія изъ Константинополя, прибывъ на наши позиціи, я услышалъ разговоръ объ обходномъ движеніи... Самъ маршалъ, принявшій, въ довершеніе всего, меня очень дурно, такъ какъ ожидалъ успѣха отъ моей миссіи, объяснилъ мнѣ, что лѣвое крыло нашей арміи должно обойти правое русское, въ то время какъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ будутъ происходить демонстраціи.

Было уже за полдень, и маршалъ, нервно объяснившій мнѣ все вышесказанное, ничего еще не видѣлъ въ свой лорнетъ. Онъ ждалъ и ждалъ новостей объ этомъ знаменитомъ обходѣ, исполненіе котораго было поручено египетской дивизіи.

Штабные офицеры, сидѣвшіе на плохихъ лошадяхъ и

плохо ѣздящіе, медленно привозили противорѣчивыя извѣстія. Генералиссимусъ, который долженъ бы былъ лично слѣдить за маневромъ, оставался на артиллерійской позиціи, какъ бы для того, чтобы испортить себѣ какъ можно болѣе крови.

Правое русское крыло, которое хотѣли обойти, опиралось на деревню Чаиръ-кіой.

Къ югу и востоку отъ этой деревни находились болота, пруды, рощи,— словомъ, все могущее помѣшать обходу. Наканунѣ, для рекогносцировки непріятельской позиціи и осмотра мѣстности, былъ посланъ штабъ-офицеръ генеральнаго штаба. Офицеръ удовольствовался тѣмъ, что посмотрѣлъ на все *очень издалека;* въ сущности, онъ ровно ничего не увидѣлъ и донесъ, что и мѣстность, и позиціи благопріятствуютъ затѣянному маневру, что совершенно противорѣчило истинѣ.

Разумѣется, обходъ не удался.

Мы говорили: „обходное движеніе! обходное движеніе!“ но знали ли мы точное значеніе этихъ словъ?

Этотъ маневръ понимался у насъ до того плохо и въ него такъ мало вѣрили, что всякій разъ, когда какой-нибудь знающій офицеръ заводилъ о немъ рѣчь, то подвергался вышучиванію и получалъ названіе „чевирме“, означавшее жареную на вертелѣ баранину, которую вращаютъ надъ огнемъ при изготовленіи. И начинались шутки: „Ахъ! вотъ онъ опять вашъ „чевирме“.

Правда, впрочемъ, что обходъ является однимъ изъ самыхъ тонкихъ маневровъ въ тактикѣ, болѣе даже чѣмъ, быть можетъ, въ стратегіи [1]).

Прежде чѣмъ взяться за него, слѣдовало:

1) Имѣть свои силы сосредоточенными, массированными, а не развернутыми заранѣе, какъ при Церковнѣ.

---

[1]) „Военное искусство требуетъ совершенія обхода или охвата безъ раздѣленія арміи“ (*Наполеонъ*).

2) Чтобы каждая часть знала, какъ свои пять пальцевъ, что ей предстоитъ дѣлать.

3) Чтобы обходъ былъ совершенъ скрытно, пользуясь складками мѣстности.

4) Отдѣлить для него, по возможности, войска не изъ видимой части боевого порядка.

5) Чтобы крыло боевого порядка, ближайшее къ мѣсту предпринятаго маневра, могло принять въ немъ участіе движеніемъ по-эшелонно, такъ, чтобы сохранять связь съ обходящими войсками; но это должно быть исполнено не слишкомъ поздно и не слишкомъ рано.

6) Войска, назначенныя для демонстраціи, должны атаковать такъ энергично, чтобы атаку ихъ можно было принять за главную.

7) Какъ при обыкновенныхъ движеніяхъ широкимъ фронтомъ можно замаскироваться кавалеріей, такъ въ случаѣ обходнаго движенія показывать свою кавалерію значитъ открывать свои намѣренія.

Сколько помню, ни одна изъ этихъ предосторожностей не была принята подъ Церковною. Демонстративныя атаки велись очень слабыми силами, которыя спустились на равнину, а многочисленныя другія войска стояли въ это время неподвижно на холмахъ позади. Можно ли было сдѣлать больше для того, чтобы дать понять противнику, что онъ долженъ посматривать *въ другую сторону?!*

Впрочемъ, обходное движеніе не удалось съ самаго начала, такъ что было безполезно посылать наши храбрыя войска на равнину.

День завершился итогомъ, еще болѣе отрицательнымъ, чѣмъ когда бы то ни было: перевязочные пункты кишѣли ранеными; равнина была покрыта сотнями труповъ храбрыхъ солдатъ, которые, своимъ поведеніемъ въ этой безцѣльной борьбѣ, исторгали у присутствовавшихъ здѣсь иностранныхъ

корреспондентовъ возгласы удивленія. Солдаты, какъ всегда, сдѣлали болѣе того, что требовалъ отъ нихъ долгъ; то же можно сказать и о младшихъ офицерахъ... Вечеромъ, въ штабѣ арміи играли въ игру: „тебѣ отвѣчать". Сердарь снова впалъ въ маразмъ.

На слѣдующій день передъ нами опять была казачья завѣса! Впрочемъ, мы не стремились начинать сначала, а русскіе хотѣли избѣжать всякаго серьезнаго столкновенія: ихъ главныя силы были въ это время жидковаты, ибо все массировалось къ Плевнѣ. Но армія Цесаревича, хорошо маневрирующая, гибкая какъ перчатка, благодаря своей кавалеріи, повсюду являлась болѣе многочисленной, чѣмъ мы. Она противупоставляла намъ тамъ, гдѣ это было нужно, сосредоточенными всѣ свои силы, тогда какъ мы наступали на нее длинными и тонкими линіями.

Въ сраженіи при Церковнѣ былъ одинъ главный недостатокъ: въ то время какъ мы занимали холмы, развернувшись на огромномъ фронтѣ, одной изъ дивизій было сказано: „ступайте, обойдите мнѣ вотъ это!" а показали ей долину и горы...

И кто былъ посланъ для обхода?

Египетская дивизія.

Начальникомъ этой египетской дивизіи былъ очаровательный принцъ Гассанъ, покойный дядя нынѣшняго хедива; онъ былъ отличнымъ офицеромъ, изучившимъ свое дѣло въ Германіи. Штабъ принца былъ также очень хорошъ, очень дѣятеленъ, очень знающъ, но солдаты никогда не бывали на войнѣ и, вслѣдствіе этого, никогда не имѣли дѣла съ такимъ противникомъ, какъ русскіе. Несмотря на это, они исполнили бы свой долгъ, если бы имъ, для начала, не дали непосильной задачи.

Впереди египтянъ шелъ турецкій стрѣлковый баталіонъ: въ этомъ порядкѣ они двинулись въ обходъ русскаго кры-

ла... и вскорѣ вступили въ болотисто-лѣсистую полосу. Расположенные невдалекѣ отъ нея непріятельскіе стрѣлки встрѣтили турецкихъ солдатъ самымъ убійственнымъ огнемъ. Тѣмъ не менѣе баталіонъ авангарда не отступилъ и жестоко пострадалъ. Египетскіе офицеры, видя, что обходъ не удался и что двигаться дальше невозможно, приказали отходить; все дѣло, плохо организованное, рухнуло—и бѣдный маршалъ Мехмедъ-Али навсегда потерялъ случай поправить свою репутацію.

Однако, что же хотѣли обойти при Церковнѣ? Кого?

— Флангъ!

-- Флангъ кого? чего?

— Дивизіи, не болѣе того.

— А затѣмъ?

— Это все; потому что, если бы маневръ противъ русскаго праваго крыла удался, то слѣдовало двинуть впередъ всю остальную нашу армію. Для этого необходимо было быть сосредоточенными и перейти Янтру, но у насъ не было понтоннаго парка. Въ концѣ концовъ, наша линія, состоявшая изъ многочисленныхъ, но разбросанныхъ дивизій, очутилась бы снова лицомъ къ лицу съ новой линіей, съ новой завѣсой, такъ какъ всѣ рѣки, текущія въ этой части Болгаріи, перпендикулярны къ Дунаю и, вслѣдствіе этого, параллельны другъ другу: вмѣсто того, *чтобы обойти, мы навѣрное были бы обойдены*.

Правильно организованное наступленіе сосредоточенныхъ силъ имѣло 80 шансовъ изъ 100 на успѣхъ, особенно въ виду того, что генералъ Радецкій, увидѣвъ свой тылъ въ опасности, принужденъ бы былъ отступить. Присоединеніе его 20,000 или 25,000 человѣкъ къ слабымъ силамъ Цесаревича не было бы большою помощью, тогда какъ вслѣдствіе очищенія имъ Шипки и отступленія передъ своимъ

противникомъ, къ намъ присоединились бы очень серьезныя и хорошо обстрѣленныя силы Сулеймана.

И ничего-то изъ этого не сбылось. Неумѣнье маневрировать; худосочныя комбинаціи; страхъ считать себя слишкомъ удаленными отъ своей базы и продовольствія; неспособность штаба — все это до такой степени напугало главнокомандующаго, что, на совѣтѣ генераловъ, Мехмеду-Али безъ труда удалось собрать большинство голосовъ за отступленіе.

Какъ мало надо было понимать войну и до какой степени надо было не знать намѣреній, которыя могъ имѣть противникъ, чтобы постоянно приписывать ему идею наступленія,—тогда какъ роль русской Восточной арміи могла быть только чисто оборонительная, уже въ силу событій, разыгрывавшихся на Западѣ!

Тотъ фактъ, что непріятель не перешелъ въ наступленіе, когда находился на Ломѣ, былъ достаточно ясенъ и краснорѣчивъ самъ по себѣ; неужели онъ не показывалъ того, что армія Цесаревича не отступила бы до Янтры для того, чтобы потомъ начать наступленіе сызнова, особенно когда мы были въ это время сильнѣе ея? Пословица, говорящая: „надо отступить, чтобы дальше прыгнуть“ — не можетъ примѣняться къ арміи; чему же приписать, чѣмъ объяснить наше отступленіе, за которое высказались всѣ наши генералы?... Со времени неудачнаго сраженія при Церковнѣ-Чаиркіоѣ установилась самая дождливая погода. Приходилось буквально тонуть въ грязи. Дороги, если только можно дать это названіе тѣмъ путямъ, которые войска проложили черезъ большіе лѣса, были въ неописуемомъ состояніи: мы вязли, скользили, спотыкались о плохо срубленные стволы деревьевъ! Съ трудомъ можно было перейти изъ одной палатки въ другую.

И среди такой-то ночи арміи было отдано приказаніе

отступать! И она двинулась въ невообразимомъ безпорядкѣ.

Неправда ли, непонятная вещь? Цѣлую и цѣльную армію заставляютъ отступать въ темную ночь, подъ проливнымъ дождемъ, по отчаяннымъ дорогамъ, какъ будто бы за нами по пятамъ гнался непріятель! Храбрыхъ людей заставила бѣжать опасность, *отъ которой они никогда не бѣжали, испытать позоръ, котораго они никогда не заслуживали!*

Моя лошадь разъ двадцать падала во время этого достопамятнаго отступленія. Когда стало разсвѣтать, я увидѣлъ, какъ цѣлые баталіоны впрягались въ полевыя орудія для того, чтобы втащить ихъ на самый незначительный склонъ—вотъ до чего размокли дороги! Ночью одни баталіоны стрѣляли въ другіе, принимая другъ друга за непріятеля... И все это происходило не вечеромъ въ день сраженія при Церковнѣ, а на *два дня позднѣе!*

Притомъ насъ не могла извинить даже боязнь преслѣдованія со стороны противника, тѣмъ болѣе, что *это сраженіе не было успѣхомъ для русскихъ* и что отъ насъ самихъ зависѣло остаться побѣдителями. Мы отступили за Ломъ, какъ и прежде, и всѣ остались довольны, особенно русскіе. Шесть недѣль послѣ этого прошли въ полномъ бездѣйствіи.

Каждое утро можно было видѣть непріятельскіе посты, молчаливо стоявшіе въ нѣсколькихъ шагахъ. Русскіе, повидимому, были очарованы нашимъ поведеніемъ: имъ требовалось это затишье для того, чтобы раздавить плевнинскихъ храбрецовъ.

ГЛАВА XI.

Слишкомъ поздно!

Періодъ бездѣйствія арміи Мехмеда-Али можетъ служить доказательствомъ, что даже самая храбрая армія въ мірѣ

принесетъ немного пользы, если стратегическія знанія великихъ въ ней не пропорціональны тактическимъ способностямъ малыхъ.

Это не все: несомнѣнно, что успѣхъ на войнѣ обезпечивается постоянствомъ общенія между начальниками и подчиненными въ мирное время; какъ бы ни былъ хорошъ начальникъ, становящійся во главѣ командованія, положеніе его будетъ на первыхъ порахъ очень не легкое. Подчиненные и войска еще не довѣряютъ ему. Самъ онъ — до серьезнаго дѣла — не знаетъ кто хорошъ, кто плохъ; вслѣдствіе этого, нѣтъ и обоюднаго довѣрія, столь необходимаго между старшими и младшими для совмѣстныхъ усилій.

Точно въ такомъ положеніи былъ маршалъ Мехмедъ-Али-паша, когда принялъ командованіе Ломской арміею, ни его никто не зналъ, ни онъ никого не зналъ; кромѣ того, за нимъ числилось одно невыгодное обстоятельство, его называли „френкомъ“ (христіанскаго происхожденія). Онъ имъ и былъ въ дѣйствительности, что и выдавалъ на каждомъ шагу его невозможный акцентъ.

Тѣмъ не менѣе, довѣріе къ нему явилось очень быстро, когда увидѣли, что новый сердарь былъ одаренъ выдающимся личнымъ мужествомъ. Это было уже много, хотя и далеко не все! Солдатъ, простой солдатъ знаетъ и чувствуетъ, что личное мужество и удаль вождя еще недостаточны для того, чтобы водить къ побѣдамъ. Разумѣется, солдатъ радъ и удали, и безстрашію своего вождя, но онъ хочетъ также чувствовать его искуснымъ.

Даже на маневрахъ младшіе чувствуютъ себя управляемыми этимъ качествомъ старшихъ.

„Знаніе“ есть одна изъ самыхъ крупныхъ „силъ“ въ этомъ мірѣ и имѣетъ совершенно особое свойство устрашать невѣждъ.

И, наоборотъ, замѣчено, что, подъ предводительствомъ

невѣжественнаго начальника, войсками овладѣваетъ чувство какого-то смущенія, неловкости... по рядамъ проносится вѣяніе недовѣрія, въ воздухѣ носятся какіе то-шопоты... даже во время ученій и маневровъ мирнаго времени.

Это душевное состояніе принимаетъ опасные размѣры во время войны, когда противъ него трудно дѣйствовать.

И какъ это справедливо! Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: Османъ-паша, только съ 20,000 человѣкъ, останавливаетъ наступленіе всей русской операціонной арміи, а Мехмедъ-Али, имѣя втрое, вчетверо болѣе людей, не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ... И все потому, что первый, постоянно бывшій съ ввѣренными ему войсками со времени сербской войны, зналъ, чего можно отъ нихъ требовать; въ то же время и войска его. видѣвшія своего вождя въ дѣлѣ, знали чего можно ждать отъ него. Напротивъ Мехмедъ-Али едва только успѣлъ войти въ соприкосновеніе съ людьми, которыхъ онъ до того времени не видѣлъ и не зналъ никогда...; кромѣ того, требовалось время, чтобы убѣдить людей, что можно быть человѣкомъ христіанскаго происхожденія, иностранцемъ, и тѣмъ не менѣе быть отлично преданнымъ офицеромъ, какъ и всякій другой офицеръ, тому правительству и той арміи, хлѣбъ котораго ѣшь и мундиръ которой носишь.

Это доказываетъ трагическая смерть Мехмеда-Али; посланный уже много послѣ войны объявить боснякамъ о политической мѣрѣ, принятой относительно Босніи на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ былъ окруженъ въ своемъ домѣ тысячами вооруженныхъ туземцевъ, требовавшихъ его сдачи; онъ отказался и, одинъ со своимъ адъютантомъ, вступилъ въ бой съ цѣлою арміею баши-бузуковъ, которые подожгли, наконецъ, его домъ, чтобы заставить храбраго солдата отдаться на жертву ихъ ярости. Маршалъ одѣлся, для смерти, въ полную парадную форму и съ саблей въ рукѣ бросился на этихъ мерзавцевъ! Онъ палъ побѣжденный числомъ! Го-

лова его была отрублена и ее носили, съ тріумфомъ, на пикѣ.

. . . .

Стратегическій параличъ, охватившій командованіе нашей арміей, имѣлъ и другія причины: отсутствіе кавалеріи, пропорціональной по числу пѣхотѣ; недостаточность довѣрія къ тѣмъ услугамъ, которыя можетъ оказать конница; отсутствіе связи между разными родами оружія. Отсюда—ни развѣдыванія, ни обезпеченія на походѣ или на отдыхѣ. А противъ насъ имѣлась не только многочисленная, но великолѣпно освоенная со службой этого рода конница.

Русская сторожевая служба превосходна; отъ одного фланга къ другому протягивается нить, представляющая изъ себя прозрачный покровъ... Тонкія линіи. Почти незамѣтные посты. Легкіе разъѣзды, не пропускающіе и мухи. А сзади—крѣпкая сѣть заставъ и главныхъ карауловъ, все уплотняющаяся по мѣрѣ сближенія съ главными силами. И этой кисеи не могли прорвать 80,000 нашихъ храбрецовъ!

Мы могли имѣть вдвое, вчетверо, въ восемь, въ десять разъ болѣе людей—и все-таки ничего-бы не увидѣли.

Слѣдовало бы сосредоточить всю нашу конницу, образовавъ изъ нея независимую дивизію; присоединить къ ней черкесскую кавалерію и иррегулярныхъ конниковъ—и бросить все это въ широкій промежутокъ между Цесаревичемъ и Радецкимъ. Безпокоить шипкинскій русскій отрядъ съ тылу; тревожить правое крыло Восточной арміи; изводить противника; появляться и исчезать; видѣть и доносить.

Это было возможно, потому что мы не имѣли нужды, согласно съ принятой въ арміи системой, прикрываться и заботиться о связи; трещина, по которой текъ Ломъ, и Господь Богъ служили намъ покровомъ.

Употребленіе кавалеріи, согласно сказанному, было абсолютно необходимо и служило бы единственнымъ средствомъ для того, чтобы открыть намъ глаза. Это былъ бы фонарь во

тьмѣ. Этого было бы достаточно. Достаточно по крайней мѣрѣ въ данную минуту, потому что плевнинскіе успѣхи дали намъ нравственный перевѣсъ надъ противникомъ и съ немногимъ можно было сдѣлать многое.

И тогда главнокомандующій могъ бы получить, если бы захотѣлъ, свободу дѣйствій.

Это было возможно, потому что, за исключеніемъ дивизіонной кавалеріи, остальныя большія массы кавалеріи противника, подъ начальствомъ генерала Струкова—русскаго Галиффе,—были заняты въ этотъ періодъ времени подъ Плевной.

Тамъ, между Видомъ и Искеромъ имѣлось 130—я говорю: сто тридцать! русскихъ эскадроновъ... противъ 5 турецкихъ, и эта конница дважды позволила пройти въ Плевну продовольственнымъ транспортамъ, каждый въ 8,000—10,000 повозокъ, запряженныхъ быками, эскортируемыхъ слабыми пѣхотными бригадами.

Почти невѣроятно! И несмотря на всевозможныя научныя объясненія, которыя даются этому факту, онъ остается для меня необъяснимымъ.

Оставимъ это, чтобы перенестись къ окончанію командованія Мехмедъ-Али-паши, ибо, со времени знаменитаго отступленія отъ Церковны и до момента, когда онъ былъ замѣщенъ Сулейманъ-пашой, не произошло рѣшительно ничего достойнаго вниманія, если не считать того, что за все время, пока держалась Плевна, мы прозѣвывали благопріятные случаи, которымъ не суждено было повториться уже никогда.

Понуждаемый изъ Константинополя, побуждаемый тѣми изъ офицеровъ, которые жаждали дѣятельности, тревожимый глухимъ ропотомъ собственной совѣсти, говорившей ему, насколько пагубно было его бездѣйствіе, Мехмедъ-Али-паша

рѣшился, наконецъ, отдать приказаніе для передвиженій, имѣя въ виду сраженіе.

Рѣшились на сраженіе... не имѣя никакихъ данныхъ ни относительно расположенія, ни относительно намѣреній противника. Впрочемъ, отъ этого противника мы видѣли только передовые посты, и ничто не позволяло нашему командованію надѣяться на то, что Цесаревичъ приметъ сраженіе. Слѣдовало бы развѣдать сначала, войти въ соприкосновеніе съ главными силами противника, а затѣмъ уже думать о сраженіи.

Послѣ ночного отступленія отъ Церковны, мы значительно подались вправо и, въ концѣ концовъ, сердарь понялъ необходимость имѣть всѣ свои войска въ кулакѣ, чтобы атаковать русскихъ.

Для этой цѣли, на Ломѣ, у Іованъ-Чифлика, сосредоточились всѣ наши пѣхотныя дивизіи.

Надо замѣтить, что, подъ начальствомъ Мехмедъ-Али-паши, также какъ и его предшественниковъ, армія состояла изъ дивизій... объ организаціи армейскихъ корпусовъ не подымалось и вопроса. Послушаемъ, между тѣмъ, что говоритъ на этотъ счетъ Блюме въ своей стратегіи:

„Располагая въ соотвѣтственной пропорціи всѣми родами оружія, въ большомъ количествѣ, надо признать, что армейскій корпусъ имѣетъ значительную силу сопротивленія и, кромѣ того, вполнѣ способенъ для отдѣльныхъ операцій. Вслѣдствіе своей организаціи, армейскій корпусъ является единицей, т. е. каждый изъ составляющихъ его элементовъ имѣетъ совершенно опредѣленное назначеніе въ цѣломъ и всѣ элементы, безъ тренія, повинуются одной волѣ“.

Въ этотъ вечеръ горизонтъ окрасился совершенно пурпуровымъ цвѣтомъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ солнечныхъ закатовъ, которые производятъ глубокое впечатлѣніе на суевѣрные умы.

Всѣ дивизіи собрались на небольшомъ квадратномъ участкѣ мѣстности, и наши удивительные солдаты расположились подъ открытымъ небомъ.

Велико было утомленіе отъ трудового дня сосредоточенія, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодости... какъ вдругъ, около полуночи, меня разбудили по приказанію сердаря. Черезъ пять минутъ я уже входилъ въ его палатку и увидѣлъ сердаря склонившимся на свой маленькій столикъ и рыдающимъ, какъ дитя.

Никогда я не забуду выраженіе лица бѣднаго маршала! Его нельзя было узнать, до такой степени измѣнилась въ нѣсколько минутъ физіономія этого храбраго и мужественнаго воина.

Онъ протянулъ мнѣ развернутую и измятую депешу, изъ которой я понялъ мотивъ бывшаго передо мною отчаянія. Императорское „ирадэ" извѣщало маршала, что онъ замѣщенъ своимъ соперникомъ, шипкинскимъ палачомъ—Сулейманомъ!

Какое тяжкое искупленіе!.. Быть смѣщеннымъ съ командованія, и замѣненнымъ... кѣмъ же? Своимъ соперникомъ!

Для маршала не было бы большаго горя, если бы его приказали разстрѣлять или повѣсить.

Мало, кому приходилось переживать такую ужасную ночь!

Я очень любилъ добраго маршала, относившагося ко мнѣ чисто по-отечески. Мнѣ очень грустно, что, изъ глубокаго уваженія къ истинѣ, я принужденъ критиковать его командованіе. Но гдѣ тотъ хорошій генералъ, который сдѣлалъ бы лучше, если бы не имѣлъ хорошихъ помощниковъ?

Счастливы генералы, начинающіе кампанію съ хорошимъ штабомъ!

„Быстрое и точное отправленіе дѣлъ—говоритъ принцъ Гогенлоэ въ своихъ *Письмахъ о стратегіи*,—вліяетъ на

стратегію. Устройство механизма генеральнаго штаба является важнымъ факторомъ въ стратегіи".

Храбрый Мехмедъ-Али былъ, съ самаго начала, жертвой печальной организаціи генеральнаго штаба. Получивъ командованіе въ трудную минуту, одаренный слабымъ и непостояннымъ характеромъ, онъ былъ отягченъ мужественными, но невѣжественными подчиненными. Безъ компаса, безъ руля, даже безъ хорошей карты (потому что тѣ, которыми мы пользовались, были болѣе или менѣе полны ошибками), при самыхъ плачевныхъ условіяхъ, онъ принялъ на себя управленіе кораблемъ, который несъ на себѣ судьбы отечества!...

И нынѣ, охваченный облачной, безлунной и беззвѣздной ночью, онъ не видѣлъ кругомъ ничего, кромѣ грозныхъ волнъ, не слышалъ ничего, кромѣ гула толпы, подобнаго грому передъ готовой разразиться грозой!..

И теперь, въ эту роковую ночь, подавленный скорбью, неся одинъ всѣ угрызенія совѣсти, которыя должны были бы раздѣлить мы всѣ, онъ плакалъ кровавыми слезами, тяжелыми крупными слезами, катившимися по его смуглому лицу, осунувшемуся отъ тѣхъ мученій, которыя терзали его сердце.

Онъ былъ безъ мундира; сквозь его рубашку, которую онъ, задыхаясь, разорвалъ, чтобы лучше дышать, виднѣлась грудь, покраснѣвшая какъ будто отъ горчичника, такъ истерзалъ онъ ее въ припадкѣ мрачнаго отчаянія. И сжимая мои руки, бѣдняга говорилъ о своей виновности и желаніи умереть. Онъ то и дѣло повторялъ: „что я скажу, что я отвѣчу нашему верховному вождю, нашему главнокомандующему, Султану, удостоившему меня довѣрія, котораго, увы! я оказался такъ мало достоинъ! Какъ вынесу я взгляды всѣхъ тѣхъ, которые будутъ искать въ глазахъ моихъ объясненія моего бездѣйствія и неуспѣха! Что отвѣчу я, что скажу тѣмъ, которые спросятъ меня: что сдѣлалъ ты со

ввѣренными тебѣ 100,000 храбрецовъ? Какъ я могу имъ сказать: оставьте меня, я атакую завтра, я... я... Увы! я чувствую, что мнѣ отвѣтятъ: *слишкомъ поздно!*"

Я искренно и глубоко раздѣлялъ эту горесть, я старался утѣшить его, какъ могъ, я говорилъ ему, что вся тяжесть не должна падать на него одного.

Таково было и таково есть мое убѣжденіе, потому что теперь мы знаемъ, что большая часть отвѣтственности падаетъ на Сулеймана и его покровителей, которые связали сердаря по рукамъ и ногамъ, которые погубили всю эту кампанію своею алчностью власти, своими безконечными интригами, описывать которыя отказывается мое перо.

Содержаніе пришедшей въ эту ужасную ночь депеши знали только сердарь, секретарь его и я.

Армія, заснувшая съ увѣренностью въ столь желанномъ наступленіи, должна была узнать при пробужденіи, что она потеряла своего вождя, что ея порывъ впередъ снова долженъ остановиться.... но она спала еще, эта армія, и только слышались голоса перекликавшихся часовыхъ.

Бѣдный сердарь, запоздалое рѣшеніе котораго, быть можетъ, исправило бы всѣ послѣдствія печальныхъ колебаній, спросилъ меня, все еще продолжая плакать, что онъ можетъ сдѣлать для меня, прежде чѣмъ сдастъ командованіе. Я попросилъ у него приказа, помѣченнаго предыдущимъ числомъ, отослать меня съ какимъ-либо порученіемъ въ штабъ египетскаго контингента, такъ какъ я не хотѣлъ служить подъ начальствомъ Сулеймана.

Снабженный этимъ приказомъ, я оставилъ нашу главную квартиру на разсвѣтѣ, чтобы избѣжать встрѣчи съ тѣмъ роковымъ человѣкомъ, который такъ повредилъ моему чудному начальнику. Я ѣхалъ рысью по большой Разградской дорогѣ и вдругъ, на поворотѣ, очутился носъ къ носу съ тѣмъ, отъ кого бѣжалъ.

Увидавъ плохую деревенскую повозку, не сопровождаемую никакимъ эскортомъ, я подумалъ сперва, что встрѣтился съ простымъ путникомъ, ѣдущимъ къ арміи. Я не имѣлъ еще счастія знать Сулеймана, а жалкая фигура встрѣченнаго никоимъ образомъ не могла мнѣ внушить мысль, что онъ-то и былъ тотъ кровавый человѣкъ, который погубилъ столько людей при атакахъ Святого Николая. Надо сказать, что самъ онъ никогда не принималъ въ нихъ личнаго участія.

Повозка остановилась. Адъютантъ маршала сдѣлалъ мнѣ знакъ спѣшиться и подойти.

Сулейманъ-паша, не знаю почему знавшій меня, спросилъ, куда я ѣду. Я показалъ ему помѣченный заднимъ числомъ приказъ эксъ-сердаря. Кисло-сладкая улыбка маршала показала мнѣ, что онъ понялъ, что я бѣгу отъ него. Я думаю, что глаза мои не сумѣли скрыть того чувства антипатіи, которое я питалъ къ нему. Сулейманъ развернулъ карту и спросилъ меня, гдѣ находятся наши дивизіи. Я указалъ ему на избранный его предшественникомъ пунктъ сосредоточенія и упомянулъ о рѣшеніи наступать. Мой собесѣдникъ снова улыбнулся злой и недовѣрчивой улыбкой, сѣлъ въ повозку и уѣхалъ.

Замѣщеніе Мехмеда-Али-паши Сулейманомъ не произвело никакихъ перемѣнъ въ стратегическомъ положеніи нашихъ армій:

Плевнинская, рѣшившаяся избѣгать маневрированія и не желавшая улучшить свое положеніе.

Шипкинская, упорствующая въ своемъ желаніи схватить быка Св. Николая за рога.

Ломская, неспособная къ наступательной роли ни подъ начальствомъ Мехмедъ-Али, ни подъ начальствомъ Сулеймана.

Люди перемѣнились... ошибки остались прежними.

Надо замѣтить, что при этихъ условіяхъ, всюду господствовала одна идея, одна мысль парила надъ всѣмъ театромъ

войны: *ожиданіе паденія Плевны*,—и что еще замѣчательнѣе, такъ это то, что, при отсутствіи какого бы то ни было маневрированія съ нашей стороны и со стороны Шипкинской арміи, при несуществованіи единства дѣйствій, сами же мы, турки, помогли своей неподвижностью русскимъ уничтожить Плевнинскую армію, устранивъ тѣмъ единственное препятствіе мѣшавшее стремленію ихъ къ достиженію первоначальнаго предмета дѣйствій.

Сулейманъ, принявъ командованіе отъ Мехмеда-Али, не былъ счастливѣе послѣдняго; онъ получилъ даже, при атакѣ въ открытомъ полѣ, между Ломомъ и Янтрой, у Мечки, хорошій урокъ отъ Великаго Князя Наслѣдника.

Отбитый съ очень большими потерями, Сулейманъ занялъ ту же самую линію, что и тотъ, кого онъ такъ критиковалъ, и впалъ въ ту же бездѣятельность, изъ-за которой ему удалось подкопаться подъ Мехмеда-Али...

По мотивамъ, уже упомянутымъ, русскіе его не преслѣдовали; отражая всякую попытку турокъ перейти въ наступленіе, Цесаревичъ могъ считать свою задачу отлично выполненной.

Прежде чѣмъ оставить разсказъ о Ломской арміи, къ которой я ужъ не вернусь, умѣстно вспомнить слова Жомини: „Приходилось видѣть арміи, разрушенныя стратегическими операціями—и не въ большихъ сраженіяхъ, а цѣлымъ рядомъ малыхъ боевъ“.

Тѣ, которымъ непонятна самая суть слова „стратегія“, не поймутъ, быть можетъ, и мысли Жомини, въ приложеніи къ операціямъ на Ломѣ; а между тѣмъ, какъ она приложима въ данномъ случаѣ.

Необходимо отмѣтить, однако, что мы были разбиты не только вслѣдствіе стратегическихъ комбинацій противника, но главнымъ образомъ потому, что не дѣйствовали согласно съ принципами стратегіи.

Никогда не поднимался вопросъ о томъ, чтобы направить главныя наши силы на отдѣльную часть непріятельской арміи; вслѣдствіе этого не произошло ни одного рѣшительнаго сраженія: война, начавшаяся въ іюнѣ 1877 года и окончившаяся въ январѣ 1878 года, не имѣетъ другихъ сраженій, кромѣ плевнинскихъ; все остальное, до конца, представляетъ изъ себя только рядъ частныхъ боевъ, не имѣвшихъ для обѣихъ враждующихъ сторонъ ни тактической, ни стратегической цѣнности, за исключеніемъ разгрома Сулеймана-паши подъ Филиппополемъ.

И изъ двухсотъ пятидесяти дней кампаніи, не считая Плевны, но принимая во вниманіе усиленныя рекогносцировки, было всего около пятнадцати дней, въ которые дрались.

Посреди этой всеобщей инертности, и съ той, и съ другой стороны время расходовалось самымъ расточительнымъ образомъ. Англійская пословица: *Time is money* потеряла всѣ свои права. Никто не пробовалъ плыть къ спасительному берегу... и всѣ цѣплялись за соломинки.

А время шло. Не чувствуя въ себѣ способности къ наступательнымъ дѣйствіямъ, хватались за позиціи, за географическіе пункты, за укрѣпленные лагери — и ждали, когда ихъ скушаютъ одного за другимъ.

Позиціи?

Да вѣдь лучшая позиція на свѣтѣ — „стратегическій маневръ!“

Но какъ не изумляться, — помимо всѣхъ сдѣланныхъ стратегическихъ ошибокъ, — упорству маленькой плевнинской арміи, которая въ теченіе пяти мѣсяцевъ сопротивлялась настойчивымъ усиліямъ русско-румынскихъ армій, и какъ не плакать вмѣстѣ съ Мехмедъ-Али при мысли о всемъ, что можно было бы сдѣлать въ теченіе этихъ долгихъ дней,

недѣль, мѣсяцевъ, израсходованныхъ такъ нерасчетливо, такъ безцѣльно.

Бѣдный Мехмедъ-Али понялъ все это, но немного поздно. Тяжело было у него на сердцѣ, какъ видѣлъ читатель, но вмѣсто сожалѣній *подъ конецъ* кампаніи, я бы совѣтовалъ нашимъ будущимъ вождямъ имѣть стратегическій глазомѣръ *съ начала ея*.

Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что этотъ глазомѣръ долженъ выработаться тогда, когда дѣло уже началось, и судьба отечества положена на вѣсы; нѣтъ въ искусствѣ командованія надо упражнятся гораздо ранѣе, въ мирное время.

„Изученіе принциповъ стратегіи не принесетъ добраго плода, если ограничиться удержаніемъ ихъ въ своей памяти, не пробуя познавать всѣ ихъ комбинаціи, не упражняя какъ можно чаще своего собственнаго сужденія и въ особенности не провѣряя ихъ по картѣ, будь то по отношенію къ вѣроятнымъ войнамъ или къ самымъ блестящимъ операціямъ великихъ полководцевъ. Только при помощи подобныхъ упражненій можно выработать въ себѣ быстрый и вѣрный стратегическій взглядъ,—наиболѣе драгоцѣнное качество въ генералѣ, безъ котораго самыя лучшія теоріи на свѣтѣ нельзя сумѣть приложить на практикѣ“ [1]).

Мы уже нѣсколько разъ говорили, что за все царствованіе султана Абдулъ-Азиза можно припомнить только одинъ большой маневръ, на которомъ присутствовалъ и самъ Падишахъ и всѣ его маршалы и генералы.

Ясно, слѣдовательно, что военнымъ воспитаніемъ вождей и стратегическимъ глазомѣромъ ихъ пренебрегали совершенно. Всю заботливость правительства поглощалъ военный матеріалъ — и онъ былъ превосходенъ. Онъ стоилъ дорого, обогатилъ многихъ мерзавцевъ, но былъ превосходенъ.

---

[1]) Жомини.

Безпрестанныя критскія возстанія, черногорскія войны, герцеговинскія дѣла, война съ сербами—поддержали въ нашихъ генералахъ и войскахъ исконныя наши военныя достоинства и великолѣпный воинскій духъ. Но на это нельзя смотрѣть какъ на настоящій закалъ и какъ на упражненіе для большой войны.

Большая война, — какъ слѣдуетъ ее понимать согласно съ заповѣдями Фридриха, Наполеона, Клаузевица, Жомини, Мольтке, фонъ-деръ-Гольца и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ которые хорошо ее поняли и освѣтили, — не имѣетъ ничего общаго съ малыми горными экспедиціями; на послѣднія надо смотрѣть какъ на жандармскія въ крупномъ масштабѣ; единственное сходство ихъ съ большою войной заключается въ той роли, которую и здѣсь, и тамъ играетъ тактическій элементъ, но вѣдь тактика имѣетъ значеніе и во время мятежей, и при уличныхъ безпорядкахъ... А вѣдь нельзя же утверждать, что это будетъ военнымъ искусствомъ!

Нельзя судить о какомъ-нибудь генералѣ, ни въ дурную, ни въ хорошую сторону, только по тому, что онъ принималъ участіе въ подавленіи возстаній и безпорядковъ, въ гражданскихъ войнахъ и въ горныхъ бояхъ.

— Хорошъ ли генералъ такой-то?

— Скажите мнѣ сначала—командовалъ ли онъ? Какими войсками командовалъ? Скажите мнѣ—всегда ли онъ работалъ и работаетъ, имѣлъ ли онъ случай упражнять свой стратегическій глазомѣръ, хорошо ли его здоровье, можетъ ли онъ выносить всю усталость, сопряженную съ войной? Скажите мнѣ, въ особенности, интересуется ли онъ своимъ ремесломъ, питаетъ ли онъ любовь, культъ, обожаніе къ милитаризму?

Чтобы быть достойнымъ командованія, надо страстно любить свое ремесло.

И теперь еще, несмотря на жестокій урокъ прошлой

войны, у насъ есть офицеры, никогда не занимающіеся своимъ ремесломъ. И они не только не занимаются имъ, но даже считаютъ себя лучше тѣхъ, которые занимаются.

Хотѣлъ бы я знать — какъ можно знать какое-нибудь искусство, ремесло, науку, если не упражняться въ нихъ и не сдѣлать изъ нихъ своего главнаго занятія.

Во-первыхъ, среди работающихъ и могущихъ практиковаться въ военномъ ремеслѣ можно разсчитывать только на тѣхъ, которые знаютъ какой-либо изъ западныхъ языковъ, потому что на турецкій языкъ переведены съ французскаго или нѣмецкаго лишь очень немногіе военные труды.

Переводъ научныхъ книгъ и труденъ и дологъ. Затѣмъ какъ перевести все то, что долженъ знать „офицеръ“ для того, чтобы быть достойнымъ этого названія? Необходимо ознакомиться съ движеніемъ военной науки, начиная съ великаго Фридриха. Болѣе того, нельзя хорошо знать стратегіи и имѣть въ головѣ хорошій рецептъ для всякаго случая на войнѣ, не вспоминая главнѣйшіе факты изъ древнихъ и новыхъ кампаній... Легче слѣдовательно изучить какой-нибудь европейскій военный языкъ: французскій или нѣмецкій. Это, впрочемъ, и дѣлается въ императорскихъ школахъ; но я бы хотѣлъ, чтобы ихъ изучали лучше; я считаю, что, изучивъ основательно одинъ изъ этихъ языковъ, можно получить не только знаніе военнаго искусства и военной науки, но и хорошее военное образованіе.

Во всякомъ случаѣ, не забудемъ, что люди, призванные къ командованію, должны изучать свое дѣло отдѣльно. Не слѣдуетъ никогда смѣшивать организатора, военнаго министра, съ командующимъ арміею; между военнымъ министромъ и генералиссимусомъ такая же разница, какъ между ружьемъ и охотникомъ. Не будемъ смѣшивать оружія со стрѣлкомъ.

Командующій арміею — это чистокровный скакунъ, не слѣдуетъ впрягать его въ омнибусъ. Наоборотъ, заставить

организатора, администратора командовать арміею, все равно что послать хорошую рабочую лошадь на Ипсомскія скачки!

Если однако главнокомандующій совмѣщаетъ въ себѣ хорошаго организатора и хорошаго администратора — тѣмъ лучше; но не этихъ качествъ слѣдуетъ искать въ немъ самомъ и въ его прошломъ.

Итакъ, мы можемъ сказать, что никто изъ нашихъ большихъ пашей, считая въ томъ числѣ и Мехмеда-Али, не командовалъ, какъ слѣдуетъ, въ эту войну. Никто изъ нихъ не умѣлъ, связно и со стратегическою цѣлью, двигать массами.

Одни изъ нихъ явились въ армію, окруженные легендами, созданными вокругъ нихъ невѣжествомъ толпы; другіе— съ репутаціей чрезвычайной храбрости; третьи—съ дѣйствительнымъ знаніемъ, за которымъ скрывалась ихъ неспособность; нѣкоторые, наконецъ, являлись со всѣмъ вѣсомъ, со всѣмъ вреднымъ авторитетомъ, который давался имъ опорой на извѣстныя вліятельныя лица этой эпохи. Не съ такими генералами можно было завершить стратегическую работу.

Нынѣ у насъ есть много офицеровъ, учениковъ фонъ-деръ-Гольца или воспитанныхъ на оставленныхъ имъ традиціяхъ и образующихъ кадръ, который даетъ мнѣ увѣренность, что въ будущемъ офицеры наши заставятъ насъ позабыть о тяжкихъ ошибкахъ, совершенныхъ въ 1877—1878 гг.

Съ какою гордостью, съ какимъ счастьемъ увижу я за работою *хорошихъ*, — я, который видѣлъ за нею плохихъ. И хотя лично я былъ воспитанъ во Франціи и французскими профессорами, я, безъ предразсудка, оцѣню какъ слѣдуетъ и моихъ товарищей, обученныхъ нѣмцами, и къ ихъ работѣ присоединю свою; французскіе или нѣмецкіе — но методы одни и тѣ же, *все* заключается въ соотвѣтственномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу.

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ спрашивали меня:

— Что думаете вы о французахъ или о нѣмцахъ?

— Но... я думаю, что французы—французы, а нѣмцы—нѣмцы.

— Да, но кому изъ нихъ мы должны подражать? Кого взять за образецъ?

— И тѣхъ, и другихъ.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ, мы не должны быть ни тѣми, ни другими. Останемся турками, но постараемся, хорошенько постараемся, взять и отъ тѣхъ и отъ другихъ только доброе и хорошее! Но, поспѣшимъ, поторопимся... иначе скоро будетъ *слишкомъ поздно!*

ГЛАВА XII.

Третье сраженіе подъ Плевной.

Къ концу августа, Османъ-паша, увидѣвъ, что его хотятъ окончательно окружить въ Плевнѣ, приготовился атаковать; но было уже слишкомъ поздно и, потерпѣвъ неудачу 31 (19) августа, онъ навсегда отказался отъ наступательныхъ дѣйствій. Болѣе того, 2 и 3 сентября (21—22 августа) Скобелевъ и Имеретинскій отняли у него Ловчу. Этимъ уничтожена была свобода маневрированія и связь съ Шипкинской арміей. Далѣе мы увидимъ, что вокругъ Плевны прозвучало еще не мало пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, что обѣ враждующія арміи выказали удивительную неустрашимость и принесли на алтари своихъ отечествъ тысячи человѣческихъ жертвъ! Мы увидимъ также, что въ этотъ чудесный періодъ офицеры наши выказали огромныя способности въ созданіи оборонительной позиціи, при чемъ солдаты наши зарывались въ землю какъ кроты и дрались какъ львы.

Но мы увидимъ также, что, по мѣрѣ того, какъ мы затягивали свою геройскую оборону, мы уменьшали свои шансы для отступленія. Чѣмъ болѣе возрастала слава, пріобрѣтенная сопротивленіемъ, тѣмъ болѣе исчезала, вслѣдствіе продолженія этого самаго сопротивленія, надежда на успѣхъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Османъ-паша, такъ сказать, намазывалъ масломъ ту тартинку, которую должно было скушать русское начальство.

У штаба Великаго Князя Николая долженъ былъ разливаться бальзамъ по душѣ при видѣ того, что послѣ первой и второй Плевны у непріятельскаго штаба не являлось ничего похожаго на мысль о преслѣдованіи или хотя о перемѣнѣ позиціи (см. схему 9).

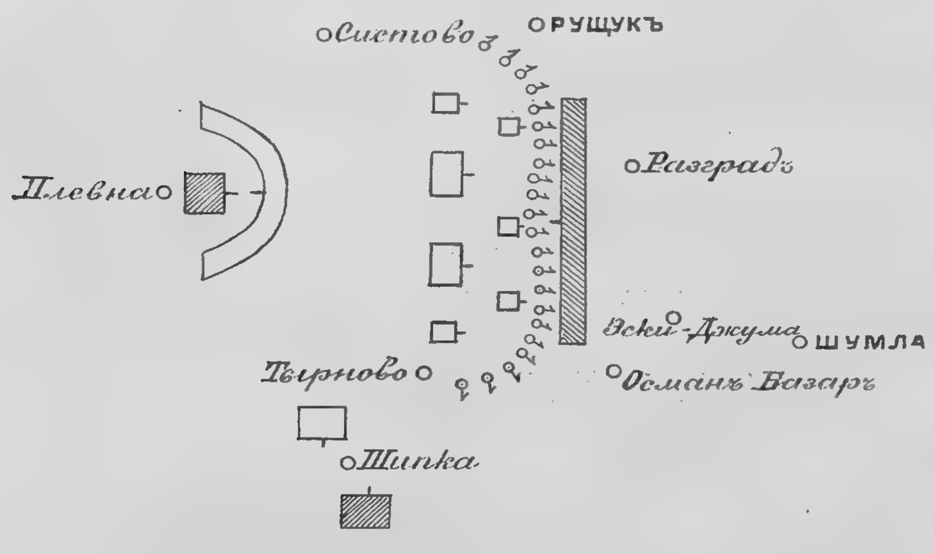

Схема 9.

Хотя предпринятый мною стратегическій этюдъ и не содержитъ большихъ подробностей о Плевнѣ, я все-таки приведу нѣсколько выдержекъ изъ записокъ полковника Вонлярлярскаго о третьемъ сраженіи; но предварительно необходимо взглянуть на театръ борьбы для того, чтобы уви-

дѣть, что три центра дѣйствій, созданные нами съ самаго начала въ трехъ разныхъ зонахъ, не потерпѣли никакого измѣненія по отношенію къ географическимъ пунктамъ.

Все тотъ же стратегическій треугольникъ, занятый русскими по тѣмъ же причинамъ, а нами—по тѣмъ же заблужденіямъ!

Надо замѣтить также, что фронтъ русскихъ операцій не соотвѣтствовалъ ихъ операціонной линіи, такъ какъ Радецкаго считать нельзя.

Единственная разница, которая, къ концу сентября, успѣла значительно наклонить чашку вѣсовъ въ сторону русскихъ, заключалась въ фактѣ почти полнаго обложенія Османа-паши подъ Плевной.

До сихъ поръ и даже послѣ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, оттоманскія императорскія арміи не двинулись ни на шагъ; но и русское вторженіе не сдѣлало ни одного шагу впередъ.

Почему же?

Потому что генералы Криденеръ и Шильднеръ-Шульднеръ совершили, съ самаго начала, огромную ошибку, атаковавъ Османа-пашу, вмѣсто того, чтобы строго придерживаться своего назначенія прикрывать флангъ, подобно тому, какъ армія Цесаревича была фланговымъ прикрытіемъ съ восточной стороны. Были и другія средства для того, чтобы избавиться отъ Османа-паши и Плевны. Если бы русскіе не ввязывались съ такою настойчивостью съ нимъ въ бой и удовольствовались лишь занятіемъ оборонительныхъ противъ него позицій, *то Плевны бы не существовало!*

Повидимому, русскіе должны бы были ограничиться окончаніемъ работы по обложенію. Но они этимъ не удовольствовались; они хотѣли еще безполезнаго кровопролитія—и, съ 7 по 10 сентября (26—29 августа), по всему русско-румынскому фронту яростно гремѣла артиллерія; особенно

дѣятельно велась артиллерійская подготовка противъ „Зеленыхъ горъ“ (юго-западный секторъ Плевнинской позиціи), потому что чувствовалось, что рѣшительное усиліе должно послѣдовать съ этой стороны.

„Чувствовали“, что рѣшительное усиліе должно послѣдовать съ этой стороны—и все-таки хотѣли атаковать, все-таки хотѣли сломить Османа-пашу силою.

Какъ и въ прежніе оба раза, молодые и энергичные русскіе генералы не удостоили маневрировать и понесли кровавое пораженіе: 22,000 человѣкъ выбыло изъ строя. Въ отрядѣ Скобелева выбыло 40 процентовъ изъ 100.

Это удивительно, но... безполезно... Ничего нельзя себѣ представить безстрашнѣе атаки русской пѣхоты на Кришинъ...; но къ чему было ее производить?

На правомъ крылѣ румыны также показали много мужества и атака ихъ удалась; они захватили знаменитый Гривицкій редутъ, который и удержали съ помощью русскихъ.

Это было очень хорошо для войскъ, которымъ—не знаю, почему—до сихъ поръ отказывали въ воинскихъ доблестяхъ.

Въ центрѣ—атаки производились болѣе открыто и въ секторѣ, лучше подготовленномъ нашими войсками; атаки эти не удались совершенно по тѣмъ же причинамъ, что и въ прежніе раза, и неудача русскаго центра позволила войскамъ Османа-паши усилить свое правое крыло и взять Скобелева во флангъ.

Сраженіе, считая въ томъ числѣ и артиллерійскую подготовку, продолжалось пять дней—и пораженіе русско-румынъ было серьезнымъ.

Предоставимъ слово полковнику Вонлярлярскому: „25 августа (6 сентября), послѣ полудня, генералъ-маіоръ Левицкій собралъ насъ, по приказанію Великаго Князя, познакомилъ насъ съ диспозиціей для предполагавшейся атаки, показалъ намъ на картѣ предназначенныя для войскъ позиціи и далъ

намъ инструкцію относительно того, что должны были дѣлать мы во время сраженія; эти инструкціи были очень полезны для тѣхъ изъ насъ, которымъ еще не приходилось участвовать въ дѣлѣ.

„26 августа (7 сентября) началось бомбардированіе Плевны. Къ полевымъ орудіямъ присоединились прибывшія изъ Зимницы осадныя пушки.

„27 августа (8 сентября), авангардъ князя Имеретинскаго, подъ начальствомъ Мих. Дм. Скобелева, имѣлъ дѣло съ турками на Ловче-Плевнинскомъ шоссе, между Брестовецомъ и Кришиномъ. Я удержусь отъ передачи подробностей этого боя, потому что пишу здѣсь только о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Я былъ еще довольно слабъ и сберегалъ свои силы въ виду приготовлявшейся рѣшительной атаки, въ которой я долженъ былъ принять участіе. На меня смотрѣли еще какъ на больного и потому не посылали съ порученіями. Итакъ, я ограничусь упоминаніемъ, что генералъ-маіоръ Скобелевъ взялъ 29 августа (10 сентября) второй гребень „Зеленыхъ горъ“ и укрѣпился на немъ.

„29 августа (10 сентября), Великій Князь, въ сопровожденіи всей своей свиты, пріѣхалъ верхомъ къ позиціямъ нашихъ осадныхъ батарей, продолжавшихъ въ этотъ день бомбардировку Плевны. Затѣмъ онъ направился къ 3-й батареѣ 5-й артиллерійской бригады, при чемъ командиръ батареи доложилъ ему, что только-что передъ этимъ турецкій снарядъ убилъ двухъ изъ его офицеровъ. Во время своего объѣзда Великій Князь поднялся на одну изъ возвышенностей, съ вершины которой ясно увидѣлъ непріятельскія позиціи. Офицеры и конвой, сопровождавшіе его, представляли изъ себя отличную цѣль для турецкихъ батарей, гранаты которыхъ вскорѣ стали падать вблизи главнокомандующаго. Тогда всѣхъ присутствующихъ отослали за гребень.

Я, какъ дежурный, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей остались возлѣ Великаго Князя. Продолжали утверждать, что атака назначена на завтра, и я радовался этому, тѣмъ болѣе, что какъ разъ къ этому времени кончалось и мое дежурство.

„Войска наши, въ этотъ моментъ, занимали передъ Плевной слѣдующія позиціи:

„На сѣверѣ и сѣверо-западѣ — румыны, подъ начальствомъ генерала Черната.

„На востокѣ, между Гривицей и Радишевымъ, — IX-й корпусъ, подъ начальствомъ барона Криденера.

„На югѣ, у Радишева, IV-й корпусъ, подъ начальствомъ генерала Крылова.

„На Плевно-Ловчинскомъ шоссе — 2-я пѣхотная дивизія, 3-я стрѣлковая бригада и Сводная казачья бригада, подъ общимъ начальствомъ князя Имеретинскаго; авангардомъ этой колонны командовалъ генералъ-маіоръ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

„Наконецъ, на Видѣ, — кавалерія, подъ начальствомъ генераловъ Лашкарева и Леонова.

„Великій Князь, немного погодя послѣ того, какъ мы поднялись на возвышенность, подозвалъ къ себѣ меня и своего адъютанта, а моего товарища, штабсъ-ротмистра Дерфельдена, и сказалъ намъ: „ступайте-ка, ребята, къ генералу Зотову; завтра, во время атаки, вы будете при немъ, а потомъ доложите мнѣ о всемъ“.

„Я было думалъ, что меня опять пошлютъ къ генералу Криденеру, но этого не случилось. Мы нашли генерала Зотова немного южнѣе Радишева, представились ему и поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Тученицу, гдѣ генералъ долженъ былъ ночевать. Генералъ Зотовъ былъ крѣпкій, коренастый старикъ, съ унылымъ и холоднымъ видомъ. Говорилъ онъ мало, а пріемъ, которымъ онъ удостоилъ меня и Дерфельдена, да-

леко не можетъ пазваться благосклоннымъ, по сравненію съ тѣмъ, какъ принимали насъ другіе начальники, къ которымъ насъ прикомандировывали. Между тѣмъ, настала ночь и пошелъ дождь. Намъ приходилось ожидать разсвѣта на воздухѣ, и, какъ легко можно себѣ представить, ночь, проведенная подъ открытымъ небомъ и подъ дождемъ, не могла улучшить моего здоровья. По счастью, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, и мнѣ удалось найти товарищей, штабныхъ офицеровъ, принявшихъ меня въ свою палатку и угостившихъ меня чаемъ.

„Въ силу диспозиціи, всѣ наши батареи должны были открыть на зарѣ огонь и продолжать стрѣлять, безъ перерыва, до 9 ч. утра. Съ 9 ч. до 11 огонь долженъ былъ прекратиться для того, чтобы продолжаться еще сильнѣе отъ 11 до 1 часу; отъ часу до двухъ — новый перерывъ; въ 2 часа—возобновленіе бомбардированія до 3 часовъ. Въ эту минуту, по сигналу, состоящему изъ трехъ залповъ, данныхъ изъ всѣхъ орудій, должно было одновременно броситься на турецкія позиціи и атаковать ихъ съ сѣвера, востока и юга.

„30 августа (11 сентября), рано утромъ, генералъ Зотовъ выѣхалъ изъ Тученицы со всѣмъ своимъ штабомъ и отправился къ батареямъ IV корпуса, на позицію къ юго-западу отъ Радишева. Густой и бѣловатый туманъ покрывалъ всю мѣстность; падалъ мелкій, ледяной дождь; словомъ, началось настоящее осеннее утро. Мы остановились на холмѣ, посреди виноградниковъ, пытаясь наблюдать результаты начавшагося съ утра бомбардированія. Передъ нами разстилалась волнистая мѣстность, покрытая садами и виноградниками, скрывавшими отъ насъ позиціи противника.

„Не припомню точно часа, но кажется въ 10 ч. утра, въ сторонѣ генерала Скобелева, на „Зеленыхъ горахъ“, послышались звуки страшной ружейной пальбы. Съ нашего мѣста, глядя вдоль Радишевскаго лога, мы ясно могли слѣ-

дить за движеніями нашихъ и непріятельскихъ войскъ; такимъ образомъ, мы могли видѣть, какъ двинулись впередъ наши стрѣлковыя цѣпи, не дождавшись 3 часовъ, т. е. момента, назначеннаго для общей атаки. Немного позднѣе, около полудня, находившіяся передъ нами войска IV корпуса начали перестрѣлку съ непріятелемъ, а затѣмъ бросились въ атаку съ крикомъ: ура! Не знаю—какія донесенія получилъ генералъ Зотовъ и чѣмъ объяснить эти атаки и неожиданное наступленіе.

„Голова моя была еще не совсѣмъ свѣжа и, вслѣдствіе этого, я не могъ, подобно тому, какъ это было подъ Никополемъ и 18 (30) іюля подъ Плевной, отдать себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ.

. . . .

„Скоро пѣхотный огонь сдѣлался такимъ же сильнымъ и частымъ, какъ и во время сраженія 18 (30) іюля. Не было уже ни залповъ, ни раскатовъ, подобныхъ барабанному бою, — слышалось что-то похожее на вой. Наше общее душевное состояніе было скорѣе всего печальнымъ. Не вѣрилось въ возможность овладѣть Плевной до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. У каждаго были еще въ памяти воспоминанія о неудачахъ 8 (20) и 18 (30) іюля и не одинъ изъ насъ считалъ эту новую атаку преждевременною.

„Вскорѣ мы узнали, что атака на Радишевскій редутъ была отбита. Ружейная трескотня, казалось, немного притихла. Но почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ послышалось новое ура! и ружейный огонь начался съ новою яростью. Какъ я узналъ позднѣе, это вошли въ линію Казанскій и Шуйскій полки; они поддержали Углицкій и Ярославскій полки, но были отбиты въ свою очередь.

„Немного спустя, послѣ 3 часовъ, генералъ Зотовъ отправилъ меня къ генералу Вельяминову, начальнику 31-й пѣх. дивизіи IX-го корпуса, съ приказаніемъ двинуть Во-

ронежскій полкъ въ атаку на Радишевскій редутъ, который наши храбрые солдаты тщетно штурмовали уже два раза.

. . . .

„Около 4 часовъ пополудни генералъ Зотовъ призвалъ меня и сказалъ мнѣ: „Отыщите Великаго Князя и доложите ему, что наша третья атака—отбита. Приближается ночь и я не могу рискнуть на четвертую атаку".

„Съ этой печальной вѣстью я направился по дорогѣ къ такъ называемому „Царскому Валику" — холму, расположенному восточнѣе Гривицы, почти въ 8 верстахъ отъ позицій IV корпуса. Тамъ я засталъ Императора, сидѣвшаго на складномъ стулѣ и окруженнаго Великимъ Княземъ, принцемъ Карломъ Румынскимъ и всею свитою. Спрыгнувъ съ коня, я направился было къ Великому Князю, но Его Высочество приказалъ мнѣ жестомъ докладывать Его Величеству. Мнѣ было очень трудно и тяжело служить еще разъ передатчикомъ дурныхъ вѣстей для Государя.

„Едва я окончилъ свой докладъ, какъ получены были такія же неблагопріятныя донесенія отъ барона Криденера и отъ румынъ, которые не могли овладѣть Гривицкимъ редутомъ.

„Князь Имеретинскій, съ своей стороны, просилъ немедленной присылки подкрѣпленій, безъ которыхъ ему невозможно было удержать захваченныя имъ позиціи. Въ общемъ, только на одномъ лѣвомъ крылѣ, у генерала Скобелева, мы успѣли выиграть значительный участокъ мѣстности.

„Впрочемъ, за успѣхами Скобелева можно было очень хорошо слѣдить съ мѣста, гдѣ находился Императоръ, который, внимательно наблюдая ходъ сраженія, жестоко страдалъ отъ новаго испытанія, выпавшаго на долю его оружія. Ясно было, что атака не удалась, но интересно было бы знать, что предприметъ непріятель. Рѣшится ли онъ попытаться произвести вылазку?"

. . . .

Да, конечно, слѣдовало попытаться сдѣлать вылазку... но когда?

Тогда ли, когда онъ былъ блокированъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и доведенъ до крайности!

Повторяю еще разъ: армія, не пользующаяся одержанной побѣдой, совершаетъ непоправимую ошибку. Лучше ужъ быть разбитымъ и уйти, ускользнуть отъ противника, чѣмъ быть обложеннымъ имъ.

Быть можетъ, нѣкоторые упрекали Османа-пашу и за то, что онъ не воспользовался третьей плевненской побѣдой, для того, чтобы сдѣлать вылазку, попытаться на наступленіе противъ испытавшаго новую неудачу непріятеля.

Теперь было не то!... На счетъ третьяго сраженія мое мнѣніе совершенно иное, чѣмъ относительно прежнихъ: при первыхъ двухъ пораженіяхъ русскихъ 20 (8) и 30 — 31 (18—19) іюля, силы обѣихъ враждующихъ армій, болѣе или менѣе, находились въ равновѣсіи. Преслѣдуя, Османъ-паша абсолютно ничѣмъ не рисковалъ; имѣя въ своемъ распоряженіи всего нѣсколько кавалеристовъ, онъ все-таки могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ.

Но, послѣ третьяго дѣла, положеніе было совсѣмъ иное!... Османъ-паша, за вычетомъ послѣднихъ потерь, имѣлъ уже не болѣе 30,000—35,000 человѣкъ, тогда какъ руссо-румыны, несмотря на убыль въ своихъ рядахъ, располагали болѣе чѣмъ 100,000 бойцовъ и очень сильною конницей. Атакуя при подобныхъ условіяхъ, Османъ-паша могъ бы быть уничтоженъ переходомъ своихъ противниковъ въ наступленіе; это—несомнѣнно. Что онъ могъ еще сдѣлать теперь—это отступить или хоть перемѣнить свою позицію. Но имѣлось ли время даже и для этого? Къ сказанному прибавлю слѣдующее: Османъ-паша, быть можетъ, и могъ бы атаковать русскихъ, если бы, въ это самое время, наша Ломская армія, сосредоточившись, а Сулейманъ-паша, про-

рвавъ русскихъ на Шипкѣ, согласовали бы свои дѣйствія и энергично двинулись бы впередъ. Но Османъ остался на мѣстѣ и ждалъ обложенія, а остальные не трогались съ мѣста...

Вслѣдствіе успѣховъ, одержанныхъ Гурко подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ, обложеніе Плевны сдѣлалось полнымъ и продолжительность сопротивленія зависѣла только отъ наличности жизненныхъ и боевыхъ припасовъ.

Плевна!... Вотъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ *пассивной обороны!*...

Но что такое война безъ стратегической идеи въ боѣ, безъ маневра?

Безполезное убійство!

Въ тактическомъ отношеніи, болѣе того, что выказали турки подъ Плевной, нельзя и желать. А какой результатъ? Только помогли стратегическому плану противника!

Каждый военный, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ, не можетъ не присоединиться къ хвалѣ воздаваемой нами памяти этихъ героевъ. Они, съ незабываемыми мужествомъ и самоотверженіемъ, поддержали честь нашего знамени! Стратегическія ошибки до нихъ не касаются; они честно исполнили свой долгъ.

ГЛАВА XIII.

Третій періодъ; маршъ на Филиппополь; Станимака.

10 декабря (28 ноября) славный защитникъ Плевны, раненый при попыткѣ прорваться, вручилъ свою шпагу Главнокомандующему русскою арміею.

Въ этотъ же самый день Мехмедъ-Али, бывшій сердарь, былъ командированъ изъ Стамбула въ Орханіэ для защиты дороги въ Софію. На востокѣ—въ Ломской арміи—Шипкинскій эксъ-палачъ, смѣнивъ Мехмеда-Али, не трогался

съ мѣста послѣ своей неудачи подъ Мечкой и не смѣлъ тронуться, какъ и тотъ, чье мѣсто, по причинѣ бездѣятельности, онъ занялъ. На югѣ—Вейссель-паша смѣнилъ Сулеймана на Шипкѣ.

Я присоединился къ маршалу Мехмеду-Али, вызвавшему меня къ себѣ на Балканы, въ Камарлы, какъ разъ въ то самое время, какъ Гурко, послѣ паденія Плевны, подступилъ къ подошвѣ Балканскихъ горъ, слѣдуя съ русской императорской гвардіей по дорогѣ Плевна—Орханіэ—Софія. Моего начальника упрекали еще и въ томъ, что онъ оставилъ Орханіэ, не будучи вынужденъ къ тому силой.

Я, безъ малѣйшаго колебанія, говорю: *онъ хорошо сдѣлалъ.*

Скажу даже болѣе: разъ Плевна пала, а въ четырехугольникѣ оставлены были только слабые гарнизоны, никоимъ образомъ не слѣдовало пытаться оборонять ни Балканы, ни Орханіэ, ни Камарлы, ни Шипки, ни даже Софіи, — и то, что, съ поспѣшностью и на нѣсколько дней позже, было сдѣлано у Филиппополя, могло бы быть сдѣлано раньше, обдуманно и въ порядкѣ, т. е. выбрана была бы соотвѣтствующая обстановкѣ стратегическая позиція. Не слѣдовало бы даже останавливаться въ Филиппополѣ и его окрестностяхъ, но прямо въ Тырново—Сейменлы, и тамъ—я могу доказать это съ картой въ рукѣ—можно было бы заставить русскую армію, — разбросанную, страдающую отъ холода, жестоко-усталую и лишенную стратегическаго резерва,—провести дурную четверть часа.

Тогда мы снова имѣли бы на своей сторонѣ всѣ шансы, потому что 130 баталіоновъ Сулеймана-паши, сосредоточенные на этой безподобной позиціи, могли создать новую Плевну, безконечно болѣе сильную, чѣмъ только что потерянная.

Я тѣмъ болѣе могу утверждать это, что, находясь среди русскихъ въ самое время марша ихъ къ Филиппополю,

отлично видѣлъ состояніе ихъ во время этого движенія; а это, замѣчу мимоходомъ, доказываетъ, что надо даже въ періодъ успѣха и когда нечего скрывать, завязывать глаза парламентеру, какъ это и было сдѣлано со мною во время моего путешествія въ главную квартиру Великаго Князя Николая, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ. На этотъ разъ русскіе, въ упоеніи побѣды и въ чаяніи близкаго окончанія войны, считали возможнымъ обойтись безъ указанной предосторожности.

Чтобы лучше подкрѣпить мое разсужденіе, слѣдуетъ, однако, дать читателю отчетъ о моемъ путешествіи по Болгаріи въ моментъ разыгрыванія послѣдняго акта этой великой драмы.

Возвратясь изъ Камарлы въ Константинополь черезъ нѣсколько времени послѣ паденія Мехмеда-Али, я оставался тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, какъ вдругъ 18 (6) января получилъ приказаніе доставить къ нашимъ уполномоченнымъ, уже переговаривавшимся о перемиріи и находившимся въ Казанлыкѣ, при Великомъ Князѣ Николаѣ, послѣдния инструкціи Блистательной Порты.

Какое незабываемое путешествіе...

Сначала путешествіе по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя въ Сейменлы, въ то время, какъ по этому пути прослѣдовали уже тысячи бѣглецовъ и переселенцевъ. Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи долженъ былъ находиться, при подобныхъ условіяхъ желѣзнодорожный путь; но никто не можетъ вообразить себѣ тѣхъ картинъ, которыя представлялись зрѣнію.

Не понимаю, какимъ образомъ мы, среди этихъ повозокъ, запряженныхъ быками и нагруженныхъ женщинами и дѣтьми, среди этихъ полусумасшедшихъ, идущихъ даже не глядя впередъ,—тысячи разъ не сошли съ рельсовъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ предосторожности машинистовъ,

управлявшихъ локомотивомъ, иногда приходилось слѣзать и исправлять путь или освобождать его отъ всякаго рода труповъ, наваленныхъ на немъ...; по временамъ встрѣчалась измученная ходьбою и улегшаяся на рельсы женщина... или растянувшіеся поперекъ пути, хрипящіе или впавшіе въ обморочное состояніе, старики и дѣти.

Въ Кулели-Бургосѣ, гдѣ мы были принуждены остановиться до свѣта, чтобы можно было продолжать путь по участку, покинутому большею частью стрѣлочниковъ и сторожей, мой вагонъ остался незапертымъ и у меня украли мою драгоцѣнную дорожную провизію... И по всей этой проклятой дорогѣ нельзя было найти ни крошки хлѣба, ни капли воды; все было опустошено, поломано, разграблено, до такой степени, что, прибывъ въ 8 часовъ утра на Адріанопольскій вокзалъ, я засталъ тамъ болѣе 10,000 несчастныхъ турокъ, не успѣвшихъ уйти своевременно и кричавшихъ отъ голода.

Не безъ труда освободивъ нашъ маленькій поѣздъ отъ голодной черни, карабкавшейся на него, какъ на спасительную доску, мы продолжали путь.

Вправо отъ себя я видѣлъ изящные минареты стараго Адріанополя, выглядывавшіе въ этотъ день печально и угрюмо. Русская кавалерійская колонна уже вступала въ городъ. Адріанополь не былъ защищаемъ, и непріятель входилъ въ него какъ къ себѣ домой.

На станціи Мустафа кавалерійская застава, состоявшая, если не ошибаюсь, изъ кавалергардовъ, увидѣвъ развивающійся на локомотивѣ бѣлый флагъ, пропустила меня безпрепятственно.

Немного дальше, въ Германлы, глазамъ моимъ представилась ужасающая картина: въ сторонѣ отъ каменнаго моста я увидѣлъ нѣсколько сотенъ непохороненныхъ труповъ; страшно разложившіяся тѣла солдатъ валялись впе-

ремѣшку съ тѣлами женщинъ и дѣтей; итакъ, здѣсь былъ и бой и бойня...

Еще далѣе—нашъ поѣздъ остановился у развѣтвленія Тырново-Сейменлы; „дальше ѣхать по желѣзной дорогѣ нельзя никакимъ способомъ“, сказали мнѣ встрѣченные здѣсь русскіе офицеры.

Признаюсь, я былъ сильно озабоченъ, такъ какъ полученныя мною инструкціи категорично указывали, что я долженъ былъ прибыть въ Казанлыкъ не позднѣе, чѣмъ на пятый день! Кромѣ того, состояніе пути, необходимость доставить адріанопольскимъ голодающимъ хлѣба и многое другое, все это взяло у меня уже большую часть моего времени. Остальной путь приходилось совершить верхомъ... верхомъ, по дорогамъ, которыя наша отступившая армія, черезъ каждые 200 метровъ, перекопала широкими канавами,—по дорогамъ, полотно которыхъ было сковано 10-градуснымъ морозомъ....

Найденный мною въ Тырново-Сейменлы какой-то русскій генералъ былъ настолько любезенъ, что велѣлъ подковать мою лошадь на зимнія подковы: безъ этого мнѣ было бы невозможно продолжать путь. Но эта любезность обошлась мнѣ гораздо дороже, чѣмъ я могъ подумать, потому что русскіе завладѣли моимъ локомотивомъ,—единственнымъ, которымъ они могли располагать...

Мой чистокровный арабъ „Тимуръ“, стальныя ноги котораго не останавливались ни передъ какимъ препятствіемъ, бодро несъ меня по большой дорогѣ и черезъ нѣсколько времени оставилъ далеко за собой сопровождавшаго меня турецкаго капитана и двухъ нашихъ ординарцевъ. Прорысивъ часа два, я очутился одинъ-одинешенекъ на шоссе, ведшемъ въ Эски-Загру.

Здѣсь-то и начинается интересная часть моего разсказа о путешествіи; я не позволилъ бы себѣ докучать ею читателю,

если-бъ не долженъ былъ освѣтить тѣ обстоятельства, однимъ изъ немногихъ очевидцевъ которыхъ пришлось мнѣ быть.

Въ то время, какъ я подвигался къ Аверу, русскія войска спускались по той же дорогѣ къ югу, двигаясь отъ Балканъ. Они обошли и взяли въ плѣнъ весь корпусъ Вейсселя-паши, употребивъ для этого очень несложный маневръ, который долженъ бы былъ употребить Сулейманъ-паша противъ русскихъ, и показавъ намъ на краснорѣчивомъ примѣрѣ, что можно обходить Балканскіе проходы и позиціи въ самое суровое время года такъ же, какъ и всевозможные Балканы и оборонительныя позиціи въ мірѣ.

Прошло уже пять часовъ, какъ я выѣхалъ изъ Сейменлы, какъ вдругъ, на перекресткѣ, я встрѣтился съ русскимъ офицеромъ, везшимъ къ Великому Князю Николаю извѣстіе о бояхъ, разыгравшихся у Филиппополя.

Несомнѣнно, слѣдовательно, что войска, спускавшіяся въ бассейнъ Марицы, предназначались для того, чтобы помѣшать отступленію нашей арміи на Адріанополь, который сдѣлался главнымъ предметомъ дѣйствій непріятельскаго штаба.

Я утверждаю,—и оставшіеся въ живыхъ русскіе офицеры подтвердятъ это,—что видѣнное мною за эти три дня отнюдь не походило на тріумфальный маршъ (какъ писалось объ этомъ), но скорѣе на *бѣгство впередъ!*

По обледенѣлымъ и перекопаннымъ дорогамъ пѣхота, кавалерія и артиллерія шли какъ люди безъ коньковъ по льду... Зимнія подковы перeранили 30 процентовъ несчастныхъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, выглядывавшихъ тѣмъ печальнѣе, что корма для нихъ почти нельзя было достать въ этой совершенно разоренной странѣ.

Особенно трудно двигаться было артиллеріи, и войска то и дѣло принуждены были останавливаться и поджидать ее. При взглядѣ на нее и на конницу, такъ и просился вопросъ: неужели онѣ смогутъ выдержать путь до конца?!

Другіе корпуса, которыхъ я не видѣлъ, должно быть были еще въ худшемъ состояніи, потому что имъ приходилось совершить еще большій путь и притомъ давать частные бои.

Въ такомъ-то состояніи утомленія и разстройства, разбросавшись на фронтѣ болѣе чѣмъ въ 300 километровъ, русская операціонная армія дебушировала изъ Балканъ, спустилась въ долину Марицы и атаковала Сулеймана при Филиппополѣ.

Мнѣ часто приходилось читать слѣдующее:

„Эту разбросанность русской арміи нельзя считать за ошибку, потому что передъ собой она имѣла только неустроенныя толпы бѣглецовъ“.

Здѣсь—грубѣйшая ошибка; войска, имѣвшіяся тогда у насъ (около 130 баталіоновъ и 120 орудій), отнюдь не представляли изъ себя толпы; одни изъ нихъ могли быть устроены послѣ своего отступленія отъ Балканъ, большая же часть ихъ прибыла свѣжими изъ Константинополя. Я считаю, что, въ общемъ, эти силы были вчетверо больше, чѣмъ силы эксъ-защитниковъ Плевны.

Войскамъ этимъ не доставало только одного: *вождя!* Но вождя способнаго, энергичнаго, рѣшительнаго, вождя, умѣющаго однимъ словомъ, однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ наполнить довѣріемъ сердца своихъ подчиненныхъ и поднять духъ людей: вотъ чего недоставало.

Твердымъ и согласнымъ съ непоколебимыми принципами войны управленіемъ этотъ вождь, безъ сомнѣнія, сумѣлъ бы выполнить всѣ указанныя условія; но, къ несчастью, командованіе нашей послѣдней арміей было еще разъ поручено печальной памяти Сулейману. Послѣ паденія Плевны Сулейманъ оставилъ командованіе Ломской арміей, въ управленіи которой онъ былъ такъ же неудачливъ, какъ и при руководствѣ шипкинской бойни; онъ привелъ къ Константи-

нополю войска четырехугольника, для того, чтобы двинуть ихъ снова къ сѣверу, навстрѣчу русскимъ.

Въ западной части бассейна Марицы, куда стекались всѣ войска, угрожаемыя на Балканахъ, сосредоточивалась армія, настоящая армія. Русскіе пока не атаковали эту армію, но время—драгоцѣнное время—проходило въ томъ, что наши ссорились между собою.

Мысль не заниматься никакими второстепенными соображеніями и сосредоточить все, съ цѣлью встрѣтить идущихъ на Константинополь русскихъ, — прекрасная мысль; но ей недоставало двухъ вещей: опредѣленности и метода.

Куда идти? Къ какому пункту сосредоточиться? Что дѣлать послѣ сосредоточенія? Въ какомъ положеніи находится непріятель? Каковъ фронтъ его марша? Что онъ можетъ предпринять? Въ какой степени можно воспользоваться его разбросанностью и утомленіемъ? Гдѣ слѣдуетъ принудить его дать намъ рядъ сраженій, такихъ же безсвязныхъ и въ открытую, какъ подъ Плевной? Короче, какое средство надо было употребить для того, чтобы принудить его дать себя разбить еще въ большей степени, чѣмъ подъ Плевной? Разъ какъ этотъ результатъ будетъ достигнутъ, — что надо сдѣлать для того, чтобы „переходъ въ наступленіе“ оказался дѣйствительнымъ?

Но не будемъ предупреждать событій; я изложилъ то состояніе безпорядка и утомленія, въ которомъ видѣлъ русскихъ; теперь я долженъ говорить о распоряженіяхъ Сулеймана-паши, насколько они интересны для стратегіи. Чтобы остановить русское вторженіе въ южную Болгарію, турецкій главнокомандующій придвинулся къ Татаръ-Базарджику.

Уже самый выборъ этой позиціи являлся подготовкой пораженія. Но онъ былъ необходимъ, говорятъ друзья Сулеймана, для того, чтобы собрать отступившія къ этому пункту турецкія дивизіи.

Это разсужденіе рушится само собой: этихъ войскъ не собрали потому, что они не были и не могли быть немедленно преслѣдуемы; впрочемъ, имъ довольно было бы и двухъ дней марша для того, чтобы сблизиться съ центральной позиціей у Тырнова-Сейменлы. Здѣсь-то и могло быть, совершенно спокойно, произведено сосредоточеніе.

Дивизіи Шакира и Реджебъ пашей изъ Камарлы; дивизія Бэкеръ-паши (англичанина) изъ Ташкиссена, близъ Камарлы; Фуадъ-паша изъ Елены, гдѣ онъ имѣлъ побѣдоносный бой съ русскими; войска со стороны Сербіи; войска изъ Константинополя и Адріанополя — вотъ что сосредоточилось, безъ приказанія и безъ опредѣленной цѣли, между Филиппополемъ и Татаръ-Базарджикомъ.

Разъ это сосредоточеніе, какъ бы дурно оно ни было, закончилось, никто и не подумалъ предпринять массоваго наступленія противъ разбросанныхъ корпусовъ русской арміи; не подумали и о томъ, чтобы избрать какой-либо оборонительный тактическій пунктъ. Ни разу, ни единаго разу не подумали о томъ, что у русскихъ можетъ быть только одна идея, одно желаніе, одно стремленіе: отрѣзать эту послѣднюю турецкую армію отъ какой бы то ни было стратегической базы и, въ особенности, избѣжать серьезныхъ столкновеній подъ Адріанополемъ.

Очевидно было, что, чѣмъ дальше отъ Адріанополя состоялось бы наше сосредоточеніе, тѣмъ болѣе оно было на руку русскому командованію.

Ни о чемъ этомъ не подумали.

Но что же тогда дѣлали подъ Филиппополемъ?

Говорили... много говорили, а писали еще больше... какъ всегда.

Драгоцѣнные часы и дни проводились въ фантастическихъ разсужденіяхъ.

Шакиры, Реджебы, Бэкеры, Фуады и другіе—понимали

серьезность положенія и хотѣли дѣйствовать; но, въ этихъ случаяхъ, генераловъ должна озабочивать не *серьезность* положенія, а *стратегическая сторона* его.

Да, что надо сдѣлать въ подобномъ случаѣ не для того, чтобы избѣгнуть пораженія, а для того, чтобы разбить противника? Вотъ о чемъ слѣдовало думать прежде всего.

Серьезно!.. Разумѣется, положеніе было серьезно; но оно сдѣлалось таковымъ не у Татаръ-Базарджика, а гораздо раньше.

Напротивъ, въ эту именно минуту положеніе для насъ было превосходно, а для противника оно являлось чрезвычайно серьезнымъ, потому что мы были сосредоточены, а онъ разбросанъ; отъ насъ самихъ зависѣло сдѣлаться господами „внутреннихъ линій“.

Но какимъ путемъ можно было достичь этого? Какъ можно бы было оторвать генераловъ отъ ихъ праздныхъ споровъ? Одинъ говорилъ—бѣлое, другой—черное... и никто не говорилъ того, что слѣдуетъ; но ужъ, конечно, то, что они говорили, было лучше, чѣмъ то, что думалъ ихъ начальникъ.

Пораженные, — нѣтъ, приведенные въ омерзѣніе поведеніемъ Сулеймана, дивизіонеры собрались на совѣтъ и уполномочили одного изъ своей среды изложить муширу рѣшенія, которыя казалось имъ полезнымъ принять при данной обстановкѣ.

Выборный уполномоченнымъ былъ рѣшительный вояка, не постѣснявшійся съ Сулейманомъ.

Что же сдѣлалъ этотъ послѣдній? Онъ принялся охать и рыдать... и жаловаться на всѣхъ; онъ кричалъ, что весь свѣтъ соединился для его погибели. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался податливымъ и рѣшилъ послушаться своихъ подчиненныхъ; но каждый изъ нихъ требовалъ своего; одни настаивали на томъ, чтобы остаться здѣсь для защиты Татаръ-

Базарджика и Филиппополя; другіе хотѣли отступить; и эти преступныя пререканія продолжались болѣе восьми дней... А при обстоятельствахъ, подобныхъ бывшимъ, одна недѣля могла стоить существованія всей Имперіи.

Сулейманъ, очень искусный діалектикъ, отличный адвокатъ, хитрецъ и трусъ, сумѣлъ избѣжать всѣхъ болѣе или менѣе удачныхъ комбинацій и рѣшился на одну, выбранную по своему вкусу; само собою, она не соотвѣтствовала ни обстановкѣ, ни самымъ элементарнымъ правиламъ военнаго искусства: онъ рѣшилъ оставить — и оставилъ — свой естественный путь отступленія на Адріанополь, чтобы прислониться тыломъ—и прислонился—къ Родопскимъ горамъ, при чемъ естественный путь отступленія отходилъ у него отъ праваго фланга.

Это не было даже перемѣнной операціонной линіи, потому что черезъ избранныя имъ для боевой позиціи горы не проходитъ даже козьей тропы. Ни единой дороги, ни единаго прохода!

Въ своемъ незнаніи принциповъ войны онъ воображалъ, что найдетъ себѣ убѣжище въ непроходимыхъ горныхъ цѣпяхъ, направляющихся отъ Марицы къ морю (см. схему 10). Впрочемъ, главною его мыслью было не драться, а улизнуть. Быть можетъ, онъ надѣялся, что русскіе будутъ его преслѣдовать? О, нѣтъ! Онъ былъ достаточно хитеръ, чтобы знать, что противникъ предпочтетъ завладѣть оставленной ему легкой и драгоцѣнной добычей.

Между вождемъ и его подчиненными было такое несогласіе, въ арміи царствовалъ такой безпорядокъ, что между различными частями ея не существовало ни тактической, ни какой-либо иной связи.

Слова—авангардъ, боковой отрядъ, арьергардъ, развѣдка, рекогносцировка—были на всѣхъ устахъ, но очень мало кто зналъ практическое примѣненіе ихъ.

Русскіе приближались отовсюду; ихъ концентрическій маршъ на Филиппополь удался тѣмъ полнѣе, что никто не умѣлъ ему воспрепятствовать. Съ 18 (6) по 20 (8) января они заняли Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь.

Сулейманъ отступилъ долиною Марицы; слѣдуя вдоль этой рѣки, слѣдовательно, перпендикулярно къ направленію марша противника, онъ все время подставлялъ ему свой флангъ. Сулейманъ еще не вступилъ въ горы, но организовалъ свой маршъ слѣдующимъ образомъ: онъ оставилъ сильный арьергардъ (противъ чего нельзя возразить), сформировалъ боковой прикрывающій отрядъ (которому слѣдовало бы быть боковымъ заслономъ, остающимся на высотѣ Чирпана во время дефилированія) и, наконецъ, образовалъ правый боковой прикрывающій отрядъ (?). Послѣдній вскорѣ потерялъ свои дистанціи и интервалы и, не будучи въ состояніи двигаться въ горахъ, ускорилъ свой маршъ, идя вдоль долины и, въ результатѣ, перегналъ бригаду турецкаго авангарда. Замѣтивъ это, правый боковой отрядъ остановился и заставилъ принять себя за противника. Происходитъ сумятица, во время которой русскіе, переправившіеся черезъ Марицу по мосту, который, по обыкновенію, забыли разрушить, атакуютъ оба эти отряда; начинается ружейная перестрѣлка, къ которой вскорѣ присоединяются орудія, а Сулейманъ, узнавъ обо всемъ происшедшемъ, поворачиваетъ головы своихъ колоннъ въ полъ-оборота, и, слѣдуя въ тылу войскъ, уже прижатыхъ къ горамъ, занимаетъ съ главными силами позицію, опираясь правымъ флангомъ на Станимаку, а лѣвымъ на Деирменъ-Дере, но безъ всякаго предварительнаго приказанія: каждый помѣщается гдѣ хочетъ и какъ хочетъ (см. схему 10).

Встрѣченныя мною во время моего путешествія въ Казанлыкъ русскія войска не имѣли другой цѣли, кромѣ той, чтобы отбить у Сулеймана всякую охоту, которой онъ, впрочемъ, и не имѣлъ, сохранить свои сообщенія.

Русскіе, чувствовавшіе, что все окончательно рѣшится здѣсь, дѣлаютъ, несмотря на свое крайнее утомленіе, отчаянное усиліе,—и совершенная Сулейманомъ ошибка даетъ имъ столь необходимую для нихъ въ данное мгновеніе энергію. Пока правыя русскія колонны стремительно атакуютъ Сулеймана, средняя колонна захватываетъ его сообщенія... Пойманный въ, самимъ для себя приготовленную, ловушку, онъ колеблется и, не чувствуя въ себѣ ни силъ, ни мужества, чтобы держаться, бросаетъ дивизію Фуада-паши вѣ-

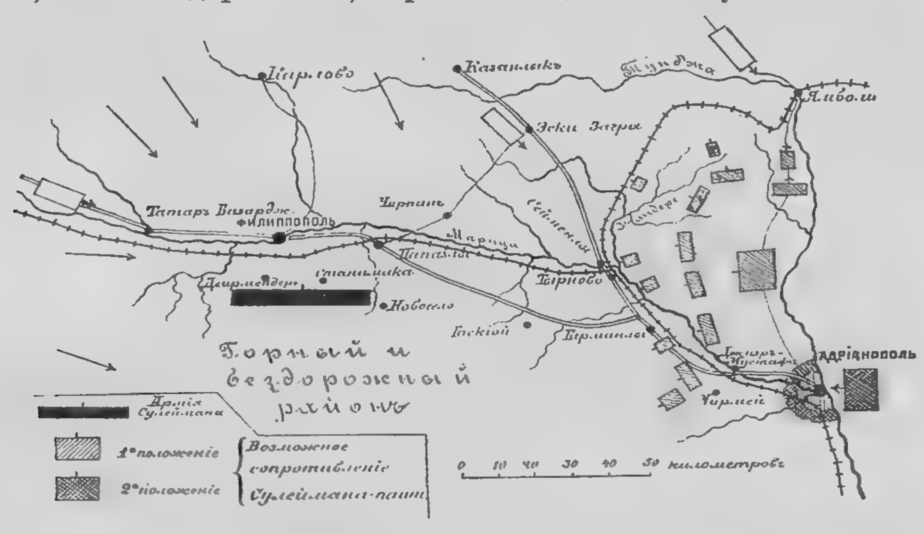

Схема 10.

даться съ русскими, какъ она сама знаетъ; затѣмъ, потерявъ большую часть изъ своихъ 120 крупповскихъ орудій, онъ карабкается со всей своей арміей, которая, я увѣренъ въ томъ, сдѣлала бы чудеса съ хорошимъ вождемъ, по козьимъ тропинкамъ Деспото-Дага (контръ-форсъ Родопскихъ горъ) и постыдно отступаетъ къ Эгейскому морю.

И во время этого позорнаго бѣгства его солдаты—безвѣстные герои — идутъ, вперемѣшку съ эмигрирующими женщинами и дѣтьми, и плачутъ, видя себя между ними; но сигналъ ко всеобщему бѣгству подалъ никто иной, какъ онъ—Сулейманъ!...

Когда я писалъ это книгу въ Алеппо, то имѣлъ честъ встрѣтить тамъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, маршала Р......, у котораго освѣдомился (потому что онъ былъ однимъ изъ Сулеймановскихъ дивизіонеровъ), почему они, съ общаго согласія, не принудили генералиссимуса сохранить свой естественный путь отступленія. Храбрый маршалъ Р...... отвѣчалъ, что это было невозможно, потому что получено было извѣстіе о подходѣ русскихъ колоннъ къ Адріанополю... Да! конечно, послѣ такой потери времени, это, быть можетъ, и оказалось бы невозможнымъ въ данную минуту, но, по моему смиренному мнѣнію, оно было вполнѣ возможно немного ранѣе, если бы выбрали для сосредоточенія позицію, болѣе удаленную назадъ.

Изъ тѣхъ колоннъ, о которыхъ говорилъ маршалъ Р......, одна, та самая, которую я встрѣтилъ, шла отъ Шипки, а другая, вѣроятно, отъ Ямболи. Обѣ онѣ были отдѣлены другъ отъ друга очень большими разстояніями и непроходимыми въ это время года препятствіями.

Если бы, вмѣсто того, чтобъ болтать въ Татаръ-Базарджикѣ, Сулейманъ употребилъ столь драгоцѣнное время на сосредоточеніе къ центральной стратегической позиціи у Сейменлы—Германлы, то русская колонна, двигавшаяся отъ Шипки, была бы сразу остановлена; какъ бы она ни была изолирована и, такъ сказать, висящею на воздухѣ, она увидѣла бы себя принужденной атаковать... А атаковавъ, въ томъ положеніи, въ какомъ была,—она навѣрное потерпѣла бы полное пораженіе (см. схему 10). Сосредоточенность позволила бы Сулейману собрать въ 24 часа всѣ свои силы на любомъ пунктѣ своего расположенія.

Но для всего сказаннаго необходимо, чтобы Сулейманъ отдавалъ себѣ отчетъ въ двухъ факторахъ: *пространствѣ* и *времени*. А этотъ человѣкъ никогда не могъ дать себѣ отчета ни въ чемъ. Что касается до русской колонны изъ Ямболи, то о ней нечего заботиться: она была обязана

идти на выстрѣлы, тогда какъ между нею и средней колонной не было ни одного проходимаго пути. Атакуя безъ связи, она ничего бы не сдѣлала, и никакой обходъ съ ея стороны, чего и боялись, былъ невозможенъ, потому что нельзя обходить 130 баталіоновъ слабымъ отрядомъ.

Занявъ всѣ переправы черезъ Марицу и обезопасивъ тѣмъ ихъ отъ покушеній русской кавалеріи, воспользовавшись желѣзной дорогой и хорошимъ обыкновеннымъ путемъ, мы бы очень покойно прибыли на линію Карабунаръ—Сейменлы—Германлы, много ранѣе русскихъ колоннъ центра и лѣваго крыла, колоннъ, которыя были бы разбиты Наполеономъ одна послѣ другой; и здѣсь, на этой отличной позиціи, съ резервами, хорошо помѣщенными для перехода въ наступленіе, могла бы возникнуть новая Плевна, защищаемая 130 баталіонами и 120 орудіями противъ утомленнаго, разбросаннаго непріятеля, атаки котораго не могли бы имѣть между собою связи... А за собою, въ двухъ переходахъ, мы имѣли бы, какъ *репли*, укрѣпленный Адріанопольскій лагерь.

Одинъ изъ прежнихъ офицеровъ-ординарцевъ Сулеймана-паши увѣрялъ меня, что послѣдній выражалъ желаніе отступить къ Адріанополю, но что ему воспрепятствовалъ въ этомъ военный кабинетъ, засѣдавшій тогда въ сераскіератѣ (военное министерство).

Трудно допустить эту версію по двумъ причинамъ: во-первыхъ, упомянутый паша не пріучилъ насъ находить въ своихъ дѣйствіяхъ что-либо подобное этой стратегической мѣрѣ; а во-вторыхъ, до сихъ поръ *онъ дѣлалъ, что хотѣлъ*—и двѣ его опоры: Махмудъ и Саидъ, никогда бы не отказались выслушать своего дорогого протеже. Неужели же, въ ту минуту, когда отъ его преданности императорскому престолу и отъ его военныхъ способностей (?) требовалось наибольшаго, онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать наперекоръ своей волѣ и долгу?

Нѣтъ! Въ этой головѣ ничего и никогда не было. Нѣтъ.

Все, что онъ дѣлалъ—дѣлалъ интуитивно, хитростью. Умъ его, быть можетъ, и участвовалъ до нѣкоторой степени въ его расчетахъ, но ни сердце, ни знаніе, потому что ихъ у него и не было! Впрочемъ, не зная ни французскаго, ни нѣмецкаго языковъ, на какомъ языкѣ, по какимъ книгамъ могъ бы онъ выучиться военному искусству? Нашему ремеслу не научиться изученіемъ поэта Сади, хотя отъ него, какъ говоритъ легенда, и происходилъ Карно.

Нѣтъ! Этотъ человѣкъ — не военный; онъ — кіатибъ [1])! Ничто его не трогало, да и самъ онъ не могъ затронуть чувствъ солдата ничѣмъ. Онъ не умѣлъ съ нимъ говорить ни во имя Корана, ни во имя падишаха! А какая удобная минута для этого представлялась въ Филиппополѣ; вотъ когда слѣдовало прибѣгнуть къ этимъ двумъ могучимъ средствамъ!... Нѣтъ! Онъ предпочелъ запираться въ своей палаткѣ или прятаться за деревьями—ему стыдно было показаться; впрочемъ, онъ былъ правъ, потому что не имѣлъ никакого вида: одѣтый въ штатское, онъ и лицомъ и осанкой походилъ на торговца древностями. Когда ему приходилось присутствовать—издалека!—при сраженіи, онъ прятался за хорошій брустверъ или за спасительную неровность мѣстности. Солдатъ его не зналъ; послѣ Шипки онъ такъ же тщательно избѣгалъ своихъ собственныхъ солдатъ, какъ и русскихъ пуль! Рѣдко можно было увидѣть его на лошади,—ѣзды верхомъ онъ боялся до сумасшествія. Онъ называлъ себя „муширомъ“ [2]) и ни разу не удостоилъ обратиться съ чѣмъ-нибудь къ своимъ подчиненнымъ, отъ которыхъ не умѣлъ ничего добиться. Своимъ глупо-высокомѣрнымъ молчаніемъ онъ запугивалъ молодежь вмѣсто того, чтобы подбодрить ее и поддержать духъ всѣхъ. Если бы этотъ человѣкъ могъ энергично дѣйствовать и хорошо маневрировать въ послѣд-

---

[1]) Писатель.

[2]) Вмѣсто: мюширъ, что значитъ по-турецки—маршалъ.

ній періодъ этой войны, то онъ сдѣлался бы знаменитымъ, потому что, повторяю еще разъ, *наши шансы были прямо пропорціональны разброскѣ силъ и истощенію противника!* Ни разу, въ теченіе всей кампаніи, мы не были такъ близки къ побѣдѣ, а главнокомандующій не былъ такъ далекъ отъ возможности воспользоваться прекраснымъ случаемъ! Онъ и не думалъ объ этомъ, а друзья его — онъ и теперь еще имѣетъ нѣсколькихъ — говорятъ, что должно было отступать, потому что войска не могли держаться.

Но, тѣмъ болѣе! Именно потому, что находились то здѣсь, то тамъ, войска, которыя не могли держаться, и не слѣдовало ихъ пугать еще болѣе боями въ одиночку, боями, въ которыхъ они чувствовали себя покинутыми и погубленными! Именно потому и слѣдовало ихъ собрать, сосредоточить немного подальше отъ противника, не волнуя ихъ, не давая имъ почувствовать возможности пораженія. Слѣдовало показать этимъ солдатамъ, что ихъ много, что они составляютъ силу, и сказать имъ, что за ними имѣется репли, убѣжище, такой оборонительный пунктъ, какъ Адріанополь. Духъ солдатъ поднимаютъ не тѣмъ, что, даже безъ боя, бросаютъ свои сообщенія.

Можно было дѣлать подобныя ошибки до Фридриха, до Наполеона, до 1870 года. Но потомъ?

Кажется, что, чѣмъ болѣе удаляешься отъ этихъ типическихъ эпохъ, тѣмъ болѣе слѣдовало бы научиться ихъ понимать, а на дѣлѣ—чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ менѣе понимаютъ современную войну.

Въ 1877 году мы были еще слишкомъ близки къ прусско-французской войнѣ; это—къ счастью, потому что русскіе повели бы войну методичнѣе и послѣдствія ея были бы для насъ еще горше. Надо сказать также, что поучаешься не однимъ только изученіемъ того, что согласно съ искусствомъ и методомъ, но и анализомъ того, что противорѣчитъ имъ; крупныя неудачи—лучшіе уроки. И тутъ, въ 1878 году,

при видѣ этой русской арміи, наступающей огромнымъ фронтомъ, передъ этимъ Сулейманъ-пашой, не пользующимся ни разброской силъ, ни усталостью противника, подавленнаго неблагопріятнымъ временемъ года, находящагося въ жестоко оголенной странѣ, двигающагося по невозможнымъ дорогамъ,—да, при видѣ всего этого, спрашиваешь себя: дѣйствительно ли мы можемъ дѣйствовать здраво, на основаніи хорошо разработанныхъ и ясныхъ правилъ и методовъ, признанной отвѣтственности всѣхъ?.. или же мы дѣйствуемъ просто на основаніи легкомысленныхъ соображеній, улетучивающихся при малѣйшемъ физическомъ воздѣйствіи на нихъ?

Во всякомъ случаѣ, я считаю, что искусство *стратегической діагностики*—дѣло очень трудное, особенно если имъ не занимались съ любовью и постоянствомъ.

Кумиръ Махмудъ-Саида и К°, человѣкъ, котораго считали солнцемъ, блисталъ только для того, чтобы указать дорогу къ пораженію. Это—фонарь для бѣглецовъ... Онъ первымъ побѣжалъ къ Эгейскому морю, позволивъ русскимъ свободно идти къ столицѣ. Ничто уже не могло ихъ остановить—и наша послѣдняя надежда исчезла!..

Всякая хорошо задуманная въ главныхъ чертахъ операція почти всегда увѣнчивается успѣхомъ. Планъ, который слѣдовало бы принять въ занимающемъ насъ случаѣ, принесъ бы свои плоды и имѣлъ бы неисчислимыя послѣдствія, если бы только вожди наши находились на высотѣ задачи.

Во всякомъ случаѣ, мы подписали бы миръ въ Адріанополѣ, а не подъ стѣнами столицы, съ ножомъ у горла, съ пушками направленными на наши мечети, на нашихъ женъ и дѣтей! И тогда мы потеряли бы минимумъ изъ того, что могли потерять..., тогда какъ пораженіе подъ Станимакой стоило намъ максимума!

Люди осудили Сулеймана, наказавъ самой грозной изъ каръ, существующихъ для солдата: онъ былъ разжалованъ!

Трижды имѣлъ онъ въ рукахъ три прекрасныя арміи,

которыя онъ, своимъ абсолютнымъ незнаніемъ принциповъ не только *большой*, но и *малой* войны, сумѣлъ иммобилизировать или подвергнуть пораженію.

Нѣкоторые изъ его обожателей (что меня болѣе всего огорчаетъ, такъ это именно существованіе обожателей у этого человѣка) подчеркиваютъ то, что ему были обязаны остановкой марша Гурко на Адріанополь, послѣ боевъ, выигранныхъ у Загры. Это безусловно противорѣчитъ истинѣ, потому что это *нѣсколько поспѣшное* наступленіе русскихъ было остановлено Плевной—и ничѣмъ инымъ.

Исторія еще строже осудитъ этого человѣка, который унесъ въ нѣдра ада ошибки, сдѣланныя имъ на землѣ.

ГЛАВА XIV.

Разгромъ.

Въ предыдущей главѣ было упомянуто, что императорское правительство поручило мнѣ доставить послѣднія инструкціи Высокой Порты пашамъ-уполномоченнымъ, уже бывшимъ при русской главной квартирѣ.

На четвертый день, въ полдень, я прибылъ въ Казанлыкъ; но моя поспѣшность оказалась безполезной, такъ какъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, не желая продолжать переговоровъ о перемиріи въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Адріанополя, въ тотъ же самый день выѣхалъ въ этотъ городъ; мы послѣдовали за нимъ.

Побѣдители и побѣжденные, русскіе и оттоманскіе уполномоченные (Намикъ и Серверъ паши); генералъ Неджибъ-паша; г. Таренъ (французъ), юрисконсультъ; я и другіе турецкіе офицеры; султанскіе метрдотели (Его Императорское Величество желалъ, чтобы посланные имъ были хорошо представлены),—все это, перемѣшанное съ людьми нашихъ любезныхъ хозяевъ, образовало длинный караванъ..., пестрый и живописный, покровительствуемый въ своемъ дви-

женіи на Адріанополь оттепелью, которая смягчила температуру и уничтожила гололедицу.

Я потерялъ свои замѣтки, пишу почти все на память и потому не могу теперь припомнить имени того любезнаго генерала, который управлялъ главной квартирою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая. Не могу вспомнить объ этомъ времени, не засвидѣтельствовавъ здѣсь выраженіе моей глубокой благодарности этому милѣйшему человѣку, который такъ радушно кормилъ меня чудными паштетами и поилъ такимъ чаемъ, который только русскіе и умѣютъ приготовлять.

Я не могу вспомнить объ этомъ періодѣ своей жизни, не высказавъ здѣсь, какъ я благодаренъ всѣмъ тѣмъ, среди которыхъ я находился тогда одинъ-одинешенекъ, въ теченіе долгихъ дней, за ту любезность и тактъ, съ какими они обращались со мной. Никогда, ни разу не видѣлъ я на лицахъ этихъ побѣдителей ни неделикатности, ни оскорбительнаго выраженія, ни даже радости... радости, столь законной и столь желаемой мною для себя.

Не желая меня опечалить, эти милые люди скрывали свою радость. Они наслаждались про себя своимъ полнымъ тріумфомъ, не высказывая этого передъ побѣжденными, храбрость которыхъ была столь велика.

Даже офицеръ, встрѣченный мною по дорогѣ въ Казанлыкъ и везшій Великому Князю извѣстіе о побѣдѣ при Станимакѣ, и тотъ, какъ онъ ни былъ юнъ, держалъ себя по отношенію ко мнѣ такъ, что я не могу достаточно нахвалиться имъ. Едва онъ увидѣлъ, что я турецкій офицеръ, какъ тотчасъ же принялъ спокойный видъ, до такой степени спокойный... что мнѣ казалось возможнымъ прочесть—съ невыразимою радостью—въ его глазахъ печальныя мысли о дурныхъ извѣстіяхъ для русскихъ!..

Лишь потомъ, въ дорогѣ, съ самою деликатною осторожностью, онъ сказалъ мнѣ, что нашей арміи не посчастли-

вилось подъ Филиппополемъ, и только въ Казанлыкѣ я узналъ о Станимакской катастрофѣ.

Въ Адріанополѣ Великій Князь помѣстился со своимъ штабомъ въ старомъ „конакѣ“ мѣстной префектуры, а намъ отвели большой домъ какого-то шефиръ-бея, одного изъ городскихъ нотаблей, эмигрировавшаго вмѣстѣ съ прочимъ мусульманскимъ населеніемъ.

Въ тотъ же день я узналъ, что русскій штабъ воспротивился моему немедленному возвращенію въ Константинополь. Тогда я помѣстился въ одномъ изъ флигелей дома, съ Неджибъ-пашой. До сихъ поръ турецкая миссія пользовалась гостепріимствомъ русскихъ. Естественно, что въ Адріанополѣ оно прекратилось, и намъ предстояло устроиться возможно лучше для того, чтобы отплатить за оказанное намъ радушіе; надо сказать, что это было бы нетрудно, такъ какъ Его Императорское Величество Султанъ прислалъ намъ цѣлый поѣздъ со столовыми принадлежностями и великолѣпной провизіей. Въ первый же день, какъ мы расположились на новомъ мѣстѣ, насъ извѣстили, что полковникъ князь Орловъ, прикомандированный Великимъ Княземъ къ нашей миссіи, и одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ должны обѣдать у пашей, также какъ и мы, турецкіе офицеры. Я бы не входилъ въ эти, малоинтересныя для читателя подробности, если бы онѣ не были связаны довольно курьезнымъ образомъ, какъ видно будетъ далѣе, съ исторіей этой войны.

Незадолго передъ обѣдомъ я обошелъ аппартаменты ихъ превосходительствъ для того, чтобы взглянуть на сдѣланныя приготовленія. Пройдя безуспѣшно всѣ комнаты, которыя болѣе или менѣе могли замѣнить столовую, я открылъ новую дверь и увидѣлъ передъ собою столъ; но такъ какъ этотъ столъ былъ однимъ изъ тѣхъ большихъ круглыхъ, окованныхъ мѣдью подносовъ, которыми прежде пользовались у насъ,—безъ сомнѣнія, оставленнымъ здѣсь хозяевами, и

такъ какъ вокругъ этого „*жепси*“ [1]) другой сервировки. кромѣ нѣсколькихъ деревянныхъ ложекъ, не замѣчалось, то я подумалъ, что ошибся и проникъ въ столовую для слугъ. Выйдя изъ этой, пахнувшей плѣсенью, комнаты, я встрѣтилъ у дверей ея дворцоваго метрдотеля, извѣстнаго бебекли Мехмедъ-Эффенди, походившаго какъ двѣ капли воды на Анри, знаменитаго метрдотеля стараго ресторана Биньона (Bignon), въ Парижѣ. Увидѣвъ мою недовольную гримасу, Мехмедъ—бебекли то-жъ,—спросилъ меня съ самымъ насмѣшливымъ видомъ: „Неправда ли какъ шикаренъ столъ для ихъ превосходительствъ?“ и объяснилъ мнѣ, что одинъ изъ пашей - уполномоченныхъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы отпереть сундуки, присланные намъ Султаномъ для представительства.

Все это я немедленно разсказалъ генералу Неджибу, который взбѣсился и запретилъ мнѣ ходить обѣдать къ пашамъ; и въ теченіе восемнадцати дней моего плѣна турецкіе офицеры обѣдали отдѣльно. Господа вельможи разозлились на насъ за это до такой степени, что, желая отомстить намъ за свой собственный грѣхъ, заставили страну потерять немного болѣе, чѣмъ она должна была потерять, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Переговоры шли своимъ чередомъ; долгіе часы и безконечные дни тянулись другъ за другомъ, не приводя ни къ какому результату. Для этихъ проволочекъ существовала важная причина: русское начальство, желая какъ можно полнѣе воспользоваться совершеннымъ отсутствіемъ защиты и защитниковъ, безъ которыхъ безтолковое отступленіе Сулейман-паши въ Станимаку оставило страну, отъ Адріанополя до линіи Чаталджи [2]), желало хоть частью операціонной арміи, хоть авангардомъ ея, прибыть къ этой линіи для того, чтобы создать болѣе тяжкія условія для перемирія,

[1]) По-турецки — поднос.

[2]) Оборонительная линія Константинополя съ европейской стороны.

которыя должны были лечь въ основаніе мирныхъ переговоровъ.

Не сходится ли это намѣреніе русскаго Главнаго Штаба съ тѣмъ, что я высказалъ въ предыдущей главѣ, и не должно ли было намъ постараться, во что бы то ни стало, создать центръ сопротивленія впереди Адріанополя? *Въ особенности не слѣдовало позволить увѣрить себя, что у русскихъ имѣется достаточно силъ и для того, чтобы окружить 130 баталіоновъ въ Новой Плевнѣ, и для того, чтобы продолжать дѣйствія противъ Константинополя!*

Не забудемъ, что совсѣмъ крошечная армія Османа-паши совершенно остановила вторженіе русской арміи въ то время, когда она была еще совершенно свѣжей и цвѣтущей!

Что касается до вопроса о продовольствіи, то несомнѣнно, что мы могли подвозить его по желѣзной дорогѣ, тогда какъ русскіе, обладая недостаточнымъ подвижнымъ составомъ, были бы почти не въ состояніи сдѣлать то же; *вотъ причина, вслѣдствіе которой они должны были бы дать намъ рѣшительное сраженіе.* А такъ какъ имъ пришлось бы атаковать въ несравненно худшихъ условіяхъ для нихъ, чѣмъ для насъ, *то легко представить себѣ, что произошло бы*... И такъ какъ мы изслѣдуемъ сейчасъ случай конкретный, то прибавимъ къ этимъ вѣроятностямъ, *которыя могли и должны были осуществиться при хорошемъ командованіи,* еще и возможность подкрѣпленія корпусомъ Вейсселя-паши (который, за нѣсколько дней передъ разсматриваемыми нами событіями, позволилъ себя засадить на Шипкѣ въ бутылку); да, представимъ себѣ, что 25,000 этихъ закаленныхъ въ бояхъ солдатъ присоединились бы къ нашимъ 130 баталіонамъ, и посмотримъ еще разъ на карту и на великолѣпную центральную позицію (съ превосходными оборонительными секторами), которая была бы занята столь сильной арміей...

Кто поколеблется сказать еще разъ: какіе случаи упу-

щены; кто не сдѣлаетъ отсюда должнаго вывода для будущаго, кто не затрепещетъ при мысли о возможности подобной отвѣтственности въ будущемъ? Кто изъ добросовѣстныхъ военныхъ не постарается *узнать все, что нужно знать* для того, чтобы осмѣлиться играть въ эту игру. Право, голова кружится и тѣломъ овладѣваетъ трепетъ ужаса, когда вспомнишь объ этихъ временахъ и о томъ, какимъ рукамъ довѣрены были судьбы Имперіи!

Русскіе дипломатически дѣлали все, что слѣдовало, чтобы затянуть переговоры; наши уполномоченные по утрамъ отправлялись въ конакъ, а вечеромъ возвращались домой, какъ благонравные школьники!

А въ то же время противники наши спѣшили, какъ только можно спѣшить съ усталой арміей, къ Константинополю, для того, чтобы имѣть право сказать, что они уже находятся у Чаталджи и чтобы вести переговоры соотвѣтственнымъ этому образомъ.

Все это продолжалось около трехъ недѣль, а Константинополь громко просилъ и молилъ о подписи перемирія. Наконецъ въ одинъ прекрасный вечеръ Северъ-паша, воротившійся съ предпослѣдняго засѣданія у Великаго Князя, потребовалъ меня къ себѣ; между нами произошла слѣдующая бесѣда:

Онъ. — Переговоры кончаются, но объ одномъ пунктѣ намъ надо знать мнѣніе Порты. Положимъ, въ крайности, можно бы обойтись и безъ него, но мы, я и мой коллега, не прочь узнать мнѣніе Императорскаго правительства по этому пункту. А такъ какъ завтра мы подписываемъ, то я прошу васъ тотчасъ же отправиться верхомъ отыскать какую-нибудь турецкую телеграфную контору (?), переговорить и *завтра утромъ, къ полудню, доставить намъ отвѣтъ...*

Я. — Поистинѣ, ваше превосходительство оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести... но, развѣ же намъ не извѣстно, что русскіе находятся уже въ Чорлу, а можетъ быть и

далѣе? Такимъ образомъ, даже получивъ пропускъ отъ нихъ, мнѣ придется проѣхать въ поискахъ оттоманской телеграфной конторы за этотъ городъ; иными словами я долженъ буду въ восемнадцать часовъ (изъ нихъ двѣнадцать—ночью) сдѣлать отъ 300 до 400 километровъ, туда и назадъ... такой скорости можно ожидать только отъ локомотива... А потому, благодаря ваше превосходительство за оказанную мнѣ честь и за предполагаемую во мнѣ чудесную быстроту, я беру на себя смѣлость отклонить и то и другое.

Онъ.—Но, говорю же вамъ, наконецъ, что это необходимо... и что вы обязаны повиноваться.

Я.—Съ моей стороны было бы еще преступнѣе, если бы я согласился принять порученіе, превышающее и мои силы и, думаю, силы всякаго человѣка.

Сказавъ это, я ушелъ...

То же предложеніе было сдѣлано еще двумъ офицерамъ изъ пяти имѣвшихся налицо; разумѣется, они отказались также, какъ и я. Пришлось обойтись такъ, и на слѣдующій день договоръ былъ подписанъ. Впрочемъ, все это было подстроено русскими дипломатами, которымъ очень хотѣлось оттянуть еще денекъ; но день этотъ достался нашей дипломатіи, благодаря отказу офицеровъ; зато оба наши дипломата и возымѣли противъ насъ зубъ.

Паши вернулись на другой день изъ конака почти ночью,—печальная была эта ночь для насъ!—съ бумагами, картами и документами, столь нетерпѣливо ожидавшимися въ столицѣ.

Со времени погрома нашей послѣдней арміи военныя дѣйствія почти прекратились, и русскимъ оставалось только тѣснить передъ собою небольшіе турецкіе отряды, эшелонированные вдоль Константинопольской дороги. На ней попадались цѣлые раіоны, совершенно лишенные и властей и оттоманскихъ войскъ.

Никто въ Константинополѣ не подозрѣвалъ той медленности, съ которой русская армія приближалась къ столицѣ,

несмотря на то, что путь къ ней былъ совершенно свободенъ.

Турки думали, что противникъ тріумфально идетъ къ Стамбулу, а русскіе воображали, что на линіи Чаталджи ихъ ожидаетъ необычайно упорное сопротивленіе; но, благодаря своей кавалеріи, русскіе были безконечно лучше освѣдомлены, чѣмъ мы; они знали, что, даже послѣ подписанія въ Адріанополѣ условій перемирія, въ которомъ войска ихъ предполагались на линіи Чаталджи, они достигнутъ до нея, не встрѣтивъ никого, кто могъ бы сказать, что въ моментъ подписи договора о перемиріи, они едва-едва были еще въ Чорлу.

На самомъ дѣлѣ первыя русскія войска прибыли въ Чаталджу одновременно со мной... и вотъ какъ это случилось: на другой день послѣ того, какъ военные отказались исполнить требуемое отъ нихъ чудо, въ конакѣ распространилась новость, что бумаги, наконецъ, были подписаны и что ихъ немедленно же отошлютъ въ Константинополь.

Мы, офицеры, съ минуты на минуту ожидали, что насъ позовутъ къ ихъ превосходительствамъ и что одного изъ насъ—вѣроятно, меня, потому что мой „Тимуръ“ отличался необыкновенною быстротою,—пошлютъ курьеромъ въ столицу; я даже отдалъ моему вѣстовому соотвѣтственныя приказанія, какъ вдругъ, немного погодя, мы узнали, что господа уполномоченные, разгнѣванные нашимъ отказомъ наканунѣ, не удостоили избрать курьера среди насъ, не исключая и тѣхъ, которые ни отказывались, ни соглашались, — разгнѣванные на это исчадіе человѣческаго рода, которое зовутъ военными (фи! люди, отказавшіеся кушать вмѣстѣ съ ними деревянными ложками съ мѣднаго подноса...), они поручили отвезти въ Константинополь и депеши и весь портфель съ бумагами о перемиріи пузатому, жизнерадостному, великолѣпному метрдотелю, бебекли тожъ.

Да! документы столь важные, ожидаемые съ такимъ нетерпѣніемъ; документы, потеря которыхъ въ дорогѣ была бы такъ чудовищна и опасна, были довѣрены метрдотелю!

Мы смотрѣли другъ на друга, и никто не хотѣлъ вѣрить ничему подобному. А между тѣмъ къ намъ пришли сказать, что Мехмедъ уже выѣхалъ на вокзалъ, гдѣ русскіе приготовили *для посылаемаго въ Стамбулъ съ документами турецкаго офицера* поѣздъ...

Тутъ ужъ я не стерпѣлъ и, несмотря на то, что меня пытались удержать, галопомъ поскакалъ на вокзалъ, куда уже забрался метрдотель, но гдѣ не знали, что это онъ повезетъ депеши... Выдавъ себя за курьера, я поставилъ „Тимура“ въ вагонъ и сѣлъ въ поѣздъ, при чемъ ѣхавшіе на немъ въ Чорлу русскіе офицеры оказали много вниманія и почета *посланнику господъ оттоманскихъ уполномоченныхъ.* За Чорлу поѣзда не ходили; высадившись около полуночи на платформу этой станціи я увидѣлъ толстяка, имѣвшаго видъ человѣка, потерявшаго не зонтикъ свой, а то, что этотъ инструментъ обыкновенно прикрываетъ. Это былъ знаменитый Мехмедъ, метрдотель-курьеръ, фигура котораго заставила бы меня расхохотаться, если бы мнѣ не хотѣлось заплакать.

Бѣдняга вообразилъ, что его преспокойно высадятъ на платформу Сиркаджи [1]) въ Константинополѣ... и когда онъ, какъ знаменитый Тартаренъ Тарасконскій, увидѣлъ себя одинешенькимъ среди русскихъ военныхъ, объясняться съ которыми онъ никакъ не могъ, то принялся дѣлать отчаянные жесты, которые его собесѣдники понимали еще менѣе.

Надо было положить конецъ этой трагикомедіи и показаться бѣдняку. Я подошелъ къ нему сзади и, потрепавъ его по плечу, окликнулъ его на нашемъ языкѣ; эффектъ получился магическій. Онъ повернулся на 135 градусовъ и бросился мнѣ на шею, даже не отдавая себѣ въ первую минуту отчета, что это я.

Ночь была очень холодная, и я живо почувствовалъ на

---

1) Конечный пунктъ желѣзной дороги изъ Европы въ Турцію.

своихъ обмерзшихъ щекахъ теплую сырость: толстякъ вспотѣлъ и было отчего, несмотря на температуру.

—Но, тогда за какимъ же чортомъ вы сунулись въ это дѣло? сказалъ я ему.

Онъ сталъ мнѣ пространно объяснять, что не считалъ это дѣло такимъ сложнымъ... и что онъ надѣялся за него что-нибудь получить... „И потомъ—слава, господинъ маіоръ, слава играть роль во всѣхъ этихъ событіяхъ; развѣ вы ее ни во что не считаете, славу-то?“

Толстякъ былъ честолюбивъ... но мнѣ некогда было ему объяснить, что бываютъ слава и честь, о которыхъ метрдотели и думать никогда не должны.

Я хотѣлъ взять документы и ѣхать немедленно дальше верхомъ, но Мехмедъ, какъ ни былъ смущенъ и опѣшенъ встрѣтившимися препятствіями, ни за что не хотѣлъ отдать мнѣ свою ношу... Что подѣлаешь! Молодость, неопытность, боязнь скандала передъ нашими любезными противниками,—все это помѣшало мнѣ прибѣгнуть къ силѣ, хотя я и былъ увѣренъ, что толстякъ уступитъ при первой угрозѣ. Въ особенности, мнѣ не хотѣлось, чтобы догадались, что это онъ—метрдотель—настоящій гонецъ, а я только подложный!

Мы переговаривались на станціи въ теченіе двухъ часовъ, желая выхлопотать поѣздъ, потому что Мехмедъ не хотѣлъ путешествовать ночью верхомъ; но достать поѣздъ, несмотря на всю любезность и предупредительность начальника станціи, поляка, оказалось невозможнымъ.

Тѣмъ не менѣе я воспользовался расположеніемъ этого желѣзнодорожнаго чиновника для того, чтобы послать военному министру, Реуфу-пашѣ, депешу съ отчетомъ о всей этой прискорбной исторіи. Позднѣе я узналъ, что моя депеша не дошла до министра.

Затѣмъ, видя, что дѣлать больше нечего, я вышелъ въ пустой сарай, гдѣ уже былъ поставленъ „Тимуръ“, и растянулся возлѣ него на связкѣ старой соломы.

Разумѣется, несмотря на волненія и усталость отъ этого ужаснаго дня, я не могъ уснуть; но надо полагать, что слава имѣетъ свойство успокаивать духъ человѣка, потому что утомленіе, потъ, мое присутствіе, въ особенности, и перспектива тріумфальнаго въѣзда въ Константинополь усыпили бебекли Мехмеда,—и этотъ сонъ доставилъ ему блистательный случай воспѣть гимнъ людей со спокойной совѣстью, маршъ идіотовъ: онъ храпѣлъ...., храпѣлъ такъ, что можно было подумать, что гдѣ-то сражаются, несмотря на перемиріе!

А мнѣ было грустно, и я плакалъ... Меня охватила тоска при мысли и о себѣ, и о нашей мужественной арміи, и о моемъ отечествѣ,—да, о моемъ несчастномъ отечествѣ... Я думалъ о томъ, что каждый текущій часъ былъ лишнимъ несчастіемъ для насъ... будущее представлялось мнѣ чернымъ... я предчувствовалъ новыя несчастія и плакалъ....

Наступилъ сумрачный и холодный день. Казалось, сама природа была опечалена такимъ концомъ войны, заставившимъ *исторію Оттоманской имперіи* провести ночь въ какомъ-то сараѣ... потому что эти часы дѣйствительно принадлежали исторіи.

Отъ офицеровъ, бывшихъ въ караулѣ на станціи, я узналъ, что находившіяся въ Чорлу войска были подъ начальствомъ генерала М. Д. Скобелева, имя котораго пробудило мое любопытство, возбужденное славой этого блестящаго офицера.

Городъ расположенъ въ трехъ-четырехъ километрахъ отъ станціи. Я вскочилъ на „Тимура“ и отправился туда, въ сопровожденіи Мехмеда, шедшаго за мной съ величайшимъ трудомъ, похожаго какъ двѣ капли воды на Санхо-Панчу и обливавшагося кровавымъ потомъ, такъ какъ дорога отъ станціи къ городу круто поднималась въ гору.

Обворожительный и знаменитый русскій генералъ принялъ меня, тотчасъ же по прибытіи моемъ въ городъ, чрезвы-

чайно любезно. Итакъ, передо мною былъ человѣкъ „Зеленыхъ горъ“, „Бѣлый-паша“, какъ называли его наши войска за цвѣтъ его одеждъ и за масть его лошади. Передо мной былъ самый смѣлый изъ офицеровъ тогдашней Россіи, и какъ шли къ его красивой фигурѣ всѣ создавшіяся о немъ легенды!

Позабывъ о войнѣ, о перемиріи, о всѣхъ ужасахъ, пережитыхъ нами, мы принялись толковать о Парижѣ, театрахъ, о... короче сказать, о всѣхъ хорошихъ вещахъ, которыхъ мы были лишены такъ долго.

Но надо было ѣхать: молодой русскій генералъ, въ сопровожденіи многочисленнаго штаба, произвелъ смотръ двумъ эскадронамъ, выстроеннымъ здѣсь же на улицѣ.

По моей просьбѣ, моему слугѣ (мнѣ пришлось выдать за таковаго Мехмеда) дали маленькую, кругленькую и смирненькую лошадку. Но надо было видѣть физіономію толстяка, когда онъ понялъ (не безъ отчаянныхъ гримасъ), что ему придется или взобраться на этого коня или быть предоставленнымъ собственной участи.

Скобелевъ выѣхалъ изъ города и остановился близъ турецкаго кладбища. Въ скоромъ времени къ генералу подъѣхалъ крупнымъ галопомъ элегантный офицеръ [1]), салютовалъ ему и сталъ за нимъ. За этимъ офицеромъ шли, на извѣстной дистанціи, два эскадрона, которые продефилировали мимо начальника и на его привѣтствіе отвѣчали громкими: ура!

Я былъ очень удивленъ, что мнѣ даютъ такой многочисленный эскортъ...

Черезъ часъ мы уже находились среди слегка волнистаго раіона мѣстности, спускающейся съ Чорлускаго плато къ Мраморному морю.

Между тѣмъ, чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ менѣе

---

[1]) Это былъ извѣстный кавалерійскій генералъ Струковъ.

я могъ понять пустынность этого края, правда оставленнаго нашими, но въ которомъ должны бы были находиться части русской арміи... И во время нашего марша охранительная служба велась такимъ образомъ, какъ будто мы шли по странѣ, занятой непріятелемъ.

Съ нами были два очень изящныхъ офицера; кажется, одного изъ нихъ звали Каульбарсомъ, а другого Келлеромъ. На мои вопросы о причинѣ отсутствія войскъ въ проходимомъ нами раіонѣ, эти господа отвѣчали мнѣ стратегически-тактическими резонами, которые въ то время были для меня китайщиной!

Такъ мы прибыли въ Фенеръ, большую деревню, населенную греками; здѣсь сдѣланъ былъ привалъ; не замѣчалось нигдѣ ни русскихъ, ни слѣдовъ прохода арміи.

Тутъ-то я началъ догадываться, что эти два эскадрона были первыми войсками, которыя могли двинуть къ столицѣ, и эта запоздалая догадка обратилась въ увѣренность, когда на другой день утромъ, вступивъ въ Чаталджинскій уѣздъ, я увидѣлъ нашихъ, отступающихъ при видѣ русской кавалеріи!.. Не подозрѣвая этого, я былъ частью передового отряда отъ авангарда первыхъ непріятельскихъ войскъ, вступавшихъ въ этотъ раіонъ.

Русскіе остановились въ Чаталджѣ; я же продолжалъ свой путь; Мехмедъ съ трудомъ слѣдовалъ за мною, умоляя меня не ѣхать слишкомъ быстро по спуску изъ города въ долину. Но, доѣхавъ до моста въ Катирлы, я, указавъ своему пріятелю-бебекли на виднѣвшіяся вдалекѣ очертанія укрѣпленій, сказалъ ему: „вотъ куда вамъ надо ѣхать!“ и, вонзивъ шпоры въ бока моего „Тимура“, поскакалъ къ Хадимъ-Кіою, гдѣ, я зналъ, что найду нашихъ.

Но поля были покрыты рыхлымъ слоемъ, не походившимъ ни на ледъ, ни на слежавшійся снѣгъ; этотъ покровъ проваливался при каждомъ шагѣ моего коня; острые края

проваловъ жестоко рѣзали сухожилья на ногахъ моего бѣднаго скакуна: *это былъ разгромъ*! страшный разгромъ....

Кажется меня увидѣли съ фортовъ въ то время какъ я ѣхалъ по длинной дорогѣ черезъ равнину и доложили обо мнѣ маршалу Ахмедъ-Мухтару-пашѣ, который, по возвращеніи со своей прекрасной кампаніи въ Малой Азіи, посланъ былъ на Чаталджинскую оборонительную линію.

Маршалъ, полагая, что видитъ во мнѣ гонца съ депешами, принялъ меня почти дурно. Опозданіе, въ которомъ подозрѣвалъ меня его превосходительство, безъ сомнѣнія плохо говорило за меня... если-бъ я только былъ въ немъ виновенъ... Но вскорѣ онъ узналъ,- что, безъ моего присутствія въ Чорлу, знаменитый бебекли, вѣроятно, встрѣтилъ бы такія затрудненія на своемъ пути, что нельзя было бы даже приблизительно опредѣлить, когда онъ прибудетъ... и даже прибудетъ ли вообще.

Отходилъ поѣздъ. Не ожидая своего пріятеля Мехмеда, я уѣхалъ въ Стамбулъ и, когда я появился въ совѣтѣ министровъ, собиравшихся каждый день въ военномъ министерствѣ, то при моемъ видѣ поднялся гулъ голосовъ.

Но скоро всѣ успокоились, когда узнали, что я былъ лжегонцомъ, а единственнымъ, настоящимъ, истиннымъ былъ метрдотель-бебекли Мехмедъ-Эффенди.

Вернувшись домой, я прежде всего позаботился о своемъ великолѣпномъ „Тимурѣ“, ноги котораго были всѣ въ крови и который тѣмъ болѣе заслуживалъ моего попеченія о немъ, что былъ подаренъ мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ Султаномъ.

